

Р2 ЯР
Г65

Олег ГОНОЗОВ

НА ИЗЛОМЕ

Рассказы
разных лет

Олег ГОНОЗОВ

родился и живёт в Ярославле. Член Союза российских писателей и Союза журналистов России, заслуженный работник культуры РФ.

В 1987 году окончил Московский государственный институт культуры. Работал проводником поезда «Москва - Владивосток», электриком на заводе, инструктором горкома комсомола, журналистом.

Публиковался в коллективных сборниках и альманахах «Берега», «Молодые ярославцы», «Откровенный разговор», «Окно», «Воскресенье», «Губернаторский сад», «Лёд и пламень», а также в «Литературной газете», «Литературной России», в журналах «Русский путь», «Мера», «Юность», «Грани», «Балтика», «Флорида» и других.

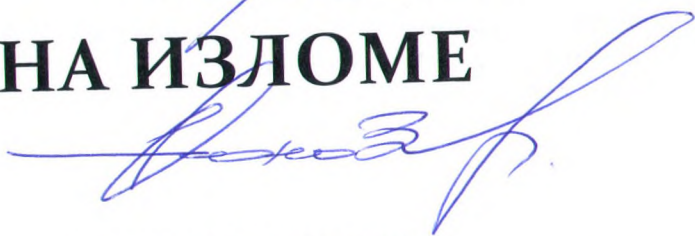
Автор четырёх сборников рассказов «Судьбы на ветру» (1991), «Татьянин день» (1996), «Эффект присутствия» (2004), «Смерть в Хургаде» (2010).

Р2 8Р
Г65

Олег Гонозов

Читателям центральной
библиотеки им. Мухоморова
с пожеланием добра
от автора

НА ИЗЛОМЕ

рассказы разных лет

18.02.2016.

КАНЦЛЕР
Ярославль
2015

Муниципальное учреждение культуры
"Централизованная библиотечная
система города Ярославля"

УДК 82.3
ББК 84 (2 Рос=Рус)6
Г65

*Книга издана при поддержке
Министерства культуры РФ и
Союза российских писателей*

Гонозов О. С.
Г65 На изломе: рассказы. Предисловие Г. В. Кемоклидзе. –
Ярославль: Издательский дом «Канцлер», 2015. – 434 с.

В книгу вошли рассказы разных лет. Многие из них публиковались в периодических изданиях, альманахах и авторских сборниках. При подготовке издания отдельные тексты переработаны или отредактированы.

18+

ISBN 978-5-91730-510-3

© Гонозов О. С., 2015
© ИД «Канцлер», 2015

Светлой памяти любимой жены Елены

ОРЛЫ И РЕШКИ

Кина не будет – кинщик помер! – по-змеинному сплюнув сквозь зубы, бросил Волчок. Щуплый, вертлявый парнишка в расстегнутом пиджаке с короткими рукавами и шароварах, заправленных в штаны, он напоминал героев из фильма «Республика ШКИД». Как его звали на самом деле, я не знал. Да меня это и не интересовало. Слышал, что в фойе клуба его называли Волчком, так что он мог вполне носить фамилию Волков или Волчков.

Спокойно Волчку не сиделось. Он всеми способами старался привлечь на себя внимание: хлопал сиденьем, барабанил костяшками пальцев по деревянным подлокотникам, залезал коленками на кресло и, высмотрев знакомых, строил им смешные рожи.

Прозвенел третий звонок. Свет в зале стал медленно гаснуть. И на подсвеченной софитами сцене показались участники художественной самодеятельности. Они шли в плащ-накидках и пилотках, на ногах – тяжелые кирзовые сапоги, в руках автоматы. Узнав в первых солдатах учащихся 6-го класса, зрители оживленно загудели. А уж когда на сцене, пряча под длинной юбкой кривые ноги, показалась Птица – учительница пения Вера Валерьевна Галкина, зал буквально встал на уши. Не зная, как реализовать накал чувств, кто-то стал громко аплодировать, кто-то топать и свистеть. Не остался в стороне и Волчок: он, как будто решив разорвать рот, сунул в него грязные пальцы обеих рук и выдал такую залиvistую трель, что у меня зашумело уши. Но поднявшийся с места учитель физкультуры быстро испортил всеобщую радость:

Тишина в зале!

Пал Палыча боялись. Он шутя выжимал одной рукой сразу две ладонных гири, а одной вообще жонглировал. Народ поприших. Лишь какой-то смельчак с задних рядов в сердцах крикнул: «Кино давай!»

Но все прекрасно понимали, что в День советской армии от концерта художественной самодеятельности не отвертеться. Киносеанс бесплатный: если не нравится – уходи! Никто не держит. Публику волновало, насколько затянется эта «панихида»: ограничится шумя-тремя военно-патриотическими песнями или в перерывах между ними будут ещё звучать и стихи. Чтецов ненавидели хуже, чем школьных зубрилок. Они всегда выбирали самые длинные стихотворения, часто сбивались и начинали чтение сначала.

Музыка Василия Соловьёва-Седого, слова Михаила Минусовского. «Баллада о солдате». Исполняет хор 6-го «б» класса, –

объявила Птица и встала к залу спиной, в белой накрахмаленной блузке, сквозь которую просматривался лифчик. Тоненькие, как веточки, руки учительницы потянулись вверх, и вся она, готовая выскочить из модных туфель, привстала на цыпочки, а ученики в едином порыве запели:

*Полям, вдоль берега крутого,
Мимо хат.
В серой шинели рядового
Шёл солдат...*

Я смотрел на самодеятельных артистов и чувствовал, что в их облике что-то не так. Какие-то они не настоящие. И вскоре понял: на них не было этих самых серых солдатских шинелей! А зелёные плащ-накидки не производили впечатления, как и примитивно выструганные на уроках труда автоматы.

– Стрясём по копеечке? – неожиданно предложил Волчок. Как и я, он не был большим поклонником школьной самодеятельности и хотел развлечений. Его маленькие серые глазки смотрели с затаённой хитринкой.

– Давай, – доставая из кармана мелочь, согласился я.

Пацан не представлял, с каким профи он решил сразиться. В «трясучку» я редко проигрывал. Это был мой конек. Одноклассники обходили меня за версту. А после того как в ходе полуторачасовой битвы я оставил без копейки второгодника Петю Припоева, обо мне заговорила вся школа.

– Чур я трясу! – Волчок протянул изъеденную цыпками ручонку.

– Тряси!

Его копейка лежала вверх «орлом». Я свою положил точно так же.

Закусив губы, парнишка, видимо, вознамерился трясти их до морковкиного заговенья. Но я его сразу же остановил:

– Стой! Решки!

Монетки лежали единичками вверх.

Пацан сглотнул слюну. Такого расклада он не ожидал. Но было бы странно, если бы монетки легли по-другому: мои бесконечные во дворе и школе «тренировки» не прошли даром. Правда, в своём классе я старался играть двухкопеечными монетками, досконально изучив, сколько раз они успевают перевернуться при каждой «встряске».

Я забрал выигрыш. Потом ещё. Ещё. И ещё...

– Добиваю двадцать! – вынув из кармана два гривенника, не унимался малёк. Взяв монетки, я незаметно зажал их на ребре, а остальные начал трясти.

– Стой! Орлы!

Я свалил зажатые гривенники решками вверх:

– Ваши не пляшут! – из четырех монет три лежали номиналом вверх. Выигрыш снова переключался в мой карман. Пацан злился, кусал губы, сопел. Наивный, он хотел на мне заработать. Не вышло! Выиграть у меня невозможно: я буду трясти монеты до тех пор, пока они не лягут в нужном мне положении. Как говорится, ловкость рук и никакого мошенничества.

– Стоп! Решки! – сделал очередную попытку Волчок. Это меня развеселило. Соперник выбрал тактику слепого чередования «орлов» и «решек». Уж лучше бы долбил, как дятел одно и то же: больше шансов на удачу.

Я открыл ладони:

– Орлы!

Какое-то время мы заворуженно тупо смотрим на сцену, где открывает рты шестой «б»:

*Шёл солдат, преград не зная,
Шёл солдат, друзей теряя,
Часто бывало,
Шёл без привала.
Шёл вперёд солдат...*

И вдруг один из «солдат», побледнев, закатил глаза и брякнулся на пол. Это был эпилептик Федя Жлобин. В прошлом году он грохнулся на торжественной пионерской линейке, посвящённой дню рождения Владимира Ильича Ленина. Говорят, переволновался. Нельзя Феде волноваться. Запутавшись в плащ-накидке, он бьётся в конвульсиях, словно сражённый невидимой пулемётной очередью. И Вера Валерьевна, как фронтовая медсестра, низко склоняется на лежащим. Чтобы бедолага не откусил себе язык, она засовывает ему в рот дирижерскую палочку.

– Доктора! – подаёт голос физкультурник. – В зале есть медработник?!

Задние ряды встают, чтобы получше рассмотреть происходящее. А к сцене, как «скорая помощь», несётся заведующая детской поликлиникой, за свой высокий рост прозванная Каланчой. Вдвоём с учительницей пения они удерживают бьющегося Жлобина, а

когда тот приходит в себя, уводят за кулисы. Хор в растерянности. Но Вера Валерьевна принимает решение начать песню сначала:

*Шёл солдат, слуга Отчизны.
Шёл солдат во имя жизни.
Землю спасая,
Мир защищая,
Шёл вперёд солдат.*

Словно не замечая недавней потери бойца, школьный хор с достоинством уходит со сцены. А так ещё неизвестно, сколько бы они терзали нас песнями. Софиты гаснут. На сшитом из простыней экране появляются знакомые фигуры неуловимых мстителей.

– Давай ещё по копейке! – не унимается Волчок. Глупый, он всё ещё надеется отыграться, хотя на его месте я бы, наверное, тоже так поступил. Но у него один шанс из тысячи.

– Потом! – отмахиваюсь я. – После кино доиграем.

Не хватало только испортить себе удовольствие от фильма. Я смотрю «Новые приключения неуловимых» в десятый, а может, даже в пятнадцатый раз, но всё равно, как впервые. Большинство звучащих с экрана диалогов давно знаю наизусть: «Вам билетёр требуется?» – «Был нужен, уже взяли». – «Может, и я на что сгожусь?» – «Может. Сгодишься. Если скалиться не будешь». Их я к месту и не к месту вставляю в общении с одноклассниками. И они сразу понимают, откуда это: «Не промахнитесь, Валерий Михалыч». – «Постараюсь, господин штабс-капитан»...

Кино для меня – смысл жизни! Тем более «Неуловимые мстители»! Ни о какой «трясучке» не может быть речи. Всё, мальчик, до новых встреч. Ку-ку! Но я понимаю, что проигравший Волчок просто так от меня не отстанет. И точно. Как только в зале зажётся свет, сопевший весь фильм сосед заговорил о продолжении игры:

– Ну как, по копеечке?!

– Да иди ты на фиг со своей копеечкой! Смотри, какая на улице темнотица! Если хочешь – сыграем по гривеннику!

– Так у меня только четыре копейки осталось...

– Вот и езжай на них домой! Пока автобусы ходят.

– Я рядом живу... Вон мой дом... Сыграем...

– Отвянь!

Покинувшие душный зал подростки ещё какое-то время трутся возле клуба, курят, кто-то прислушивается к нашему разговору.

– Тогда я брата позову! – как последний козырь бросает пацан. Маленький, в серой кроличьей шапке с обсосанными вязками Волчок выглядит жалким. Это меня злит: нос не научился вытирать, а страшает.

– Зови!

– У него братан из армии пришёл! – слышится сзади. – Прибьёт как муху!

– Не ссы в компот, там повар ножки мыл! – хорохорюсь я. Как-то нелепо было бы опрометью нестись домой. Ничего плохого я Волчку не сделал? Играть не заставлял. Деньги не отбирал. Пусть зовёт хоть прокурора – всё по чесноку было.

Из-за угла появляется серая шинель. Как недавно в песне: «В серой шинели рядового шёл солдат...» Только он не шёл, а бежал. Мчался на защиту своего брата, словно его подняли по тревоге. Тяжело дыша, двухметровый великан скользил кирзовыми сапогами по раскатанному снегу – и курившие за клубом малолетки на всякий случай прижались к перилам крыльца.

Я понял, что сбежать не получится. Ноги, будто налились свинцом, а сердце забилось пойманной в сачок бабочкой. Братья и в самом деле жили рядом с клубом. Не смея поднять на старшего глаза, я видел только его огромные, сорок шестого размера кирзачи. И ещё чувствовал запах одеколona «Шипр», каким одеколонится наш дворник дядя Паша.

– Он? – подойдя ко мне вплотную, спросил парень в шинели.

– Он, – кивнул Волчок.

И последовал удар, от которого я улетел в сугроб. В глазах вспыхнули яркие молнии. Правую скулу ломило, как будто я наткнулся щекой на острый забор. Но страха не было, только обида: за что?

– Чего развалился? Вставай! – неразговорчивый брат Волчка протянул мне руку. Но только я неуклюже попробовал встать, как он снова сшиб меня ударом в глаз.

Кулаки у него были, как кувалды – и вылезать из снежного убежища мне не хотелось. Я закрыл глаза и старался не подавать признаков жизни. Даже дышать перестал, пусть думают, что потерял сознание...

И тогда налетел Волчок. Он остервенело, как умел молотил меня руками и ногами, стараясь попасть в лицо. А поняв, что я не буду сопротивляться, стал шарить по карманам. Но я, ещё выходя из клуба,

предусмотрительно спрятал мелочь в носок. Не от Волчка, конечно, а от ребят постарше, что могли попросить гривенник, а услышав «нет» – обыскать.

– Снимай ботинки! – велел проигравший, стаскивая с меня обувь, а услышав в одном из мокрых носков звон монет, счастливо завопил: – Вот они, мои денежки!

В наказание за несговорчивость и упрямство Волчок связал шнурки моих ботинок морским узлом и поплевал на них, мол, попробуй развяжи.

– Кому-нибудь вякнешь, забью, как мамонта! – нагнувшись, предупредил его брат. – Будешь печёнками рыгать!

Они ушли. А я, сидя босыми ногами на снегу, ногтями и зубами развязывал шнурки. Честно признаться, я не спешил обуваться, наоборот, мне хотелось отморозить ноги и попасть в больницу. Моё воображение рисовало картины одну другой страшнее. Вот хирурги всю ночь борются за мои ноги, делают всё возможное и невозможное, чтобы их спасти. Но уже началась гангрена – и ноги приходится ампутировать по самые колени. Смахивая слезу, доктор выдаёт мне протезы... И тут все узнают, из-за кого я потерял ноги... Я обуваюсь. От жалости к себе у меня дрожат губы.

Во дворе умиротворенно тихо. В жёлтых и синих от телевизионных экранов прямоугольниках окон угасает прошедший день. Звёздное небо желает всем спокойной ночи, но идти домой с разбитым лицом страшно.

Правый глаз заплыл. Я выжидаю, пока мама с бабушкой лягут спать. Иначе они всю ночь с охами и ахами будут расспрашивать, что случилось. Лучше приду попозже – утро вечера мудреней.

В свете уличного фонаря напротив раскрывшей пасть деревянной «помойки» проступают очертания снежной крепости, с башенками и бойницами. Мы соорудили её в конце декабря из бесформенного сугроба, созданного стараниями дворника дядя Паши. Правда, пришлось повыше поднять стены и для крепости облить их снаружи водой.

Через узкий лаз я, как ящерица, проникаю в устланную хвойными ветками пещеру. Мы натаскали их сюда после новогоднего праздника, когда ёлки в остатках мишуры и блесок за ненужностью выбрасывались на улицу.

Здесь, в смахивающем на медвежью берлогу убежище, хранился наш арсенал. Тяжёлая штыковая лопата, детское ведёрко, несколько самодельных «бомбочек» из консервных банок с золой. Между прочим, моё изобретение. Когда мы штурмовали снежную крепость в

соседнем дворе, то зола для ребят, живущих в благоустроенных квартирах, стала неожиданностью. Мы закидали их принесенными «бомбочками» и замерзшими собачьими какашками – и враг разбежался. Кому, извините, приятно оказаться по уши в золе да ещё схлопотать в лоб замерзшим куском собачьего дерьма?

Я приложил к ноющей скуле кусок ледышки (говорят, помогает от синяков) и закрыл глаза. Угрозило меня связаться с этим Волчком. Легких денег захотел. Но, как бабушка говорила, лёгких денег не бывает. Попробуй объясни теперь, откуда фингал, если спросят в школе.

На следующий день после уроков был классный час. Сначала наша классная Мария Павловна подробно рассказала о Дне советской армии и военно-морского флота. А потом предоставила слово гостю, что всё это время скромно сидел за первой партой – гвардии сержанту Денису Волкову, в котором я сразу же признал своего обидчика!

Русоволосый сероглазый сержант бодро вышел к классной доске, и в него влюбились, наверное, все наши девчонки, а мальчишки пристально всматривались в спортивные значки у него на груди. Демобилизовавшийся боец рассказал, что только в армии он узнал, что такое солдатская дружба и взаимовыручка, плечо товарища и отцовское слово командира. Как, став отличником боевой и политической подготовки, он вступил кандидатом в члены партии. И что только благодаря армии смог посмотреть нашу бескрайнюю Родину: возвращаясь из дальневосточной воинской части, он проехал через всю страну.

Весьма проникновенно гость говорил о военной присяге:

– Накануне присяги мы наизусть выучили одно из солдатских писем с фронта. Его написал жене и сестрам танкист, воевавший с первых дней войны и погибший за нашу Советскую Родину. До сих пор помню эти слова: «Если не будет рук – буду идти вперёд и грызть врага зубами. Не будет ног – стану ползти и душить его. Не будет глаз – заставлю вести себя. Но пока враг в России – с фронта не уйду».

Класс замер, слушая сержанта.

А я не верил ни одному его слову.

ЧЕЛОВЕК С БАРАХОЛКИ

1

Кто рано встаёт, тому Бог подаёт. Латышев всегда, сколько себя помнил, придерживался этой мудрости. А в последнее время, когда стал ходить на барахолку, и подавно.

Чтобы не проспать, по-стариковски заводил сразу три будильника: заклеенную знаком качества советскую «Славу», ходики часового завода «Ереван» и дешёвые китайские тикалы без названия. Но просыпался всё равно раньше. В полутьме на ощупь совал ноги в сланцы и шлёпал на кухню.

Будильники начинали трезвонить на все голоса, когда Петрович, хлебнув чайку, уже одевался. Под зимнюю камуфлированную куртку он поддевал вязаный свитер; на шею наматывал мохеровый шарф, затёртый, в дырках, но ещё вполне пригодный; в ботинки для тепла засовывал смятые газеты, а шнурки кроличьей шапки завязывал на затылке. И вот уже из пожелтевшего зеркала в прихожей на Петровича смотрел боец невидимого фронта, а не шестидесятилетний пенсионер из шестого микрорайона.

Во дворе, как всегда, не горел ни один фонарь. Только свет с лестничных площадок высвечивал скользкий, как каток, тротуар, по которому неслась снежная позёмка. Конец марта, а зима и не собиралась отступать. Уличный термометр показывал минус пятнадцать, а резкие порывы ветра вынуждали прикрывать лицо рукавицей.

Первая, под завязку набитая пассажирами маршрутка пронеслась мимо, не останавливаясь. Следующая «Газель» появилась минут через двадцать, и тоже переполненная. Но ехать надо было «кровь из носа» — и Петрович пошёл на бордаж. Зацепился пальцами за дверной проём и ужом протиснулся между модной девицей в наушниках и крупногабаритной мадам средних лет. Маршрутка рванула с места и карьер — и он почувствовал, что в дамочке не меньше центнера веса. Дальше водитель уже никого не сажал — и доехали быстро.

Минут пятнадцать Латышев на автопилоте шагал по узкой и ледяных колдобинах дорожке, зажатой глухими металлическими заборами частного сектора. И хотя здешние улицы ещё хранили в себе очарование дореволюционных названий: Ямская, Заовинная, Мельничная, вымахавшие на них коттеджи из газобетона и сайдинга рядом с бедными деревянными домиками казались инопланетянами.

Из-за высоких заборов раздавался лай цепных псов. На калитках висели предупреждающие таблички «Осторожно, злая собака!». Хотя куда опаснее были сбившиеся в стаи бездомные шавки, которых Петрович от греха подальше старался обходить стороной.

На пешеходном мостике через спрятавшийся под ноздреватым сугробом Тропинский ручей знакомо пахло канализацией. То ли ещё будет весной, когда со всех сторон зажурчат вешние воды, в том числе и фекальные! Но народ привык, не замечает – живёт, строится, осваивая близлежащие пустыри.

В берёзовой рощице Петрович оглянулся, нет ли кого сзади, спрятался за деревьями, расстегнул ширинку. Мочиться не хотелось, но потом будет некогда и негде. Он долго стоял, силился, пока прерывистая жёлтая струйка не пробуравила девственно чистый снежок. Не детский возраст и тут давал себя знать: как не ссы, а последняя капля в трусы.

Наконец, на горизонте показалась барахолка – скопище однообразных ржавых конструкций из прилавок под навесами. Когда-то эти намертво сваренные железные ряды верой и правдой служили милому бизнесу, но со временем предприниматели перебазировались в торговые центры, а площадку облюбовал живущий поблизости народ. Шустрые одинокие бабульки и старички затеяли по воскресеньям торговлю подержанными вещами. И слух о блошином рынке, где, как известно, два дурака – один продает, другой покупает, разлетелся по городу.

Взгромоздив потёртую, но ещё довольно крепкую хозяйственную сумку на прилавок, Латышев растёр затекшие пальцы, смахнул рукавицей снег, постелил клеёнку. Торопиться некуда: на часах только полвосьмого, тьма тьмущая, светать начнет около девяти.

У большинства завсегдатаев на барахолке свои, облюбованные места, за которые они глаза выцарапают. Народ собирается тёмный, каждый второй с уголовным прошлым. Неудачно брошенное слово, кривой взгляд, неуместная шутка заканчиваются драками. Нетрезвые мужики, сцепившись, мутузят друг друга руками и ногами, кусаются и царапаются. Правда, тут же находятся желающие растащить и примирить драчунов, и до смертоубийства дело не доходит. Даже когда ловят залётных воров. А воровали на барахолке всегда, хотя, казалось бы, и воровать-то нечего – одно старьё и рваньё. Оказывается, есть. У одного поддатого мужика спёрли электродрель, у отлучившейся до кустов тётки свистнули хрустальную вазу. Не зевай!

На барахолке очень важно обзавестись надежными соседями, лучше всего людьми пожилыми, советской закалки. Молодятине палец в рот не клади, по локоть откусят. Латышев старался держаться ровесников. На «крутые места» в проходе и у забора не претендовал. Да они и так уже были заняты, о чём свидетельствовали предусмотрительно положенные на прилавки камни и куски картона. Треть торговцев была ещё только на подступах к барахолке, а то и вовсе тряслась в общественном транспорте.

Первым показался старик Шоломин. Как Дед Мороз, он тащил в руке мешок. Правда, не с новогодними подарками, а с разными железяками. На ногах рыбацкие сапоги, зашнурованные проволокой, длинный овчинный полушубок подпоясан ремнём, вылинявшая кроличья шапка. Передние зубы за восемьдесят лет дедушка благополучно сжевал и поэтому не улыбался. Глазки маленькие, на подбородке и шее клочья небритой щетины.

Про таких, как Шоломин, говорят: сам себе на уме. После смерти жены он остался в квартире один, как перст, и теперь больше всего боится, как бы его не пристукнули из-за жилья. Несколько лет назад в городе орудовала банда, убивавшая одиноких владельцев благоустроенных квартир. Своих будущих жертв мошенники находили по газетным объявлениям, вывозили за город, душили и замуровывали в подвале дачного дома. Не щадили ни инвалидов, ни студентов, даже священника, решившего перебраться в столицу, грохнули, как обычного бомжа.

Неразговорчивый Шоломин не вызывал у Латышева симпатии. Зато другой сосед, пятидесятилетний Витя-Митя, своей болтовнёй мог кого угодно свести с ума. Постоянно шмыгая носом и задыхаясь в кашле, он не скрывал, что лежал в психушке, имеет группу и расшибёт башку любому, кто поднимет на него хвост!

– Мне сосед три раза ментов вызывал! – с детским задором рассказывал Витя-Митя. – То я музыку громко врубаю, то песни матерные пою, то в трусах на лестничной площадке курю! Менты приедут, а я им в харю справочку, где чёрным по белому написано, что у меня вторая группа инвалидности. Ещё есть вопросы? Нет вопросов. Тогда до свидания. А того соседа-стукача я всё равно подловил как-то вечером во дворе пьяненького и отделал как Бог черепаху! Он, конечно, на меня думает. Но поди, докажи!

Витя-Митя (на барахолке его кто Виктором зовёт, кто – Димкой) – мужик рукастый: из старых пил кухонные ножи делает, самодельные финки, кинжалы – всё разбирают. А электромотор от насоса третью неделю таскает – не берут. Две тысячи просит, хотя понимает, что за

такие деньги никто не купит. А всё равно носится с ним, как с модным без ручки, дураков ищет.

Ещё один дедок тоже с железками таскался — Матвей Михайлович, его за глаза Морфеем звали. Этот сверла да подшипники приносил. На днях, говорят, помер, Царство Небесное. Так законное дело Морфея его бабка заняла. Притащила дедовы валенки, чумочки, дверные ручки. Старый что малый: не понимает, что никому не нужны теперь их пожитки.

У Петровича торговля явно не задалась. Часов в девять повалил снег, и ни спрятанные в полиэтиленовый пакет открытки никто не обращал внимания. Никого не интересовали ни значки с городами, ни советские обшлёпанные рубли, что он прихватил с надеждой продать. Поговорка, что ни каждый значок найдется дурачок, оказалась не права.

Совсем другая картина была напротив, где торговали узбеки. Муж с женой, которую Петрович сначала принял за дочку азиата. Прямо на полу они расстелили выцветшую клеёнку и расставили на ней шушечные джипы, машинки, вездеходы с пультовым управлением. Естественно, без батареек, так что в исправность техники продавцам приходилось верить на слово. Были у них ещё какие-то детские телескопы, коробочки с домино и одежда для новорожденных. Но всё это для видимости, потому что основной «бизнес» они построили на пирожках, булочках и горячем чае.

Не очень-то заботясь о санитарии, ловкие выходцы из Средней Азии взгромодили на прилавок коробку с пирожками и повесили написанные фломастером ценники. Лепёшка — 10 рублей. Самса — 30. Чай в пластиковом стаканчике — 10. И тут же выстроилась очередь. Из узбеков. Земляки причаливали маленькими компаниями по два-три человека, с достоинством пили чай, жевали пирожки и чирикали на одном им понятном языке.

Собираясь домой, Петрович тоже отважился прикупить пирожков, слишком аппетитными они ему на морозе показались. Подошёл, а лепёшки закончились. Остался только кипяток в термосе и пакетики с чаем. Но чаю он и дома напьётся.

2

Обидело Петровича родное государство, взяло за горло на старости лет. Да так цепко, что он и пикнуть не успел. И дело даже не в том, что назначили ему совсем смешную по нынешним временам пенсию — 5558 рублей 28 копеек, а в том, что для её начисления ставили собрать кучу справок! Он понимал, что много не отваят, но

зачем было требовать бумаги о зарплате со всех мест работы в советское время?

Даже девушка, выдавшая пенсионное удостоверение, темноглазая, с короткой стрижкой, сочувственно промолчала. Видно, совсем позорную пенсию ему насчитали. Как уголовнику с трудовым стажем в полторы пятилетки.

– Николай Петрович, а вы работаете? – бросила спасательный круг темноглазая, когда Петрович, поджав от обиды губы, потопал на выход.

– Нет.

– Неработающим у нас положена доплата к пенсии до прожиточного уровня пенсионера – в нашем регионе это 5835 рублей.

Спасибо, утешила старика.

Стариком Николай Петрович себя, конечно, не считал. Старики – это те, кто, едва шевеля ногами, сидят на лавочке во дворе, седые, с жёлтыми, морщинистыми лицами, эдакие гномтики, от которых уже пахнет могилой.

Какой он старик, если нет у него ни внуков, ни детей? И жены нет. А в молодости была. Учительница. Каждый день уши продувала, что для советского человека в семейной жизни нет ничего важнее взаимной любви, а в постели бревно бревном. Завучем назначили – вообще с головой в работу ушла. Спать порознь стали. А потом и вовсе разошлись, как в море корабли.

Видел Николай Петрович на днях у поликлиники этого отличника народного образования: вылитая Надежда Константиновна Крупская в редакции газеты «Правда». Не признала, дура! Прошла мимо. А он-то ещё мужчина хоть куда! И если бы швейная фабрика «Парижская коммуна», где он двадцать лет отбарабанил электриком, не обанкротилась, то был бы и на его улице праздник. Что-то вроде советского Первомая! Многие незамужние женщины, да и семейные тоже смотрели на него в ту пору с интересом. А он, высокий, гладко выбритый и наодеколоненный, в длинном плаще из кожзаменителя шёл впереди фабричной колонны с красным знаменем. Ветер трепал его густые, смоляные волосы. А руки крепко держали бархатный стяг с вышитым золотом портретом Владимира Ильича Ленина.

Не выстояла тогда «Парижская коммуна» в войне с дешёвым китайским ширпотребом, как саранча хлынувшим на отечественный рынок. В начале девяностых предприятие перешло на сокращенную рабочую неделю, и за долги осталось на зиму без отопления. Потом мужские и детские сорочки, всегда считавшиеся дефицитом, вообще

Никто не мог пользоваться спросом. Высококвалифицированные швеи, исключенные беспросветным безденежьем, встали за прилавки, вынужденные в малый бизнес, поехали за товаром в Турцию, Арабские Эмираты, Китай.

Николай Петрович после банкротства фабрики полгода проторчал в поисках занятости, а по вечерам, чтобы не дать дуба, собирал пивные бутылки на остановках. Их брали по рубль двадцать. Буханка чёрного хлеба стоила четыре рубля. Сдавая в день по рюкзаку стеклотары, на эти деньги по безработице ещё можно было как-то прожить. А куда делся, если тогдашний премьер-министр, пухленькое лицо которого появилось в телевизор, призывал россиян затянуть потуже пояс?

3

Выход на заслуженный отдых не принёс Латышеву жизненных изменений.

Как зомбированный, он до глубокой ночи смотрел телик, с надеждой на что-то достойное переключая каналы. Но Останкинскую вышку захватила свора воющих на один мотив поп-звёзд и скалящих зубы юмористов, при появлении которых ему хотелось запустить в них пулю от телевизора. Интересные сериалы, вроде «Оттепели», показывали редко – и приходилось смотреть всякую белиберду, от «Бриков» до шоу «Уральских пельменей».

Потом Петрович, как младенец, дрых часов до десяти утра. И снова врубал зомбоящик: по первому начиналась программа «Жить здорово», по второму «О самом главном». Елена Малышева и доктор Агапкин учили его жить, объясняя, что нужно исключить из питания, а что ограничить. Сахар, соль, сливочное масло, колбасу, майонез... А потом шла реклама про школьницу Верочку с бутербродом, который «Я» сделал папа, а следом за ней артист Пореченков с улыбкой демонстрировал ложкой майонез.

Когда от телевизора становилось совсем невмоготу, Петрович подходил к книжному шкафу и выдергивал что-нибудь из классики. Чаще всего это был Достоевский. «Преступление и наказание» можно было читать бесконечно и всякий раз словно впервые. Из четырёх томов Лермонтова Николай Петрович брал только один – прозу. Любил поваляться с Чеховым. Вот уж у кого краткость – сестра таланта! Но прочитав с десятков рассказов, Петрович вспоминал сюжеты от силы трёх-четырёх.

Из зарубежных писателей книжный шкаф гордо хранил полные собрания сочинений Бальзака и Мопассана. В советское время томики

любвеобильного француза приходилось прятать за Чехова – мужики с работы обязательно просили дать почитать. «Чего не жалко», – настаивали они, что означало «с концами». Петрович не давал. «Это – память деда, – говорил он самым назойливым. – Из дома не выносятся! Читайте здесь!» И интерес к книгам у тех сразу пропадал.

Вглядываясь в дорогие сердцу книжные корешки, Петрович частенько задумывался над превратностями жизни писателей. Скажем, Бальзак прожил 51 год, а оставил после себя 24 увесистых тома собрания сочинений. Чтобы стать Наполеоном в литературе, он писал по шестнадцать часов в сутки, а когда засыпал с пером в руке, совал ноги в тазик с холодной водой. Может, поэтому Петрович и одолел только треть из написанного Бальзаком. А вот Мопассана прочитал все двенадцать томов. Создатель «Пышки» и «Милого друга», может, и больше бы написал, да из-за врождённого сифилиса не дотянул и до сорока трех лет.

Хотя если взять нашего Лермонтова – тот вообще прожил с гулькин нос, но своим творчеством ознаменовал расцвет русской литературы. И было бы у Михаила Юрьевича не четыре, а четырнадцать томов, если бы он в своё время прекратил издеваться над Мартыновым. В желании досадить майору в отставке поэт цеплялся к каждому его слову. А досадил самому себе. После его смерти и вовсе началась мистика: в год столетия со дня рождения поэта грянула Первая мировая война, в год столетия смерти – Великая Отечественная. А после столетия со дня смерти рухнул Советский Союз.

Выйдя на пенсию, Петрович частенько примерял свои шестьдесят лет на жизни великих. И результат частенько оказывался в его пользу. Адольф Гитлер покончил жизнь самоубийством в пятьдесят шесть. Дедушка Ленин не дотянул до пятидесяти четырёх! А Наполеон Бонапарт отправился на тот свет в пятьдесят один.

4

Соседка Капа, узнав от Петровича, какую пенсию ему отвалили, долго качала головой. А потом, как всякая сердобольная женщина, стала давать советы. Мол, надо идти в собес, хлопотать удостоверение ветерана труда.

– Под лежачий камень вода не течёт, – толковала бабка Капа, демонстрируя свои зубные протезы. – У федеральных ветеранов льготы по оплате жилья, да и четыре согни рублей социальной доплаты в месяц лишними не будут.

Ник живи – век учись. Если бы не Капитолина Фёдоровна, так Латышев не скоро бы узнал, что ему положено. Почистил Петрович ботинок, брюки погладил, а утром двинул в собес.

А там по всему коридору старики стены подпирают. Присесть негде – на полсотни человек всего три скамейки. Спросил Петрович, кто крайний, и сам спиной к стене привалился. Думал, часа два придётся стоять, не меньше, но очередь двигалась быстро. По причине отсутствия «необходимого пакета документов» старики высказывали своё мнение, как пробки из шампанского.

Попав за дверь, Петрович не успел толком осмотреться, передохнуть, как был взят в оборот сидящей за крайним столиком работницей.

Фамилия, – не отрываясь от компьютера, словно в нём решалась судьба всего человечества, спросила женщина. И по выражению её лица, запыленного, с пухлыми накрашенными губами, Петрович понял, что эту стену ему не пробить. Чтобы не тратить зря времени, ему хотелось развернуться и уйти, но, вспомнив слова соседки про железный камень, он отважился пройти свой путь до конца.

Латышев, – ответил он. – Николай Петрович.

Год рождения?

Он назвал.

Место постоянного проживания, – стучала по клавиатуре пальцами, как сосиски пальцами чиновница. – Государственные награды имеете?

Что? – переспросил Николай Петрович, чем вызвал недовольный вздох собеседницы.

Медали, ордена, почётные звания, грамоты, благодарственные письма министерств и ведомств? – перечисляла женщина, словно наперёд зная, что ничего подобного у стоящего перед ней пенсионера нет.

Не имеется...

В таком случае, Николай Петрович, вы не можете претендовать на звание ветеран труда федерального значения.

– А регионального? – не уходил Латышев.

– Регионального? – будто спохватившись, уткнулась в монитор сотрудница. – Для присвоения звания ветеран труда нашей области пенсионер должен иметь сорок лет трудового стажа, а у вас, Николай Петрович, только тридцать девять с половиной. Поработайте ещё полгодика – и приходите. До свидания!

– До свидания, – пятясь к двери, ответил Петрович, не понимая, как так получилось, что за всю свою жизнь он даже не заслужил звания ветерана труда.

Домой вернулся как оплеванный. И так ему больно и обидно стало, что он задумался о самоубийстве. «Вон на Олимпиаду у государства деньги есть, – рассуждал он. – Депутатам и министрам зарплату разогнали до заоблачных высот, а на пенсионерах экономят! Живите, как можете. А если мало, идите в дворники, уборщицы, санитарки. Метите дворы, мойте полы, выгребайте говно из-под лежащих больных. За шесть тысяч рублей в месяц!»

Нет, просто так, по-стариковски незаметно, Петрович прощаться с белым светом не собирался. Уж если и хлопнуть крышкой гроба, так чтобы всем чертям тошно стало. Пусть начальство из пенсионного фонда и собеса на всю оставшуюся жизнь запомнит Николая Петровича Латышева! Научит он их, гадов, старость уважать!

Доделав бутылку дешёвой водки «Рыбацкая язь» и опустошив банку килек в томатном соусе, Петрович рисовал в голове картины одну другой страшнее. Вот он открывает конфорки газовой плиты, плотно занавешивает на кухне шторы и уходит в комнату, закрыв за собой дверь. Где-то через час, полтора, когда запах газа станет невыносимым, он зайдет на кухню и чиркнет спичкой. Рванёт так, что подъезд разнесёт, как карточный домик. По телевизору такое уже показывали, только списывали на утечку бытового газа. А тут будет не утечка, тут будет гром и молния и тысяча чертей!

Терять Петровичу нечего. Страна, где молодым была везде у нас дорога, а старикам везде у нас почёт, канула в лету. А жить в формате 3D (донашивать, доедать, доживать) – надоело! Сколько можно бегать по городу в поисках подсолнечного масла, что на пять рублей дешевле, чем в соседнем магазине? Питаться сосисками, на которые соседский кот даже не хочет смотреть, а не то что нюхать? Зашивать кордовыми нитками расплзающиеся по швам ботинки? В ближайшем «Магните» продавщицы уже узнают «дедушку» в лицо. Подсказывают, когда можно со скидкой купить макаронные изделия и консервы, и ведут к «пенсионерской» полке с килькой и бычками в томатном соусе, которую местные алкаши называют «закусочной».

Но на трезвую голову разбуженному теплыми лучами проклюнувшегося в окно солнца Петровичу расхотелось покидать прекрасный и яростный мир раньше времени. Здоровьем его Бог не обидел, сила есть – живи и радуйся! Это в школьные годы, нахватив полный дневник двоек, он представлял, как заболает и умрёт. Но не

настоящему, а понарошку, чтобы посмотреть, как заплачут возле гроба его близкие и учителя. Тогда о нём точно бы зарыдали. Но кто, скажите, пожалеет склеившего ласты шестидесятилетнего старика?

Мужики во дворе только посмеются: «Помер Максим и х...р с ним!» Сколько ровесников Харон уже перевез на лодке на другой берег! Володьку Макарова, Серегу Новожилова, Генку Борисова – это только из одноклассников. Кольку Старостина и Сашку Забелина – ребята со двора, с которыми в детстве он, как умалишённый, гонял по двору велосипедный обруч, а став постарше, ходил зимой на каток занимать девчонок.

На прошлой неделе сыграл в ящик сосед по дому Борис Иванович Дыбенко, подполковник в отставке, красавец мужчина пятидесяти двух лет. Всё хвалился своей военной пенсией, собирался свозить супругу на отдых в Таиланд, показать ей трансвеститов. Но случился подполковника инфаркт. Как говаривал Воланд, «да, человек смертен, но это было бы ещё полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чём фокус!»

И тогда всем врагам назло, и в первую очередь опустившим его на уши пиццеты олигархам, губернаторам и депутатам, Петрович решил жить. И прожить столько, сколько даст господь. Может, ещё и за границу съездить. В Египет. Посмотреть, как другие народы живут. Но нигде, кроме Черного моря, Петрович не был. А если с пенсии складывать по тысяче, то через пару лет можно будет увидеть египетские пирамиды.

5

Любил Петрович, лёжа на диванчике, поразмышлять о жизни. Не о своей, а вообще. Зачем она придумана? Кем? Всевышним?

Над этой загадкой Латышев частенько задумывался в армии, когда один на один с трескучей морозной ночью стоял в карауле. В накинутом на шинель тулупе, заиндевевшей шапке-ушанке и серых войлочных валенках он накручивал круги возле деревянных складов со средствами радиационной и химической защиты. Что находится за огромными металлическими воротами, он не знал. Говорили, противогазы, общевойсковые защитные комплекты и медицинские аптечки на случай ядерной войны.

На политзанятиях постоянно твердили об американских империалистах, которые хотят развязать третью мировую войну. «Вот поэтому мы должны быть на чеку, – внушал заместитель командира роты. – Обязаны держать порох сухим!»

Но занятия в Ленинской комнате не давали ответов на вопросы, которые мучили Латышева в карауле. Он подолгу смотрел в звёздное небо, выискивая знакомые созвездия, словно именно в них скрывалась недоступная ему тайна мироздания. Космос, вселенная, бесконечность – от одних этих слов ему становилось жутко. Николай не мог представить себе бесконечность. И конечность – тоже. Не хватало воображения.

Самый надежный вариант: об этом вообще не думать. Но как не думать, если думается? Кажется, ещё философ Декарт сказал: «Я мыслю – значит, существую». И поэтому, заступая в караул, Латышев много думал о своём существовании, но сводил всё к простой физиологии. Мол, пока гоняет сердце кровь по сосудам – он шагает с карабином СКС за плечом, любитесь звёздным небом, думает о грядущем дембеле, а перестанет – и всё закончится.

Вступив в партию, Николай Латышев стал идейным атеистом. Он не верил ни в Бога, ни в черта, считая религию опиумом для народа, а рассказы о вечной жизни – поповскими сказками, придуманными имидж для своего безбедного существования и угнетения трудящихся масс. Как молодой коммунист Латышев получил на фабрике партийное поручение отслеживать факты участия комсомольцев в проведении религиозных обрядов. Раз в месяц он ходил в горком ВЛКСМ и просматривал списки замеченных в крещении новорожденных. Комсомольцы были обязаны вести решительную борьбу с религиозными предрассудками, и вопрос их участия в обряде крещения рассматривался первичной комсомольской организацией, а затем на бюро горкома. Осознавшие ошибку отделялись строгим выговором с занесением в учётную карточку, не осознавшие исключались!

Чем тогда грозило исключение из ВЛКСМ? Клеймом на всю жизнь! Молодой человек терял шансы не только на успешную карьеру, но даже на туристическую поездку за границу. Скольким Латышеву испортил жизнь – теперь не вспомнить. Что было, то было. А теперь вот обзавелся нательным крестиком и, выходя из дома, крестился и шептал: «Господи, благослови!»

И Бог услышал его. Не сразу, конечно, как только Петрович повесил крестик, а когда, уподобившись вонючим бомжам, стал Петрович по утрам копать в мусорных ящиках. Пустые бутылки и жестяные банки из-под пива были смешной прибавкой к сиротской пенсии. Всё равно, что таблетка анальгина больному раком. Но именно тогда, когда он опустился ниже некуда, Господь или

Вот другая высшая сила в один прекрасный день ниспослала ему чекан.

Чемодан был из советского прошлого. Коричневый, с винтовочными креплениями по углам и двумя сломанными замками. Из любопытства Латышев поддел находку ногой – и на снег выпала стопка ученических тетрадей, записных книжек и открыток. Петрович присел на корточки, не глядя, откинул тетрадки в сторону и взялся за открытки. Судя по почтовым штемпелям, им было от пятидесяти, не меньше.

«Дорогая Мария Николаевна, поздравляю Вас с Новым годом! Желаю Вам здоровья, успехов в работе и долгих лет жизни. Учащаяся 10 класса Смирнова Таня», – прочитал он на одной из открыток и улыбнулся. Вспомнилось школа. Его одноклассницы из года в год тоже старательно поздравляли классную с Новым годом, Женским днём 8 марта и годовщиной Великого Октября.

Он уже хотел выбросить открытки обратно в разинутую пасть чемодана, но вдруг вспомнил, что на барахолке они пользуются спросом. Встав на колени, Петрович собрал всё, что представляло интерес. Стопка получилась внушительная – штук двести.

Дома, надев очки, Латышев внимательно просмотрел открытки, среди которых оказалось несколько новогодних, навевших детские воспоминания. Несущие елку Буратино с Медвежонком; нарядный еловик; мальчик-почтальон в звездолете. Их Петрович отложил в сторону. А с остальными в ближайший выходной решил сходить на барахолку. Чего стесняться? Это до сорока лет человек как бы едет на ярмарку, а после сорока – возвращается. Латышев уже возвращался.

6

Барахолка в городе существовала вечно. После войны в обшечном деревянном заборе закутке процветала торговля поношенными вещами, самодельной мебелью и кустарными поделками с русалками. А ещё разной мелкой домашней живностью: кроликами и цыплятами. Ну и, конечно, голубями.

Николай хорошо помнил, что метров за сто до барахолки, в берёзовой рощице, сидела бельматая старушонка с высохшим, как у чуми, лицом. Бабка Настя. На коленях у неё лежала книга для слепых, водя по которой кривым пожелтевшим пальцем она предсказывала людям судьбу. На вопросы о суженом, свадьбе или вдовах бабка отвечала не просто так, а за деньги. Брала недорого, только вокруг неё беспрестанно толпилась очередь.

Второе дыхание барахолка обрела в годы перестройки, когда всё в стране превратилось в дефицит. Одежда, обувь, посуда, моющие средства, книги, сигареты. Пользующиеся спросом промтовары отпускались только по талонам и книжкам покупателей, но по завышенным ценам их можно было найти на барахолке. Спекулянты предлагали из-под полы джинсы, кроссовки, женские сапоги, косметику.

«Памада! Памада, девочки! Тушь для ресниц! Тени! – ещё на подходе к толкучке зазывали прохожих смуглые, в пёстрых платках цыганки. – Жувачка! Сигареты! Сапаги!» Пока одни цыганки предлагали купить дефицитный товар, другие, с грудными детьми на руках, просили «позолотить ручку», предлагая взамен предсказать судьбу.

«Вижу, человек ты с добрым сердцем, – заводили они долгоиграющую пластинку. – Но нехорошие люди задумали против тебя плохое. Заверни рубль в бумажную денежку – всё как есть тебе расскажу». Доверчивые прохожие лезли в карман, доставали денежку. Одну, другую, третью – и сразу пропадало всё плохое, исчезали болезни и, само собой, деньги в кошельке.

Предприимчивая дамочка средних лет приходила с огромным персидским котом по кличке Маугли. Рыжий красавец, словно король, восседал в корзине, и вся проходящая мимо детвора невольно тянулась к курносому мурлыке. Но натыкалась на табличку «Погладить кошечку – рубль. Сфотографироваться – пять».

А рядом, на небрежно брошенном на землю картоне, разворачивалась забава посерьезнее: «игра в наперстки». «Кручу, верчу – запутать хочу!» – смахивающий на уголовника паренёк предлагал прохожим угадать, под каким из трех наперстков лежит шарик. Он добродушно скалил фиксы, демонстрировал публике болтающуюся на шее золотую цепь и выколотые на пальцах перстни. И казалось, что вся страна, потеряв разум, крутилась с ним в одном хороводе, где мерилom всему были деньги, а человеческая жизнь не стоила и ломаной копейки.

В нулевые годы рынок носильных вещей сломался под натиском предпринимателей, торгующих автомашинами. Ржавые металлические ряды с глаз долой убрали, и на их месте развернулась бойкая купля-продажа подержанных авто и запчастей. О барахолке, казалось, позабыли на века. Кому, скажите, нужны старые носильные вещи, подушки, одеяла и годами ржавевший в сарае инструмент? Оказалось, нужны!

Толпы приехавших на заработки таджиков, узбеков и других мигрантов днём с огнём искали, где бы подешевле одеться, обуться, поживиться добротной ножовкой, рубанком, молотком. И барахолка возникла. Потянулись на неё живущие поблизости бабули и дедули, мамы на продажу своё барахлишко. Детские игрушки, лыжи, сапожки — одним словом, всё, что пылилось на антресолях и полках. Видя, что здесь можно недорого прибарахлиться, волна за волной пошла гастарбайтеры. Потом объявились скупщики антиквариата, коллекционеры, и барахолка возродилась, как птица Феникс.

7

Из картонную коробку с ёлочными украшениями Латышев попал случайно. Но видно снова благодаря Божьему промыслу. Дело в том, что лежащая за мусорным контейнером коробка была завалена сверху разным тряпьем, на которое пенсионер давно не заглядывал, потому что брезговал. Не хватало какую-нибудь заразу домой притащить. А тут его как будто кто-то подтолкнул глянуть на валяющуюся солдатскую шинель.

Память хранила детскую страсть ко всему военному: погонам, погонам, звёздочкам. Приподнял он эту шинельку, а под ней ожившая коробка, а в коробке стеклянные бусы с остатками ваты и мишуры, разноцветные шары, человечки на прищепках, картонные верблюды, рыбки. Видно, молодёжь решила навести шорох на антресолях, а там это стариковское барахло, вот и вытаскивали с глаз долой. Даже ёлочного Деда Мороза не пожалели.

Не мудрствуя лукаво, Петрович прихватил всю коробку под мышку. Дома очистил игрушки от ваты и блёсток — и с чистой совестью притащил на барахолку. Сразу всё выставлять не стал, решил посмотреть, как пойдёт торговля. А то рышущие, словно волки, старьевщики быстро его облапошат. Глазом моргнуть не успеешь, как очутишься в дураках.

За ватного Деда Мороза, у которого в двух местах была порвана штанина, дали полтинник. Стеклянные бусы потянули на семьдесят рублей. Зато на ура пошла картонные животные и рыбы, сделанные, как выяснилось, в ГДР. Одного верблюда, что выглядел поновее, Петрович отдал за тридцатку, а остальных впарил какому-то очкарику по двадцать рублей за штуку.

К полудню ушли и все стеклянные человечки на прищепках — их забрал мужик, специально приехавший на барахолку из Москвы. В

отличие от местных скупщиков он практически не торговался. Легко достал распухший от денег бумажник и щедро отстегнул триста рублей. А пока Латышев аккуратно оборачивал каждую ёлочную игрушку в газетную бумагу, чтобы не разбилась, всё расспрашивал, нет ли у него дома старинных икон, поддужных колокольчиков и наград. Ничего такого у Петровича отродясь не было. Но кем-то выброшенная коробка с игрушками сразу принесла почти пятьсот рублей!

На поздравительные открытки клюнул Мусорщик – сутулый парень с корявым лицом. Он долго их перебирал, кочевряжился, говорил, что открытки неважной сохранности, хламьё, которое можно смело выбросить. Но как только на горизонте возник конкурент Леша Бунтов – сдался:

– Беру, отец, беру! По червонцу за штуку. Если есть ещё приноси!

Парень ловко сунул открытки за пазуху, достал кошелёк, и только после того, как конкурент испарился, стал старательно считать открытки.

– Тридцать четыре штуки – это триста сорок рублей. Держи, батя! – он протянул три сотни. – Пойдёт?

– Ещё сорок рублей, – заметил Петрович.

– Нет у меня, отец, мелочи – поверь, одни тысячные остались.

– Давай тысячную – я сдам сдачи, у меня есть.

Мусорщик неохотно, словно под дулом пистолета, полез в карман и вытащил горсть монет.

– Держи!

8

Каждое утро Латышев обходил ближайшие к дому контейнерные площадки. Шёл знакомым до мелочей маршрутом, хорошо помня, где и чем поживился. За контейнерами у двадцать второго дома нашёл вполне приличные женские сапоги – на барахолке какая-то узбечка дала за них семьдесят рублей. За мусорными ящиками во дворе «китайской стены» подобрал драную, заляпанную краской тряпичную сумку с инструментом. А в сумке молоток, зубило, напильники, целый набор гаечных ключей, и не каких-нибудь китайских, а наших, отечественных – на барахолке они всегда в цене. Долго таскать железяки не пришлось – разобрали все, как горячие пирожки.

Но поистине царский подарок ждал Петровича на контейнерной площадке за сорок шестым домом. Там какой-то умник выбросил целую библиотеку. Книжки, конечно, не важные, в мягком переплете, подмоченные снегом из серии «Классики и современники»: Герцен,

Борисенко, Тургенев, Мамин-Сибиряк. На барахолке за них гроша хорошего не дадут. И всё же Петрович не поленился, поднял парочку – и на снег посыпались бумажные деньги. Десять сторублевых купюр начала 1991 года, скорее всего, спрятали под обложкой «Униженных и оскорбленных» на чёрный день. В советское время это были приличные деньги, а теперь – коллекционный материал. Хотя и на это должен быть спрос: советские денежные знаки в цене.

А ещё Латышев как-то нашёл замызанную куклу восьмидесятых годов, с голубыми закрывающимися глазками и пицалкой в спине. Смысл, почистил – стала как новенькая. Все это «богатство» он с вечера спихнул в походную сумку, а с утра отправился на барахолку. Моросил противный мелкий дождик – и было понятно, что торговля будет никакая. А тут ещё и маршрутки куда-то провалились: за полчаса – ни одной. Петрович не задался день. Простояв минут двадцать, Латышев уже хотел вернуться домой, но торговый азарт оказался сильнее.

До барахолки добрался около девяти. Явился, можно сказать, к окончательному разбору – все места в торговых рядах оказались занятыми. Дождик сделал своё дело: даже бабульки, обычно раскладывающие товар на земле, попрятались под крыши. Привычное место Латышева, между стариком Шоломиным и Витей-Митей облюбовал двухметровый мордovorот с компакт-дисками. Качать с ним права Петрович не решился – здоровье дороже. Прошёл в самый конец барахолки, где наметанным взглядом сразу приметил пустующий прилавок. Но только стал раскладываться, подскочила горбатая старуха в цигейковой шубе:

Занято, мил человек!

Кем?

– Занято и всё!

– Так ведь нет никого!

– Моё дело предупредить – я предупредила!

– Да пошла ты бабка со своими предупреждениями! Без тебя как-нибудь разберёмся!

Латышев прекрасно знал, что это законное место Утюга – неразговорчивого поджарого старика, независимо от погоды всегда обутого в кирзовые сапоги.

Тяжелый взгляд, квадратный подбородок и синие от татуировок пальцы выдавали в нём уголовника. На барахолке он появлялся, как по расписанию, – в восемь тридцать, хоть часы проверяй. Тащил за собой тележку на колесиках. К тележке был привязан старинный коричневый чемодан. А в чемодане, как у Некрасовского дядюшки Якова, товару

всякого: напильники, рашпили, надфили, метчики, плашки. Плюс бутылки с керосином и ацетоном, да ещё тюбики с клеем ПВА и «Момент» – одним словом, всё, что нужно в хозяйстве. И ещё уютю. Легонький такой уютюжок застойных лет, с замотанной изолентой ручкой, на который никто не смотрит, но хозяин его таскает уже много лет – отсюда и прозвище у старика Утюг.

Шёл десятый час. Утюг не появлялся. Может, из-за дождя он вообще не придёт? И, не обращая внимания на бабу, Латышев стал раскладываться.

– Моё дело предупредить, – не уходила старая ведьма. – У Василия Кузьмича разговор короткий!

– Только не надо меня пугать, – заводился Латышев. – Пугал мужик бабу яйцами, а она хрен увидела! Иди, бабушка, с Богом!

Утюг появился минут через десять. Тоже, видно, торговый азарт одолел. Баба тут как тут:

– Вася, я ему говорила, чтобы не занимал!

Тяжелый убийственный взгляд Утюга ничего хорошего не предвещал. Но расхрабравшийся Петрович решил стоять до конца. Будь что будет. Утюгов бояться – на барахолку не ходить!

– Мужик, тебе русским языком говорят: вали! – взгромоздив свой чемодан на стол, гадко осклабился Утюг.

– Мужики в колхозе землю пашут, – не сдавался Петрович.

– Пошёл отсюда! – трясущимися с похмелья руками Утюг вцепился в Латышева, но тот легко отшвырнул его в сторону. От злости мужик схватился за шило:

– Вали, пока цел – или я за себя не ручаюсь!

– Сам вали! – ответил Латышев. – Кто первым встал, того и тапки!

Что произошло дальше, он не уловил. А когда стал задыхаться, схватился за горло руками и почувствовал, что со стороны сонной артерии у него по самую ручку торчит шило. Как Утюг умудрился его воткнуть, Петрович не понимал. Он уже вообще ничего не понимал, и лишь ловил ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

Ноги подкосились. Латышев стал оседать, вцепился руками в клеёнку и потащил на себя. С прилавка ему на голову свалилась пластмассовая кукла с выпученными глазами, рубанок и прочий незатейливый скраб, который он так и не успел продать. Из-за обильной кровопотери и травмы яремной вены смерть наступила мгновенно.

ВСЁ ОТЛИЧНО

1

– Добрый день! Меня зовут Андрей. Я представляю журнал «Наш регион», – заученно тараторил я в телефонную трубку. – Подскажите, с кем можно пообщаться по вопросу размещения информации в журнале?

– Если насчёт рекламы, то у нас денег нет, – ответил мужской бас, и послышались короткие гудки.

Я поставил в клиентской базе дату звонка, а в графе «результат переговоров» написал лаконичное: «нет денег».

Дальше шло ООО «Новостройка». Контактное лицо – Арсен Алиевич.

– Добрый день! Это ООО «Новостройка»? Можно Арсену Алиевича?

– Он сейчас на объекте.

– Извините, как я могу к вам обращаться?

– Светлана.

– Светлана, меня зовут Андрей. Я представляю журнал «Наш регион». Подскажите, пожалуйста, когда можно перезвонить Арсену Алиевичу?

– Лучше во второй половине дня...

– Отлично! Я обязательно позвоню.

Телефон компании «Строитель-плюс» молчал, как утопленник. Для ООО «Стройка» было не дозвониться из-за постоянной занятости. Набрал номер строительной фирмы «Аспект»:

– Добрый день! Меня зовут Андрей. Я представляю журнал «Наш регион»... Подскажите, с кем я могу пообщаться по вопросу сотрудничества...

– Смотря насчёт чего?

– Извините, как вас зовут?

– Сергей Геннадьевич...

– Сергей Геннадьевич, вы знакомы с журналом «Наш регион»?

– Нет!

– Это упущение с нашей стороны. Нужно срочно исправить ситуацию. Давайте я подъеду к вам в удобное время и познакомлю с журналом... Много времени не займу!

– Не, лучше не надо!

Забиваю в базу «сотрудничать не хотят». Звоню дальше:

Добрый день! Это компания «Стройартель»? Меня зовут Андрей...

Андрей, пивка попей! – смеются на другом конце и бросают трубку.

Пишу «бросили трубку» и иду курить. На улицу. Но не как раньше на крыльцо, а в соответствии с последними веяниями «пугатского законотворчества встаю в нескольких метрах от входа в здание.

День явно не задался. Из тридцати телефонных выстрелов – все мимо цели. Если так и дальше пойдет, то в следующем месяце мне придется сосать лапу. Правильно Коля Буров, наш водитель, сказал, что мне подсунули «мёртвую базу». На ней и работавшие до меня менеджеры едва концы с концами сводили. А я что, гениальнее других? Но нет худа без добра: по звонкам дневной план обеспечен – 10 «алёков» я сделаю шутя.

– Привет, Андрей! – окликает меня Вера Стрижова, самая симпатичная из коллег по рекламному бизнесу. На ней яркая жёлтая курточка, длинный шарф, повязанный на французский манер, смешная чёрная шапочка с крохотными ушками. Вера модница от корней волос. Каждый день на ней что-нибудь оригинальное, тренд сезона, последний писк моды. Сегодня это высокие замшевые сапоги с мягко округленным носком и пряжками у голенища. От изящной обуви, а особенно ножек девушки трудно оторвать взгляд.

– Привет, Вер! Чего припозднилась?

– В банк «Северный» на встречу с клиентом моталась.

– Успешно?

– Уломала на целую полосу! Мне на днях сорока на хвосте принесла, что «Северный» предлагает новую линейку вкладов для физических лиц, ну я как умная Маша и позвонила в банк. Говорю, народ хочет знать правду о новых депозитах. Договорились о встрече. И с утра пораньше и покатила. Хороший дядька попался, армянин, – Юля достала визитную карточку. – Во! Артур Тигранович Арутюнян. Культурный такой, обходительный. Кофе меня угощал, коньяку предлагал, но я отказалась. Говорю: «На работе не пью». Сигареткой угостишь?

– Так прямо и спросила?

– Чего спросила?

– Ну, не угостит ли сигареткой? – прикалывался я.

– Дундук! Про сигаретку я у тебя спросила!

Прикурив и изящно выпустив дым, Вера поинтересовалась:

– Как там Берта? Не лютует?

– Пока не цепляется. Тебя ждет. Я с утра, как раб на галерах, не слезаю с телефона. Первый раз подымить вышел.

Бертой мы зовем начальницу отдела Беллу Валерьевну Гарцеву, дамочку бальзаковского возраста, не позволяющую нам расслабляться. Едва в офисе зависнет тишина, как эта мегера своим противным голоском спрашивает: «Чего не звоним?»

– Коммерческое предложение составляю, – леплю я первое, что приходит в голову.

– Кому? Зачем? Почему не знаю? – не унимается Берта и, встав позади, пялится в мой монитор.

Держать всё и всех под контролем – главный принцип её работы, за что Белла Валерьевна и схлопотала кличку немецкой овчарки. Ещё до нашего с Верой трудоустройства.

– Андрей, тебе звонили из турагентства «Путешественник», – сообщает Берта, пока я как джентльмен помогаю Вере снять курточку.

– И что сказали?

– Чтобы перезвонил.

– Отлично!

«Путешественник» возглавляет мой одноклассник Володя Мазурин, и у меня на него далеко идущие планы. А конкретно: расколоть приятеля на рекламу. Рекламные модули «Путешественника» выходят во всех газетах, почему бы не отметить в «Нашем регионе»? Восемь тысяч за треть полосы для Володи смешные деньги, а мне процент. А если удастся раскрутить Мазурика на полосу – ещё и премия.

– Владимира Сергеевича, можно? – набираю я номер «Путешественника».

– Владимир Сергеевич уехал в департамент культуры, перезвоните завтра.

– Ладно, перезвоню.

«Интересно, что он хотел? Решил уточнить детали в предложении о сотрудничестве? Может, звякнуть ему на сотовый? – размышлял я. Хотя не будем опережать события. Завтра не за горами. Было бы чего ждать!»

Поудобнее устроившись за компьютером, я открываю клиентскую базу и, как начинающий реаниматолог, пытаюсь вернуть «мертвецов» к жизни:

Добрый день! Меня зовут Андрей. Я представляю журнал «Наш регион». Подскажите, с кем я могу пообщаться по вопросу сотрудничества?

2

Главный редактор журнала пригласила меня на собеседование к началу утра, а я приперся в половине девятого. Решил перестраховаться, чтобы не опоздать. И полчаса скучал, сидя на подоконнике в коридоре огромного офисного здания.

В давние советские времена здесь размещалась проектно-сметная организация, остатки которой до сих пор пылятся на последнем этаже. Но остальные помещения сдаются в аренду разным ООО и ИП. Чего в них только не предлагают: пластиковые окна, натяжные потолки, остекление балконов, установку стальных дверей. Даже организуют бесплатные консультации по вопросам с недвижимостью. Короче, за один визит здесь можно договориться не только о капитальном ремонте квартиры, но и о её продаже. И всё, как обещают красочные билборды, с беспроцентной рассрочкой, скидками и железной гарантией качества.

Объявление о том, что журналу «Наш регион» требуется менеджер по рекламе, я нашёл в интернете. Понравилась зарплата в 17 тысяч рублей, обещание ежемесячных, ежеквартальных и годовых премий, соцпакет и устройство по трудовому кодексу. «Работа для тех, кто ценит стабильность и ищет карьерного и материального роста, — говорилось в объявлении. — Офис в центре города, заработная плата три раза в месяц». Казалось, лучше не придумать! От претендентов требовалось хорошее владение компьютером, грамотная речь, аккуратность, настойчивость. Ещё чувство ответственности и умение работать в команде. Но это уже для красного словца.

Полгода я стоял на учёте в центре занятости населения, но так и не поймал ни одного подходящего предложения. С регулярностью два раза в месяц я приходил на биржу в строго назначенный час, чтобы всего лишь поставить отметку в личной карточке и получить несколько новых вакансий. Как прошедшему армию, чаще всего мне предлагали работу охранником.

«У нас треть трудоспособного мужского населения в стране что-то охраняет, — втолковывала мне круглолицая, с усиками сотрудница центра со странной фамилией Монд. — Никто не желает заниматься производством. Все хотят торговать и руководить».

На бейдже у Людмилы Евгеньевны так и было написано: «Л. Е. МОНД», что ассоциировалось с французской газетой «Le Monde». И меня постоянно подмывало спросить, о чём пишет французская пресса? Но я молчал. И получив распечатку с адресами, где требовалась рабочая сила, отправлялся в поход по предприятиям, чтобы выклянчить отметку, что я им не подхожу. Из-за отсутствия опыта. Ну не дурак же я круглые сутки сидеть в вагончике-бытовке за восемь тысяч рублей, охраняя стройку от бомжей и подростков!

И тут замаячили эти 17 тысяч, для получения которых требовалось всего лишь желание работать и зарабатывать! Обязанности несложные: обработка клиентов по существующей базе, проведение переговоров, согласование рекламы, контроль дебиторской задолженности. И хотя я толком не представлял, что такое «дебиторская задолженность», мне понравилось словосочетание «обработка клиентов». Обработаем так, что мало не покажется.

Главный редактор «Нашего региона» – высокая молодящаяся женщина в норковой шубе явилась без пятнадцати десять, когда я уже два раза убил в себе желание свалить. Здание ожило, заполнилось снующими по коридору сотрудниками и посетителями – и я чувствовал себя лишним.

– Илона Борисовна, добрый день! – окликнул я проплывающую норковую шубу. – А я к вам на собеседование. Андрей Кузнецов.

– Да, помню, вы звонили, – смерив меня холодным, отрешённым взглядом, ответила женщина. Открыла ключом дверь: – Подождите минуточку.

Минуточка вылилась в десять. Стоя возле двери, я слушал, как Илона Борисовна уговаривала по телефону какую-то Свету, чтобы та соединила её с Михаилом Сергеевичем. Не добившись своего, стала звонить Ашоту Теймуразовичу, упрекая его в том, что он опять не сдержал слово и деньги на счёт не поступили. А потом неожиданно открыла дверь и сказала:

– Заходите!

Кабинет главного редактора оказался небольшим, без модных нынче причиндалов: герба, флага и портрета президента. На оклеенных стильными обоями стенах иконостас из дипломов и благодарственных писем. И масса плакатов с разными умными изречениями, вроде «Успешный бизнес – это всегда деньги вперёд», что хорошо описано у Ильфа и Петрова: «А можно утром стулья, а вечером деньги?» – «Да, но только деньги вперёд». Или ещё: «Секрет успеха в жизни состоит для человека в том, чтобы быть готовым

«...пользоваться удобным случаем, когда он придёт. Бенджамин Дизраэли». Я понятия не имел, кто такой Бенджамин Дизраэли, но мне понравилась. По крайней мере лучше, чем избитое: «Посори кратко. Проси мало. Уходи быстро!»

Андрей, я вас слушаю, – оторвавшись от ноутбука, улыбнулась Юлия Борисовна.

Я пришёл насчет работы менеджером по рекламе, – ненавижу скрипучий, как телега голос, заговорил я. – Я звонил вам по телефону.

Значит, менеджером по рекламе, – всё ещё думая о чём-то своём, повторила начальница и переключилась на меня. – Хорошо. Надеюсь, вы представляете, чем придется заниматься?

Приблизительно...

А заниматься вам придется поиском рекламодателей для журнала. Причём изо дня в день. Из месяца в месяц. С утра до вечера! А это не легкая задача даже для опытных сотрудников, поработавших в «МИ. Надеюсь, что с компьютером вы в дружеских отношениях? И всё остальное будет зависеть от вашей усидчивости, настойчивости и желания работать. За красивые глазки деньги не платят. Мы не благотворительная организация. Будет результат – будет зарплата. Чисто говорю? Берите анкету и отвечайте на вопросы.

Тут четыре страницы!

– А мы никуда не спешим. Ручка есть?

– Есть.

– Тогда вперед!

«Стаж работы по специальности рекламный менеджер», – первое, на чём я споткнулся, ответив на вопросы, связанные с возрастом, местом жительства и образованием. Спросил:

– А если нет стажа – ставить прочерк?

– Зачем «прочерк»? Так и пишите: стажа работы нет.

«Ваш среднемесячный доход за последние три месяца работы?» Для приличия я написал: «4900 рублей». Кажется таким должно быть пособие по безработице, хотя мне столько ни разу не платили. Но кто имеет проверять?

«На какую зарплату претендуете: минимум, максимум?» «Мало напишешь, столько и дадут, – размышлял я. – Много – скажут, рискнул губы!» Написал минимум – 17 тысяч. Максимум – 35. В конце концов, меня не на помойке нашли, чтобы себя недооценивать.

«Как вы относитесь к тому, что вашу работу будут тщательно контролировать?» – «Без комплексов». «Что бы вас могло заставить

продлить рабочий день?» – «Производственная необходимость», «Если вы опаздываете на работу, ваши действия?» – «Я никогда нигде не опаздываю». «Чем занимаетесь в свободное время?» – «Хожу в спортзал, на концерты, тусуюсь с друзьями». «Что вам необходимо для эффективной работы?» – «Компьютер и телефон».

Но это были ещё цветочки, с третьей страницы начались ягодки. «Почему нам стоит принять вас на работу?» У меня как-то сразу вспотел лоб, и одна капля свалилась прямо на анкету. Я полез в карман за носовым платком и с ужасом увидел на полу следы от своих ботинок. И это после того, что я без малого час просидел на подоконнике!

Что же умного все-таки написать? И я выдал: «Очень трудолюбивый и добросовестный человек, какие сегодня большая редкость». Следующий вопрос: «Чем вы больше всего гордитесь в жизни?» – «Родителями и армейской службой», – написал я. Всё правильно, где наша не пропадала?

Читаю дальше: «Укажите пять своих положительных качеств». Да запросто: «Честный, справедливый, ответственный, общительный, работоспособный». «Укажите три присущих вам отрицательных качества». Это сложнее, но не смертельно: «Недовольство собой, упрямство, курение».

Последний вопрос: «Тот, кто добросовестно работает, помимо зарплаты получает дополнительное вознаграждение, повышенную зарплату, новую должность. Что бы предпочли лично вы?» «Повышенную зарплату».

– Всё! – я протянул Илоне Борисовне заполненную анкету.

– Судя по почерку, вы, Андрей, обладаете хорошим вкусом и внутренней культурой, у вас большой запас внутренней энергии и силы воли. Да и орфографических ошибок практически нет. Вы нам подходите!

– Белла Валерьевна, зайдите ко мне, – нажав клавишу внутренней связи, произнесла редактор журнала. – Я представлю вам нового сотрудника.

3

– Так, Андрей, включай компьютер и открывай папку «Наш регион», – сходу взяла меня в оборот Белла Валерьевна. – Чай и кофе будем распивать попозже! А пока привыкай оценивать каждое действие по вкладу, который оно вносит в конечный результат

Попредели самое важное в предстоящей работе. С него и начинай, начиная лучшее время и силы. Что для тебя сейчас самое важное?

Не знаю...

Самое важное для тебя оживить клиентскую базу, с которой работала твоя предшественница. Находим папку «рекламные менеджеры». Файл называется «Людмила». Можешь его переименовать в «Андрей». Это твоя клиентская база! Смотри, возле названия каждой организации указан её адрес, контактное лицо, номера телефонов. Твоя задача – все их прозвонить и договориться о сотрудничестве.

А если они пошлют меня подальше?

Так и напишешь «послали подальше». Идём дальше. Чтобы не приобретать велосипед и не пороть отсебятину, для общения с клиентами у нас разработана собственная методика. Прочитай, а лучше выучи наизусть, как таблицу умножения. Ещё есть вопросы? Нет? Тогда чего сидим?!

В первый день я прозвонил 63 организации. Раз десять, услышав «Добрый день! Меня зовут Андрей. Я представляю журнал «Наш регион», мои собеседники бросали трубку. Раз тридцать меня всё же выслушали, но до сотрудничества дело не дошло. И только в четырех случаях согласись на встречу.

Так что второй рабочий день у меня прошёл в разъездах. Тщательно изучив адреса организаций, мы с водителем выбрали самый оптимальный маршрут.

От этих встреч толку, как от козла молока, – скептически заметил коля Буров. – Одни расходы на бензин.

– Нет, лучше штаны в офисе протирать, – услышав наш разговор, встряла Белла Валерьевна. – Езжайте! И чтобы к двум часам вернулись! У меня тоже встреча с клиентом.

Я утрамбовал в портфель несколько журналов, прайс, распечатку организаций, и мы с водителем двинули в путь. Ехать пришлось на окраину города, где на бывших производственных площадях завода «Мир» получили прописку с десятков строительных фирм и организаций.

С первой фирмой из списка не повезло. Директора ООО «Тройзапас», с которым я договаривался о встрече, на месте не оказалось, а с начальником производства разговор не сложился. Эльхан Саидмурадович без интереса полистал журнал и, не дослушав мою презентацию, спросил:

– Так будем заказывать бетон или нет?

Как выяснилось, «Стройзапас» занимался доставкой бетона и пенобетонных блоков собственного производства до строительных объектов, а мы с генеральным просто не поняли друг друга, потому что каждый думал о своем.

Фирма «Лесной дом» находилась неподалеку от «Стройзапаса» и представляла собой большой металлический ангар со стройматериалами. Внутри оптом и в розницу продавали пиломатериалы, вагонку, доску для пола, рейку, тут же изготавливали ящики и другую деревянную тару. Директором оказался приветливый молодой человек с копной рыжих волос. Сергей, как он представился, внимательно ознакомился с журналом, словно это был «Огонёк», а не рекламно-информационное издание, посмотрел расценки и обещал подумать.

– Совсем туго с деньгами, – признался Сергей. – Но реклама нам нужна. Сами видите: ни одного клиента!

– Реклама – двигатель торговли, – с умным видом, заметил я.

Мы пожали друг другу руки и разбежались.

Чтобы добраться до строительной компании «Арсенал», пришлось полчаса пилить по окружной дороге, а там ещё мину десять трястись по козыим тропам. Но уже одно то, что ООО располагалось в двухэтажном кирпичном здании, вселяло оптимизм. Всё-таки не шарашкина контора. Но я ошибался. Внутри «Арсенал» был похож на заброшенную совхозную контору прошлого века: облезлые стены, железные двери и две мигающих люминесцентных лампы на весь коридор. Я дёрнул одну дверь – заперто. Другую заперто. Поднялся по разбитой, в выбоинах лестнице на второй этаж и пошёл на доносившиеся в конце здания голоса.

– Добрый день! – нарушил я беспечную болтовню двух молодых сотрудниц. – Мне бы Василия Васильевича Сорокина,

– Его нет! – встрепенулась одна из девушек. – А вы по какому вопросу?

– По вопросу сотрудничества. Мы с Василием Васильевичем договаривались о встрече на 12 часов, – я машинально взглянул на часы – было без пяти двенадцать. – У нас для вашей компании есть много интересных предложений!

– Василь Васильич нам ничего не говорил, – услышав про много интересных предложений, засуетилась девица. Знала бы она, что я меня конкретно за предложения, пыл у неё, наверняка, поостыл. А давайте позвоним генеральному на сотовый?

– Давайте.

– Как вас представить? – девушка вынула из сумочки новенький смартфон.

– Андрей Кузнецов. Журнал «Наш регион».

– Василь Василич, тут к вам приехал корреспондент из журнала. Андрей Кузнецов. Ага. Говорит, что договаривался с вами о встрече... Что?

– Пусть подождёт, – раздалось в трубке.

– Василь Василич сейчас подъедет, – с интересом посмотрела на меня девушка. – Может, пока чайку выпьете или кофе?

– От кофе не откажусь, – улыбнулся я.

Здесь знали толк в кофе. Принесли банку растворимого «Якобс Моноарх» и вазочку с шоколадными конфетами.

– Угощайтесь!

Минут через десять появился генеральный директор – коренастый мужчина лет пятидесяти, с мясистым лицом и короткой спортивной стрижкой. В расстегнутой курточке, простеньком пиджаке и чёрном, советских времен галстуке, он был совсем не похож на директора. Толкнувшись с ним в коридоре, я бы скорее принял его за директорского шофера.

Здравствуйте! – Сорокин крепко пожал мне руку, провёл в свой кабинет и закрыл дверь. – Присаживайтесь! Извините, я как-то опоздал, вы у нас откуда будете?

Журнал «Наш регион», Андрей Кузнецов, менеджер по рекламе. У нас для вашей компании есть интересные предложения, много времени я не займу.

Лицо у директора обмякло, интерес в глазах пропал, он машинально поправил лежащую на столе папку с документами.

Любопытно, почему вы выбрали нашу организацию?

Название «Арсенал» вдохновило, – бессовестно заливал я, вытаскивая из портфеля журнал. – Что значит арсенал? Склад оружия, необходимый запас. В Англии такое название носит известный футбольный клуб. А мы могли бы рассказать на страницах журнала о нашем «Арсенале», что наверняка скажется на росте числа ваших клиентов – у журнала тираж двадцать пять тысяч экземпляров...

Думаете, что организация, занимающееся дорожным строительством и прокладкой коммунальных сетей, заинтересует читателей и они кинутся к нам с распростертыми объятьями? – улыбнулся генеральный.

А почему бы и нет? – не сдавался я. Перед поездкой я немного порылся в интернете и знал, что директор был недавно удостоен

почётной грамоты губернатора области. – Ведь вы не будете отрицать, что прошлой зимой «Арсенал», в считанные дни заменивший гнилую теплотрассу в поселке Заречье, спас жителей от замерзания! Про нас писали все областные газеты.

– Писали, – согласился Сорокин. – В одной мою фамилию через «а» нафигачили – Сарокин, в другой – отчество переврали. Вместо Васильевича Вадимовичем назвали!

– Но мы-то правильно напишем, как вы скажите, и сверстанный материал пришлёт на сверку, – откровенно говоря, мне нравился этот дядька, простодушный, без понтов. И я понимал, что, если не смогу уговорить его на рекламу, то о других нечего и заикаться. – Журнал рассчитан на широкий круг читателей, но его просматривает губернатор, директора департаментов, мэр города, депутаты областной думы. А всё потому, что «Наш регион» пишет объективно, правдиво, понятным людям языком.

– Хорошо. Скажите, Андрей, сколько будет стоить публикация самой маленькой заметки?

– Пол-полосы – 10 тысяч рублей.

– Не, столько нам не потянуть! Давайте на четверть странички!

В стоящую в списке последней – строительную компанию «Монтажник» я летел, как на крыльях. Мне казалось, что теперь набравшись опыта, я сверну горы. Но директора ООО, занимающегося ремонтом пластиковых окон, балконов и лоджий, их утеплением и устранением промерзания, не оказалось на месте. Геннадий Петрович укатил на обед, а без него никто ничего слушать не хотел.

Ценой невероятных усилий мне удалось всучить секретарше наш журнал и продиктовать номер моего сотового телефона, который она записала в перекидной календарь. Можно было представить, сколько мытарств и нервов приходилось испытывать клиентам «Монтажника», решившим вдруг отремонтировать окна или утеплить балкон.

4

Свою «мёртвую базу» я решил расширять за счёт предприятий оптово-розничной торговли, складов и магазинов. На такую мелочёвку я пошёл потому, что ею никто не занимался. А мне казалось, что раскрутить малый бизнес на небольшие деньги, легче чем крупный на большие.

Я даже не стал выписывать адреса индивидуальных предпринимателей, а прямо двинул в один из торгово-развлекательных

пешего. Весь первый этаж здесь занимал супермаркет известной сети продовольственных магазинов. Второй этаж был поинтересней. Но продавцы обуви, мужской и женской одежды, дорогих шуб и шпательного текстиля скучали в своих закутках. Я обошел их стороной – продавцы всё равно ничего не решают, а хозяев нет.

В ювелирном магазине о рекламе со мной даже не стали разговаривать, а угрожающего вида охранник культурно попросил меня на выход. Не заинтересовал недорогой рекламный модуль в журнале ни ООО «Цветик-семицветик», реализующий семена овощных и цветочных культур, ни ИП «Точное время», занимающееся продажей, сервисным обслуживанием и ремонтом отечественных и импортных часов. Всем были нужны клиенты, покупатели, а не реклама в журнале, который они впервые видели в глаза.

Я как-то потихоньку заскучал и, чтобы окончательно не испортить себе настроение, позвонил в турфирму «Путешественник». Володя Мишурин ещё оставался моей надеждой, которая умирает последней:

Добрый день! Владимира Сергеевича можно?

Он разговаривает с Москвой, перезвоните позже!

«С Москвой он разговаривает, – злился я. – А с бывшим одноклассником поговорить некогда. Друг называется. Ладно, перезвоним!»

Возвращаться в офис не хотелось. И из торгово-развлекательного центра я решил пройтись по муниципальному рынку с его небольшими частными магазинчиками, авось подвернется что-нибудь интересное. Ну, не тащить же журналы домой?

В администрации рынка меня встретили без восторга:

Подскажите, с кем можно пообщаться по вопросу сотрудничества, – включил я свою заезженную пластинку.

Ни с кем, – отрезал смурной охранник. – Директор в мэрии, бухгалтер на больничном. Приходите завтра.

Отлично!

Я ещё раз набрал номер «Путешественника»:

Владимир Сергеевич, добрый день! Это Андрей Кузнецов беспокоит из «Нашего региона». Как дела с моим коммерческим предложением?

Нормально.

Тогда я сейчас подъеду – подпишем договор?

Шустрый ты, Андрюха, как веник. Ведь прекрасно знаешь, что ещё рекламой у нас управляет главный бухгалтер Ольга Сергеевна.

Твой факс у неё на столе. Так что как только – так сразу. Позвони в пятницу. Нет, лучше в понедельник, во второй половине дня.

– Ловлю на слове. До связи!

– Пока-пока!

Я понял, что меня динамят. Но неприятнее всего было сознавать, что динамит не какой-то там Василий Алибабаевич, а мой бывший одноклассник Вовка Мазурин.

И тут в витрине конфетной лавки я увидел своего старого знакомого – шоколадный батончик «Марс» и решил зайти подкрепиться. Ничто так не поднимает настроение, как шоколад.

Продавцом в магазинчике, витрины которого были заставлены красочными коробками конфет, банками импортного кофе и чая, был мужчина лет сорока пяти, круглолицый, лысоватый, в аккуратной белой сорочке – и я догадался, что это хозяин точки. Мне повезло. Было кому всучить парочку номеров «Нашего региона».

Пока я блуждал глазами по кондитерскому великолепию в поисках «Марса», хозяин лавки с улыбкой заинтересовался:

– Может, что-то подсказать? Для подарка девушке есть роскошный набор шоколадных конфет, осталась последняя коробочка. Всего 250 рублей!

– Как-нибудь в другой раз, сегодня не заработал. Ограничусь батончиком «Марс».

– Не заработали 250 рублей? Странно, – удивился мужчина. – Чем же, если не секрет, вы трудитесь?

– Не секрет! – я достал из портфеля «Наш регион». – Менеджером в журнале.

– Любопытно, – продавец с подчёркнутой аккуратностью взял журнал в свои пухленькие руки с коротко постриженными ноготками. – О чём пишете?

– О крупном и малом бизнесе, успешных предпринимателях... Не желаете в следующем номере опубликоваться?

– А у нас есть успешные предприниматели? – листая странички, хохотнул собеседник.

– Как видите.

– Но тут одна реклама!

– Делать деньги без рекламы может только монетный двор, блеснул я позаимствованной из интернета мыслью.

Тогда, к сожалению, на нашем рынке нет успешных предпринимателей, — возвращая журнал, заметил конфетный фабрикант.

Возьмите, возьмите, это подарок, — опередил его я. — Неужели в таком деле всё так плохо? Вот вы же не пошли токарем на завод — конфетками торгуете, значит, есть смысл?

У меня старший брат в столице кондитерской фабрикой рулит, ему отказываться. А взять соседа Гурама, что в лучшие времена на рынке пять ларьков держал, сегодня до одного скатился. Крепким спиртным торговать запретили, пивом запретили, завтра запретят сигареты — вот и весь бизнес! А налоги давай, за свет плати, за аренду, за уборку мусора! У Гурама раньше пять девиц-продавиц работали, а теперь он сам себе и снабженец, и бухгалтер, и продавец. Смотается в ближайший гипермаркет, купит подсолнечного масла по тридцать рублей — продает по сорок. И так по всей стране, от Камчатки до Калининграда — никто ничего не выращивает, не производит, все только торгуют.

Вам видней, — улыбнулся я.

А что, разве не так?

5

До армии я учился на экономическом факультете, изучал основы рыночной экономики, финансовое планирование, бухгалтерский учет и аудит — и кое-какое, пусть и слабенькое, представление об источнике прибавочной стоимости получил. Мужик прав. Редко кто в малом бизнесе вкладывается в производство, большинство живёт по схеме: «купил — продай». Я и сам этим немножко занимался, по мелочевке. Доставал кому-то нужные диски, программы, игры. Что в этом плохого? Знаешь, что однокурсник тащится от Милен Фармер, а где купить DVD с концертом не знает, так почему бы на его лени не заработать чуток «бабок»?

Но куда чаще прямо с лекций нам приходилось срывать на всякие промоакции по раздаче листовок, буклетов, брошюр и прочих рекламных материалов. Там все отработано до мелочей: место, время, оплата. Обычно 100 рублей в час. За день можно заработать до 500. Во время выборов, если обивать пороги избирателей — 1000.

Доводилось мне принимать участие в проведении уличных опросов, анкетировании, но там больше возни с анализом результатов и составлением отчетов, а деньги практически те же самые. Многие мои сокурсники подрабатывали во время каникул продавцами-

консультантами в салонах связи, курьерами, расклейщиками рекламы, один даже устроился барменом в ночной клуб. Но без поддержки предков всё равно не могли оплатить учебу.

Я тоже учился за счет родителей. Для них было смыслом жизни, чтобы я получил высшее образование. И не какое-нибудь, а экономическое. Они спали и видели меня банкиром или на худой конец – бухгалтером у отца на заводе. И я всеми правдами и неправдами старался оправдать их ожидания и надежды. Но финансовые аппетиты моих педагогов, особенно из ректората, росли в разы быстрее, чем зарплата моих родителей, на шее у которых была ещё и моя младшая сестра. Так что протянул я только до третьего курса и с осенним призывом ушёл в армию. И вот теперь, честно отдав долг Родине, у которой, кстати, ничего не занимал, я прикидываю, что не плохо бы было восстановиться в вузе.

Мой бывший однокурсник Лёха Матвеев, успешно защитивший диплом экономиста, встретив меня после дембеля, сразу потащил в кафе.

– Андрюха, сколько лет, сколько зим! – радовался он. – За эту встречу надо выпить! Нас ждут великие дела!

Честно говоря, я думал, что Матвеев уже трудится каким-нибудь большим начальником, но, как выяснилось, устроился он мелким менеджером в левой компании, где штрафуют за опоздания и косяки.

– Я бы от них давно ушёл, – вытирая нос кулаком, объяснял Лёха – Но куда? Молодёжь на хорошие места не берут, а если и берут, так без официального оформления и платят копейки. Я в одной шарашкиной конторе за две недели на телефоне всего полторы тысячи получил. Опять же сам виноват, поверил в обещание больших денег, а надо было уже на второй день валить. Ладно, давай за встречу!

Чем дольше мы пили, тем больше мне Лёха не нравился.

– Андрюха, – хватал он меня за руку. – У меня вагон идей! Вдвоём мы горы свернём. Я всё просчитал. Сейчас самая выгодная торговля – закупочная деятельность, связанная с продовольствием. Жрать на каждый день хочется. Представь, ты даёшь в газету объявление «Куплю оптом картофель с самовывозом» и указываешь свой телефон. А я даю объявление: «Продам картофель с доставкой» и пишу свой номер. Через день мы утонем в предложениях картофана. Быстро систематизируем эту информацию и отбираем самые выгодные предложения! Покупаем, скажем по червонцу за кг, продаём по пятнашке. Разница в карман! И никакого риска: чуть что не стыкуется – всем спасибо, все свободны. И продавцы, и покупатели!

– Эту аферу ты и без меня можешь провернуть, – возразил я приятелю. – Я-то тебе зачем?

– Сейчас скажу, – Лёха снова крепко взял меня за руку. – Выпьем!

– Я пас!

– Тогда я один, – он опрокинул свой пластиковый стаканчик, морщась, зажевал колбасой. – Дело в том, что у меня нема золотого шпаса.

– И у меня нема, я ведь не по контракту служил.

– Потребительский кредит возьми! – наглед Лёха. – Да ты не ссы, через месяц вернём!

– А самому слабо взять?

– Мне, брат, не дадут, я в чёрном списке.

– Да, пошёл ты, – оттолкнув руку приятеля, я направился к выходу.

– Эй! Ты, тварь! – услышал я в спину. – А платить кто будет?!

6

Открыв электронное письмо, я не поверил своим глазам:

«Уважаемый Андрей!

Имеем честь пригласить Вас на Осенний Бал, который пройдет в гостиничном комплексе «Северная Жемчужина», – говорилось в приглашении. – Вас ждет незабываемый вечер, живая музыка, дегустация чёрной икры и увлекательное шоу с красочными танцами и сюрпризами! В необычном дефиле выступят победительницы городского конкурса красавиц. Будем рады вас видеть! Начало мероприятия в 19.00».

Я перечитал написанное ещё раз. Это был не розыгрыш. Письмо прислала Надя Успенская, рекламный менеджер этой самой «Северной Жемчужины». Неделию назад я упорно пытался раскрутить отель на рекламу, звонил, отправлял коммерческие предложения – не получилось. Но мои позывные у Нади остались – и вот, пожалуйста, прислала приглашение. Казалось бы, мелочь, а приятно. На всякий случай я позвонил Надежде, поинтересовался, во сколько лучше подходить.

Честно говоря, меня впервые приглашали на такую крутую тусовку. Я даже растерялся, не зная, в чём пойти. Всё-таки светская нечеринка! Но ни смокинга, ни белой манишки, ни галстука-бабочки у меня не было, и я махнул рукой: пойду в чём есть.

Сел на маршрутку и покатил в сторону «Северной Жемчужины», недавно построенной в центре города. Стоящую на набережной

высотку было видно издалека, но я и представить не мог, что всё окружающее отель пространство уже оккупировали офисы банков, салонов связи, кафе, сувенирные лавки, цветочные и ювелирные магазинчики. Создавая для приезжающих комфорт, они, как насосом, высасывали из них денежные знаки.

В огромном холле четырехзвездочного отеля уже тусовались журналисты. Со скучающим видом они листали гостиничные буклеты, косо поглядывая в сторону сервирующих фуршетный стол официантов. Время поджимало, и молодые люди торопились завершить пирамиду из бокалов шампанского. Возле стеклянных ваз, заполненных черной икрой, высились горки из блинов. А с краю, как солдаты на параде, ровными рядами стояли стопки с водкой.

Высокие гости, ради которых затевался весь этот праздник жизни, делали вид, что ничего не замечают – болтали, шутили, обменивались рукопожатиями. Главным среди приглашенных был, конечно, невысокий седовласый мужчина в двубортном чёрном смокинге с высывающимся из нагрудного кармана шелковым платком в тон галстука-бабочки. Больше всего мне запомнились его шикарные туфли из тонкой блестящей кожи. Местный Дон Карлоне оказался заместителем председателя областной думы – именно ему было предоставлено право открыть Осенний Бал. И сразу, как в сказке про Золушку, всё закружилось в калейдоскопе огней, музыки и танцев. Победительницы городского конкурса красоты в шикарных белых платьях, все как одна высокие и стройные, парили по холлу, словно павы.

А потом публика как-то потихоньку стала смещаться в сторону каскада из бокалов с шампанским. Пирамида таяла на глазах, и мне пришлось проявить завидную ловкость, чтобы не прийти к шапочному разбору. Довольный жизнью, я не спеша потягивал игристый напиток, наблюдая как девушки-модели, сделав один-два глотка, небрежно оставляли фужеры на столе и уходили. На их месте тут же появлялись припозднившиеся джентльмены, которые, не чувствуя подвоха, подхватывали бокалы и угощали своих дам.

Заместитель председателя областной думы, сопровождаемый жгучим брюнетом, уже приступил к дегустации чёрной икры, намазав её на маленький, с детскую ладошку, блин. Для его свиты это был сигнал к штурму. Упитанные дяденьки и тётеньки плотной стеной облепили фуршетный стол со всех сторон. И если дамы лениво

Виновались шампанским, то кавалеры взялись за водочку – и редко кто тормозил после первой стопки.

Чтобы не оказаться белой вороной, я тоже подтянулся к крепким напиткам. Махнул стопку и с чувством, с толком, с расстановкой, откусил чёрной икры, которую видел впервые в жизни. Водка пошла хорошо, хоть и говорят, что первая рюмка ударяет колом, зато вторая – и это точно – летит соколом. Бросил на тарелку бутерброд с копчёной колбасой, пару шариков из сыра и оливок с болгарским перцем на шпажках. Пирожков с мясом мне уже не досталось. Зато рядом с опустевшей икорницей нашёл несколько визиток Икорного Дома – и по привычке сунул в карман.

По подиуму отработанной модельной походкой дефилировали городские красавицы, но публика, словно приклеенная, торчала у стола, ошипывая виноградные ветки и зачищая стол от канapé.

Можно к вам? – присоседилась ко мне девушка с бокалом в одной руке и блокнотом – в другой. – Газета «Всё для Вас»!

Журнал «Наш регион», – отреагировал я, и мы рассмеялись.

Девушка была хорошенькая: небесной голубизны глаза, тонкий носик, чувственные губы. Одета интересно, со вкусом. И если бы не маленький блокнотик с шариковой ручкой, я бы ни за что не подумал, что юное создание представляет здесь вторую древнейшую профессию. Стоящий рядом мужчина с пивным животиком сразу оживился, подхватил стопку и произнес тост:

Вино в бокале надо пить, пока оно играет! А в жизни девочек любить – двух жизней не бывает!

Окинув стол, он бесцеремонно взял с моей тарелки бутерброд с колбасой, лишив меня закуски. Я пожалел, что не надкусил его, ведь никто не ожидал такого поворота? Придвинул тарелку с сырными пирожками к себе поближе, чтобы не оказаться в дураках, я махнул пару стопок водки про запас.

И тут ведущий пригласил всех собравшихся пройти в ресторан.

– Пошли! – тронул я за руку свою соседку.

– Но мы же пресса, – остановилась та.

– Пошли, говорю! – я был как лев решителен и смел. – Газетчики частенько работают за еду!

Но перед входом в ресторан нас тормознули, попросили представиться.

– Андрей Кузнецов, журнал «Наш регион».

– Мария Степанова, газета «Все для Вас».

– Проходите, пожалуйста! – так и не найдя наших фамилий в списке приглашенных, улыбнулась девушка-метрдотель. Присаживайтесь пока за свободный столик под номером семь. Сейчас разберёмся!

Как по мановению волшебной палочки тут же подлетели официантка:

– Что будем пить? Вино: красное, белое? Водка, коньяк, виски?

– Мне вина, – обрадовалась Маша.

– А мне водочки, – не устоял я.

Но не успели мы даже чокнуться, как снова выросла девушка-метрдотель:

– Извините, но ваших фамилий нет в списке гостей! Скорее всего, вы были приглашены только на фуршетную часть в холле отеля!

– Простите, мы не знали, – покраснела Мария.

– Сейчас всё допиваем и исчезаем! – согласился я.

7

Хорошая погода и принятый алкоголь располагали к продолжению вечера. Так что, покинув «Северную жемчужину», мы с Машей свернули на набережную. Я нёс какую-то ахиною. Девушки смеялась. И наши звезды складывались в любовный гороскоп.

– С работы я стараюсь уходить позже всех, – объяснял я спутнице «школу молодого бойца». – Пока начальница парится в своём кабинете, я разгадываю кроссворды, общаюсь в Фейсбуке, играю в «сапёра». Но стоит Илоне Борисовне сунуть нос в наш отдел, как я грузю её новыми коммерческими предложениями и предстоящими переговорами. Запомнить названия фирм она, естественно, не может. И ей не остается ничего другого, как только кивать головой и верить мне на слово. Так что часов до девяти утра я дрыхну дома без задних ног, неспешно завтракаю, топаю на ближайшую остановку и вызываю машину. Коля Буров, возможно, о чём-то догадывается, но молчит. Начальница велела – он поехал. В офис я попадаю к обеду – и сразу к компьютеру. Пока коллеги распивают чай, проверяю почту и изучаю гороскопы, чтобы знать, чего ждать от судьбы. Потом для прикола снимаю трубку и громко спрашиваю какого-нибудь несуществующего Рината Самигулловича или Хасанби Сафарбиевича – специально выучил.

– Круто! – восхищается Маша.

– Скромно перекусив, коллеги расползаются по местам, и тогда я заявляю, что у меня самого с утра во рту маковой росинки не было

Принципируюсь в столовую. Война войной, а обед по расписанию. Он у нас с двенадцати до часу или с часу до двух. Это святое. Но если мне нужно, что желая работать нет и вряд ли появится, заявляю, что мне ни деловую встречу, а сам валю домой!

Такого я не читала даже в интернете!

Ты ещё не видела моего рабочего стола, заваленного документами — я принципиально ничего не выбрасываю! Всё храню: письма, договора, факсы. Бардак на рабочем столе — главный признак творческой личности! Запомни! А ещё помимо ежедневника для планшета, у меня три приколотых на стену «поминальника»: на день, на неделю и на месяц.

За разговорами мы незаметно добрались до пятиэтажки, где жила Маша. Приставать к ней с поцелуями и напрашиваться на чай я не стала. Только номерок телефона забил в сотовый. Так что, если удастся позвонить девушку в кино или на шашлыки, — все у нас получится! Такой надежный вариант смотаться вдвоём на выходные в соседний районцентр. Сходить там в музей, посмотреть достопримечательности, поужинать в ресторане и заночевать в гостинице.

Такой план я вынашивал на Веру Стрижову. Для реализации требовалось всего восемь тысяч рр. Деньги не большие, но к тому времени, когда они появились, Вера уже уволилась из нашей конторы. Поддалась на уговоры управляющего банком «Северный» Арутюняна, пообещавшего ей должность начальника отдела по связям с общественностью. Хотя знаем мы эти «связи».

А те восемь тысяч я сохранил, и если Маша не будет появляться, то в ближайшие выходные мы с ней точно куда-нибудь махнем. Всё утро я сгорал от нетерпения позвонить девушке, но в мои планы не входило услышать: «Перезвони, у меня на работе аврал!» Звонить надо к концу трудового дня. А пока я решил заняться делами и стал вписывать их в свой «поминальник».

Первое: составить и отправить коммерческое предложение для банка «Развитие» (после увольнения Стрижовой вся её клиентская база перешла ко мне). Второе: позвонить в фирму «Арсенал» (генеральный директор Василь Василич Сорокин звал меня похлопаться веничком в баньке. Отказываться некрасиво!) Третье...

И тут я вспомнил о вчерашней вечеринке и полез в карман за запиской. Золотой вязью по чёрному полю на ней было написано: «Волжский рыболовный завод. Заместитель генерального директора, кандидат биологических наук Осетров Евгений Фёдорович». Говорящая фамилия!

Я позвонил, сказал, что присутствовал на дегустации чёрной икры в «Северной Жемчужине» и хотел бы пообщаться с Евгением Фёдоровичем по вопросу размещения информации в журнале.

– Подъезжайте! – легко согласился собеседник. – Мой номер 512.

Я сказал Берте, что у меня горит реклама на полмиллиона. И через двадцать минут Коля Буров с шиком доставил меня к входу в отель. Но путь к лифту мне преградил коренастый охранник с недобрим лицом. Пришлось звонить заместителю генерального номера. Евгений Фёдорович сказал, что сейчас спустится. И через пять минут мне навстречу вышел высокий жгучий брюнет, что вчера сопровождал заместителя председателя областной думы.

– Это ко мне, – громко, чтобы услышал охранник, объявил Осетров.

Но администратор отеля всё равно потребовал у меня паспорт или редакционное удостоверение. Я предъявил и то, и другое.

Евгений Фёдорович жил в одноместном люксе, показавшемся мне настолько огромным, что я не сразу понял, куда попал: в банкетный зал или картинную галерею. В центре стояла гигантская двухспальная кровать, ближе к окну – кожаный диван и кресло. На круглом стеклянном столике красовалась бутылка виски «Джек Дэниэлс», открытая банка чёрной икры и порезанный батон белого хлеба.

– Выпьешь? – спросил Евгений Фёдорович. И пока я размышлял над почти гамлетовским вопросом «пить или не пить», хозяин номера завершил фразу: – А я выпью. Для свежести головы!

– Да можно, конечно, – запоздало согласился я.

– Тогда за знакомство! – опытной рукой кандидат биологических наук на четверть наполнил бокалы. Представился: – Евгений Фёдорович Осетров, заместитель генерального директора Волжского рыбобоводного завода.

– Андрей Кузнецов – руководитель проектов журнала «Наш регион», – назвал я свою новую, после увольнения Стрижовой, должность, и мы чокнулись.

Глядя на моё покрасневшее после выпитого лицо, Евгений Фёдорович придвинул мне батон и банку с икрой.

– Не стесняйся, Андрей, закусывай!

Закуска была царская. Кому рассказать, как я столовой ложкой намазывал на хлеб чёрную икру – никто не поверит. Но это ещё не всё. Полистав журналы «Наш регион», которые я предусмотрительно притащил с собой, и узнав о ценах на рекламу, Евгений Фёдорович

Итак дал добро на шесть публикаций! Наши цены показались ему только смешными, что он легко согласился и на двухстороннюю иллюстрацию в середине журнала, и на дополнительное размещение визиток фирмы на самой дорогой второй странице обложки.

Вот так легко, в непринужденной обстановке под виски с чёрной икрой, я заключил договор о намерениях почти на полмиллиона рублей! А если быть точным, на триста двадцать две тысячи, что было мне небывалый в жизни процент и премиальные.

Когда я пришёл в редакцию и похвастался Берте подписанной Лумажкой, Белла Валерьевна изменилась в лице, словно обронила в унитаз обручальное кольцо.

Андрей Геннадьевич, да у вас гипнотические способности, — сказала она, впервые назвав меня по отчеству. — Среди ваших родственников случайно не было колдунов и экстрасенсов?

Были, Белла Валерьевна, — подыграл я. — Бабушка всегда говорила, кто Кузнецовых обидит — трёх дней не проживёт.

8

— Журнал «Наш регион»! — автоматом ответил я на телефонный звонок. После увольнения Веры Стрижовой мне приходилось отвечать на двоих. А сегодня — за троих. Берта, видимо, тоже решила расщелкаться. Время к обеду, а её всё нет.

— Андрей, зайдите ко мне! — звонила Илона Борисовна.

В кабинете главного редактора я надеялся увидеть Беллу Валерьевну, но её там не было.

— Андрей, у твоей непосредственной начальницы неприятности. Белла Валерьевна попала в ДТП!

— Но у неё же нет машины? — удивился я.

— Она сама умудрилась попасть под маршрутку! Я не знаю подробностей, но позвонили из городской больницы и сообщили, что у неё осложнённый перелом тазобедренной части и ушиб головного мозга.

— Какой ужас!

— В связи с создавшейся ситуацией, назначаю тебя, Андрей, исполняющим обязанности начальника отдела рекламы.

— Но! — попытался увернуться я от свалившейся на меня шапки Мономаха.

— Андрей, никаких «но»! — тон Илоны Борисовны не терпел возражений. — Распишись в приказе о назначении! Парень ты

способный, старательный – справишься. Сегодня должны подойти двое новеньких менеджеров: Настя и Сергей. Настя до нас работала в рекламной газете, знает, что к чему – передашь ей клиентскую базу Веры Стрижовой. А Сергей раньше то ли кондиционерами торговал, то ли дверями – отдашь ему «мёртвую базу». Пусть реанимирует!

Новые рекламные менеджеры мне понравились. Особенно Анастасия – складная, хорошенькая, про каких обычно говорят, девочка модная – всегда голодная. Она выглядела моложе своих двадцати четырех. И если бы не моё запланированное с Машей рандеву, то я бы не отказался съездить куда-нибудь и с Настей. Ведь рядом так много красивых городов.

Сергей тоже оказался парнем не промах. С первого дня он стал проявлять к Анастасии повышенный интерес, утром угощал испеченными мамой пирожками, вечером подавал пальто и провожал до автобусной остановки. На более серьезные знаки внимания у него ещё не было денег. Как и особого рвения реанимировать «мёртвую базу». Но зато у него была лёгкая ленинская картавость, которая действовала на клиентов, как красная тряпка на быков.

Закрыв глаза, иногда я представлял, как скоро разбогатею, и мы с Машей поедem не в какой-то райцентр, а прямо в Париж – город моей мечты! К осени я восстановлюсь в университете, а там, глядишь, возьму кредит и куплю себе какую-нибудь иномарку...

Но прежде всего надо забить наш дурацкий журнал рекламой! Хотя бы на половину. И с интонацией Беллы Валерьевны я напоминал своим подчиненным:

– Коллеги, чего не звоним?

Молодёжь мгновенно хваталась за телефоны, доставая меня своими до боли знакомыми монологами:

– Добрый день! Меня зовут Анастасия. Я представляю журнал «Наш регион». Подскажите, с кем можно пообщаться по вопросу размещения информации в журнале?

– Здравствуйте! Меня зовут Сергей! Как я могу к вам обгашаться?

ПОЧЕМУЧКИ

1

- Мальков, ты в какой ресторан ходил? – пристаёт Витька Бойцов.
- «Победа», – с важным видом отвечаю я.
- Что там ждал?
- Обеда.

Ушедшие с головой в стенгазету Володька Виноградов и Катя Борисова невольно прислушиваются к нашему диалогу. А мы с Витькой, заметив их наострившиеся уши, рады стараться. Сто процентов, что они не слышали этой белиберды:

- А что случилось?
- Беда.
- Что-нибудь пропало?
- Еда!
- Ты плакал?
- Да.
- Как?

– А-а-а.., – хнычу я, закрывая лицо руками, чтобы не рассмеяться.

– Мальков, хватит дурачиться! – сквозь зубы с интонацией нашей классной произносит Катя. Я подмечаю, что они в самом деле чем-то похожи с училкой. Только Валентина Петровна – приятная взрослая женщина, а Катька – ещё шестиклассница. Русая до бровей чёлка и большие голубые глаза делают её похожей на куклу наследника Тутти из «Трёх толстяков». Обе – и Валентина Петровна и Катька любят, чтобы всё было по-ихнему.

– Уж и пошутить нельзя, – без бою сдаюсь я, зная, что Борисову не переспорить. Круглая отличница всегда настоит на своём. Но и натянуть маску обиженного Пьеро вряд ли получится. Попавшая в рот смешинка делает своё дело: чем больше я стараюсь подавить смех, тем сильнее хочется смеяться. С Витькой Бойцовым то же самое. Нам достаточно переглянуться – и мы оба умираем от смеха.

– Кто сочинил Марш юных пионеров? – развернув сложенный пополам тетрадный листок, зачитывает Володя Виноградов.

Большелобый, с россыпью веснушек на щеках семиклассник выразительно смотрит в нашу сторону:

– Спрашиваю: кто сочинил Марш юных пионеров?

– В смысле? – поправляя пионерский галстук, уточняет Катя. Как и подобает прилежной ученице и председателю совета пионерского

отряда, она и в библиотеку ходит в коричневой школьной форме с белым фартуком и алом галстуке. – Кто написал музыку или текст?

– Это вы про песню «Взвейтесь кострами, синие ночи»? – подает голос Генка Мальгин – второй после Виноградова всезнайка. – Я знаю. Её написал поэт Александр Жаров.

Витька, кажется, знает всё на свете. О чём бы ни заходил разговор, он тут как тут – маленький, удаленький, сквозь землю прошёл, красну шапочку нашёл. Это о нём, Генке Мальгине, нашем школьном вундеркинде, который, к сожалению, не вышел ростом.

– Точно? – переспрашивает Катя.

– Сейчас проверим, – Виноградов в начищенных до блеска ботинках сорок второго размера лихо топает к книжным стеллажам, и, как кирпич из кладки, вытаскивает нужный том Большой советской энциклопедии.

Пока он ходит туда-сюда, меня и Витьку Бойцова снова раздрает смех. Мы строим друг другу рожицы. И под занавес нашего маскишоу, пользуясь воцарившейся тишиной, я выдаю:

– Кошка сдохла – хвост облез. Кто слово скажет – кошку съест!

Витька в приступе смеха складывается пополам.

– Мальков! – Катя Борисова готова меня убить.

– Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы – пионеры, дети рабочих... – запеваю я. – Близится эра светлых годов, клич пионеров – всегда будь готов!

– Лёша, прекрати дурачиться! – Виноградов тупо листает энциклопедию. Какой-то он заторможенный. Я бы уже давно нашёл нужную страницу. Наконец-то Володя подает голос: – Жаров Александр Алексеевич. Год рождения – 1904. Русский советский поэт. Марш пионеров «Взвейтесь кострами синие ночи!» сочинил в соавторстве с пианистом Сергеем Дешкиным в 1922 году. Катя, пиши!

– Почему опять Катя? Пусть Мальков пишет вместо того, чтобы рожи строить!

– Лёша, бери ручку! – тоном, не терпящим возражений, командует Виноградов.

Пододвинув мне книгу, он медленно, по слогам, диктует, что писать. Я старательно, высунув, как собака язык, вывожу слово за словом, предложение за предложением. Работа ответственная – пишу шариковой ручкой прямо на ватмане. Ластиком ошибку не стереть – пробовали, вся надежда на бритву, что притащил из дома Виноградов. Четыре пары глаз пристально следят за моими телодвижениями. Одна ошибка – расстрел!

Раз в неделю – по воскресеньям мы собираемся в библиотеке клуба имени Горького на занятия кружка «почемучек». Хотя то, чем мы занимаемся в плотно заставленном столами читальном зале, вряд ли попадает под определение кружка. Мы ничего не выпиливаем, не танцуем и не поём. А весь день роемся в книгах, справочниках и журналах, чтобы ответить на вопросы своих ровесников?

Записки с вопросами юные читатели бросают в картонную коробку с надписью «Для почемучек». А мы, те самые почемучки, раз в неделю их оттуда выуживаем и вместе с ответами помещаем в стенгазету. За время существования кружка вышло шесть газет. Сегодня мы сделаем седьмую. А завтра она будет красоваться на стене под портретами Пушкина и Горького.

– Какие же вы у меня молодцы! – с придыханием произносит библиотекарша Генриетта Николаевна, молодая, умная и красивая женщина. – Ничего подобного у нас в городе не было! Вы первые! Представляете, мы этот опыт распространим на весь район, да что там район – на всю область... Скажу по секрету: «почемучками» уже заинтересовалась районная газета «Путь Ильича». Обещали прислать корреспондента... А к октябрьским праздникам самые активные кружковцы будут отмечены почетными грамотами.

Мы от скромности опускаем глаза: мол, зачем? А сами уже представляем себе эти почетные грамоты с красными знаменами и профилем Владимира Ильича Ленина.

– Молодцы, благородным делом занимаетесь, ребята, – не унимается Генриетта Николаевна. – Много полезного для жизни узнаете, а ведь знание – сила!

Мы молчим. Библиотекарша права. Меня раньше совсем не интересовало, почему пионерский галстук красного цвета, а не синего или жёлтого. А теперь ночью разбуди – как на духу отвечу, что пионерский галстук красный потому, что он – частица красного знамени, пропитанного кровью тысяч борцов за дело коммунизма. «Как повяжешь галстук, береги его, он ведь с нашим знаменем цвета одного», – написал Степан Щипачёв. А мы не только процитировали эти слова в первом выпуске стенгазеты, но и запомнили на всю жизнь. Или, раз уж зашла речь о пионерском галстуке, скажите, что означают три его конца? Не знаете? Вот и я не знал, пока не пришёл в кружок почемучек. А теперь ночью разбуди – скажу, что три конца – это знак нерушимой дружбы трех поколений: коммунистов, комсомольцев и пионеров!

В кружок «почемучек» я попал волей случая.

Общественные нагрузки и всякие там школьные поручения вроде сбора консервных банок, старых кастрюль и керогазов для победы нашего класса по сдаче металлолома были мне не по нутру. Городские легкоатлетические эстафеты, прыжки в длину и высоту, я вообще не переваривал, как и уроки физкультуры в целом. Не любил я прыгать через «коня», по-обезьяньи лазать по канату и отжиматься на брусьях. А после того как учитель по физкультуре, глядя на мои безуспешные потуги подтянуться на турнике, назвал меня «вяленой селедкой» – спортивный зал стал для меня хуже камеры пыток.

Другое дело поваляться дома на диванчике с «Тремя мушкетерами». К чтению книг я пристрастился довольно рано. Правда, в школьной библиотеке трепанные, не раз клеенные и шитые кордовыми нитками романы Дюма всегда находились у кого-нибудь на руках, и, чтобы получить желанную книжку, приходилось ждать неделями. Но и при таком раскладе к пятому классу я прочитал все имевшиеся в наличии приключенческие произведения, а самые полюбившиеся даже не по одному разу. Помнил имена всех персонажей. И не пропустил по радио ни одной передачи «Клуб знаменитых капитанов», участниками которой были капитан Немо, Дик Сэнд, Барон Мюнхгаузен, Гулливер, Робинзон Крузо, Тартарен, Артур Грей. Даже выучил их песню: «В шорохе мышином, в скрипе половиц медленно и чинно сходим со страниц. Шелестят кафтаны, чей там смех звенит, все мы капитаны – каждый знаменит».

Вообще читать я научился задолго до школы. По вывескам магазинов. Зная, чем в них торгуют, я находил знакомые буквы и складывал их в слоги: «Мо-ло-ко», «Про-дук-ты», «Тка-ни». Это казалось мне игрой. Разобравшись с самыми трудными, «Галантереей» и «Парикмахерской», я взялся за лозунги. По гигантским буквам на крыше госбанка узнал, что есть «Слава КПСС». Над проходной швейной фабрики прочитал, что «Народ и партия – едины!» Но при всей любви к Владимиру Ильичу Ленину, тело которого покоилось в Мавзолее, не мог понять, почему «Ленин и теперь живее всех живых!»

Заметив мою тягу к чтению, за два месяца до поступления в первый класс бабушка взяла меня за руку и отвела в детскую библиотеку имени Надежды Константиновны Крупской.

– Вот привела к вам нового читателя! – сказала она, пока я пожирал глазами несметное книжное богатство. – В этом году мальчик идёт в школу!

Храм книги произвел на меня куда большее впечатление, чем храм Покрова Богородицы, куда перед этим несколько раз водила меня набожная бабушка. Глядя в церкви на темные лики святых и подрагивающие огоньки лампад, я почему-то испытывал страх. А в библиотеке, наоборот, было светло и радостно.

Доверчивый, я сразу потянулся к фанерному ящику с детскими книжками, но очкастая, как змея, библиотекарьша попробовала меня укусить:

– А читать-то он хоть умеет?

Я оцепенел. Испугался, вдруг меня заставят читать взрослую книгу! И тогда до свидания! Привет родителям! Очкастая и в самом деле взяла со стола первую подвернувшуюся под руку книжку:

– А ну-ка, прочитай, друг любезный!

– Иди-от, – нараспев выдал я.

– Хорошо!

Но этого ей, видимо, показалось мало, и она достала книгу еще толще.

– А здесь, что написано?

– Вой-на и мир.

– Молодец, запишем, – словно делая мне одолжение, библиотекарьша открыла чистый формуляр.

С четвертого класса, пока соседские мальчишки палили друг в друга из пластмассовых пистолетов, я играл дома в библиотеку. За неимением книг на сложенных пополам тетрадных листочках я красиво выводил цветными карандашами фамилии писателей: Роберт Стивенсон, Александр Дюма, Даниэль Дефо... Все мои «книжки» помещались в одной коробке, в которой я время от времени устраивал инвентаризацию и добавлял новых авторов.

А в пятом классе попав в школьный сарай с макулатурой, я нашёл старую, с ободранной обложкой, но с хорошо сохранившимися страницами книжку рассказов Ивана Сергеевича Тургенева. Сунул под пиджак и унёс домой. С тех пор чуть ли не каждый день я залезал в сарай с макулатурой через лазейку под дверь. И вскоре к Тургеневу добавились зачитанная до дыр «Хижина Дяди Тома», «Басни» Ивана Андреевича Крылова и второй том из собрания сочинений Виктора Гюго. Я тащил домой всё. И на деревянной полке для головных уборов, где пылилась отцовская фетровая шляпа, клетчатая кепка и мамин берет, корешок к корешку выставял настоящую, а не сделанную из тетрадных листов библиотеку. Я взялся за дело довольно серьёзно, на каждую

книгу завёл учетную карточку, запасся читательскими формулярами – и стал ждать посетителей.

Первым в мои библиотечные сети попал дядя Боря, высокий неопрятный пятидесятилетний сосед с розовой проплешиной на затылке. Он частенько наведывался к бабушке за деньгами. На пиво. Но оказалось, что не одним пивом жив человек. На следующий день Борис Петрович, с осунувшимся небритым лицом и мешками под глазами, наведывался снова. И просил ещё трешку до пятого числа. Пятого числа у дяди Бори была зарплата. Тут я его и подловил.

– Борис Петрович, почитать на досуге ничего не желаете?

– Ык, – икнул тот.

– Есть в наличии Виктор Гюго, Гарриет Бичер-Стоу, Тургенев, Крылов...

– Крылов – это тот, что блинами объелся? Давай, если не жалко... Почитаю своей про Мартышку, – взяв книгу, ухмыльнулся сосед.

Следующей читательницей стала Настасья Ивановна, восьмидесятилетняя бабушкина подружка, с тёмным, словно обожженным морщинистым лицом, несуразно огромными руками и вечной грязью под уродливыми ногтями. Она приходила к нам вечером на посиделки. В синей курточке из болоньи, чёрном платье и чёрном платке, она усаживалась возле дверей на табуретку, убирала под себя ноги в резиновых сапогах, и, прикрыв глаза, слушала с бабушкой по репродуктору передачу «Встреча с песней». Пользуясь моментом, я, как завзятый агитатор, стал уговаривать бабушку Настю записаться в библиотеку.

– Куды? – не понимала та, теребя неопрятный носовой платок. И только после того, как моя бабушка всем своим видом дала ей понять, что это игра и лучше согласиться, уступила. – Тады записывай!

Я выдал бабе Насте найденную в школьном сарае брошюру «Ветеринарная санитария на молочных фермах». Она всё равно не умела читать. Интересные книжки я решил приберечь для других, более грамотных визитеров.

– Распишитесь!

Настасья Ивановна поставила в читательском формуляре крестик.

Потом была ещё одна бабушкина знакомая – Ольга Александровна. Сосед Никитин с первого этажа. И мой закадычный дружок Витька Бойцов – его я тоже уговорил записаться. И выдал ему самую лучшую книгу «Хижина Дяди Тома». Но где-то через полгода мне надоело выдавать одни и те же книжки одним и тем же читателям. И моя «библиотека» на полке для шляп закрылась до лучших времен.

В пятом классе я записался в школьную библиотеку, напоминающую тесную пыльную кладовку. Двух библиотек мне бы хватило за глаза и за уши. Но Витька Бойцов похвастался, что записан в трех! Такого я, естественно, не перенес. Выпросил у родителей своё свидетельство о рождении и потопал записываться в библиотеку клуба имени Горького.

3

Володя Виноградов с учительской интонацией зачитал очередной вопрос:

– Когда в нашей стране была создана пионерская организация?

– 19 мая 1922 года на II-ой Всероссийской конференции РКСМ, – блеснул знаниями Генка Мальгин. – Изначально она называлась «Юные пионеры имени Спартака». А 21 января 1924 года, в день смерти Владимира Ильича Ленина, ей было присвоено имя Ленина.

– Мальков, записывай! – командует Борисова.

– Записываю, – пыхчу я. – 19 мая 1922 года... Ну, и вопросыки сегодня, как на пионерском собрании! Вот в прошлый раз, помню, девочка задала вопрос: почему волка называют «санитаром леса»? А какой-то мальчик спрашивал, сколько лет живут слоны?

– Мальков, не отвлекайся! Смотри, чего пишешь: ВЛКСМ, а надо РКСМ!

Я понимаю, сейчас меня убьют, но выручает Витька Бойцов:

– А знаете, как СССР расшифровывается? – интригующе произносит он и тут же выдаёт: – Старик Стирал Старухины Рейтузы! А как США знаете?

Мы молчим.

– Средняя Школа Алкоголиков. – Витька в запале. Если его не остановить, он всеми способами будет стараться всех рассмешить. И точно, припав к моему уху, он поет: «Один американец засунул в жопу палец и думает, что он заводит граммофон!»

Пока я содрогаюсь от смеха, сзади подкрадывается Генриетта Николаевна. На библиотечарше длинная замшевая юбка с большими пуговицами вдоль разреза и ярко-голубой свитер. Светлые, крашенные волосы зачёсаны назад и схвачены пластмассовой заколкой.

– Ну что, мои золотые? – улыбается она ярко-красными напмаженными губами. – Не слишком сложные вопросы?

– Ерунда! – по-деловому отвечает Виноградов, тайно влюбленный в библиотечаршу. – Но Мальков говорит, что как на пионерском собрании.

– Лёша, правда?

– Ага, – отвечаю я. – Лучше бы спросили, сколько лет живут обезьяны...

– А при чем тут обезьяны? – не понимает Генриетта Николаевна.
– Хорошие вопросы. В библиотеке записано сорок семь читателей школьного возраста. Им всё интересно. Когда создана пионерская организация, каким законам подчиняются советские пионеры, как погибли Павлик Морозов и Володя Дубинин. Или ты думаешь, что это я специально такие вопросы подбираю?

Я молчу, потому что действительно так и думаю. Но не понимаю зачем? В подобных ситуациях мама мне говорит: промолчишь – за умного сойдешь.

– Пиши внимательнее, догадливый ты наш, – ласково теребит мои волосы библиотекарьша. И уже ко всем: – А все-таки хорошее мы, ребята, дело делаем! После революции пионеры помогали бороться с беспризорностью, создавали в деревнях пионерские отряды, сами учились читать и писать и других учили. А вы помогаете ребятам найти ответы на интересующие их вопросы. Правильно, Катя?

– Да, Генриетта Николаевна, – как у школьной доски отвечает Борисова.

– Умница!

– А какой мы скоро будем отмечать праздник?

– Великую Октябрьскую социалистическую революцию, – говорит Виноградов.

– Правильно, Володя. И поэтому вопросы в нашей стенгазете должны быть серьёзные, а не примитивные, вроде сколько ног у сороконожки. Конечно, и такие вопросы имеют право на существование, но на них мы ответим в следующем номере. А теперь вопрос на засыпку, дорогие мои пионеры. В чём заключается торжественная клятва советского пионера? Помолчи, Володя. Пусть Мальков ответит.

– Горячо любить свою Родину, – боясь что-то напутать, припоминаю я. – Жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия...

– Молодец!

Как только мы выходим на улицу, Витька Бойцов отводит душу:

– Катька – дура, хвост надула, и по речке поплыла! А Володька – дурачок съел опарышей бачок, мамка его ищет, а он в подвале дрищет.

Из нашего 6 «б» класса в библиотеку клуба имени Горького я вошёл в первой тройке. После Витьки Бойцова и Катьки Борисовой.

– Валерий Павлович Мальков, заведующий промышленно-транспортным отделом горкома партии не твой отец будет? – открыв моё свидетельство о рождении, спросила библиотекаря.

– Нет.

– Что любишь читать?

Наверное, она ожидала услышать что-нибудь избитое: про войну, приключения или про животных.

– Гоголя – выдал я. – У вас есть Николай Васильевич Гоголь?

– Конечно. Вот, пожалуйста, целое собрание сочинений в семи томах. Что интересует?

– «Вий»!

«Вий» нашёлся во втором томе, сразу за «Тарасом Бульбой».

– А я ещё «Вечера на хуторе близ Диканьки», – не уходил я от полки.

– Ты, Мальков, в каком классе учишься? – насторожилась библиотекаря. – В шестом. И хочешь сразу два тома Гоголя взять! Давай так: сначала один прочитаешь, потом за другим придешь.

– Я быстро читаю, – боясь, что с одним из томов придется расстаться, канючил я. – У меня для чтения книжек даже специальная подставка есть...

Я не врал. Зная, как бережно относился к книгам Гоголь, я сколотил дома из фанеры подставку для чтения книг.

– Ладно, Мальков, получишь оба тома. Но раз ты такой заядлый книголюб, записываю тебя в кружок «почемучек». В воскресенье первое занятие! Придешь?

– Приду, – ответил я. И только после того, как расписался за книги, спросил: – А что за кружок?

– Кружок «почемучек»? – вскинула брови библиотекаря. – Это новое начинание в работе со школьниками, где младшие ребята задают вопросы о том, что их интересует, а старшие ищут на них ответы.

Так в одночасье я стал не просто читателем, а членом кружка «почемучек». Больше всего в отличие от детской библиотеки мне здесь нравилось, что в читальный зал можно было приходить в любое время. Днём. Вечером. Брать любой из разложенных на столиках журналов. Особенно мне нравился «Советский воин». Его можно было рассматривать часами – столько там всего интересного.

Фотографии ракет, танков, самолётов – так бы всё и выстриг. На следующий день после военного парада в Москве я бежал к киоску «Союзпечать» и покупал «Правду», «Известия», «Труд», «Советскую Россию». Вырезал из газет фотоснимки военной техники и приклеивал в альбом для рисования. Такого альбома в классе не было ни у кого.

Как-то вечером я сидел в читальном зале за давно облюбованным мною столиком, скрытый от чужих глаз вымахавшим с человеческого рост фикусом. Сидел тихо, как мышка, разглядывая картинки в журнале «Советский воин». И тут в библиотеку пожаловал высокий молодцеватый мужчина. На нём был тёмно-синий костюм, голубая рубашка и чёрный в белую горошину галстук. Судя по тому, что шёл он слегка пританцовывая, у незнакомца было хорошее настроение.

– Здравствуй, радость моя! – пропел он, обнимая библиотекаршу.
– Какие планы на вечер?

– Пётр Аркадьевич! Пётр Аркадьевич! – уворачиваясь от его объятий, залепетала Генриетта Николаевна. – Мы же не одни!

– А кто тут ещё? – воровато оглядываясь вокруг, насторожился Пётр Аркадьевич. – Дремлющий пацан под фикусом не в счет! Мужчина перешёл на шепот, но я всё равно слышал, что он говорит. Я сегодня один, представляешь? Супруга утром укатила в губернию на научно-практическую конференцию. На два дня. Приглашаю в гости!

– Пётр Аркадьевич, что вы такое говорите! – рассмеялась библиотекарша. – Кот на крышу – мыши в пляс?

– Ты моя лучшая кошечка!

Как я старался не смотреть в их сторону, глаза всё равно следили за тётей Гетой, игриво отбивающейся от объятий незнакомца мисс мужчины.

– Я не слышу твоего «да»?

– А я твоего!

– В смысле?

– В смысле приёма кандидатом в члены партии! Третий месяц обещаешь поставить на парткоме мой вопрос...

– Поставим, Геточка, обязательно поставим! И примем, как только появится такая возможность. Поверь, я от своих слов не отказываюсь. Пока познакомишься с программой и уставом КПСС, проявишь свои личные качества. Ты же не маленький ребёнок, прекрасно понимаешь, что это не так просто.

– Вот и ты меня, Петя, пойми, мне тоже не так просто ходить к себе ночевать!

– Геточка, послушай меня, для вступления в партию нужны рекомендации.

– Так напиши! Или за полгода наших встреч ты во мне ещё не разобрался?

– Не надо мешать личное с общественным! Я все-таки секретарь парткома и не могу писать рекомендации. Это должны сделать коммунисты со стажем.

– А ты их попроси! Как секретарь парткома! Или я сама попрошу. Завтра подойду к Надежде Фёдоровне Гореловой, нашей прославленной ударнице коммунистического труда, кажется, она не плохо ко мне относится. Или к Борису Матвеевичу Воронько, тоже заслуженному человеку, кавалеру ордена Трудового Красного Знамени.

– Но он не член КПСС! Геточка, пойми меня правильно, тут дело даже не в рекомендациях...

– А в чём?

– Как бы тебе сказать...

– Как есть, так и скажи!

– В горкоме партии существует установка, что на одного вступающего ИТР требуется принять трех рабочих. А библиотекарь – это такой же ИТР, как скажем, начальник транспортного цеха. У нас уже полгода лежит заявление от главного инженера Петрова, а вчера подала заявление заведующая столовой Мария Александровна Климова.

– Вот и чеши к своей заведующей столовой, у вас получится отличная пара!

5

Я сочувствовал тёте Гете. Чем она хуже заведующей столовой, толстой, отъездившей на булочках и котлетах тётки под полтора центнера весом? Или главного инженера? Видел я его два раза в клубе: длинный, тощий и чёрные усики подковкой, как у «Песняров». Чего он такого сделал, чтобы его в партию принимать?

Я хотел поделиться своим мнением с библиотекаршей, в воскресенье даже на час раньше других кружковцев пришёл. Но как нарочно, снова явился этот Пётр Аркадьевич.

– Здравствуй, моя радость! – игнорируя моё присутствие, заговорил он. – А у меня сегодня инструктор горкома Кудряшов

был. О делах поговорили, о членских взносах, о делегате на конференцию. Время к обеду. Думаю, надо гостя чайком побаловать. Но Александр Иванович человек прямой. Чай – не водка, говорит, много не выпьешь. Я намёк понял – сбегал в магазин. Хорошо посидели, душевно. За водочкой я ему о тебе сказал. Есть, мол, у нас один хороший человек на приём. Кудряшов, естественно, поинтересовался, кто такая, откуда, как в общественной жизни участвует. Я говорю, в добровольной народной дружине состоит, в художественной самодеятельности занимается. Про кружок твой при библиотеке сказал. Он-то, кстати, заинтересовал Кудряшова больше всего. «Это хорошо, – говорит. – Коммунистическим воспитанием молодёжи нужно заниматься со школы. Не помню, чьи слова, но кому принадлежит молодёжь – тому принадлежит будущее!»

– И что дальше? – с показным равнодушием заметила тётя Гета.

– Это ты зря так, моя радость! Кудряшов – очень полезный человек. Перед заседанием бюро горкома все кандидаты проходят партийную комиссию. А её курирует Александр Иванович – и ветераны партии прислушиваются к его мнению. А как не прислушиваться, если он отвечает за обеспечение ветеранов партии и комсомола продовольственными пайками к праздникам? Ну что, ласточка, что у тебя с рекомендациями?

– Все нормально. Надежда Фёдоровна Горелова написала, Вера Борисовна Ильина, что заводской комитет народного контроля возглавляет, я ей частенько с нужной литературой помогаю. Горком комсомола, надо полагать, тоже в стороне не останется.

6

Из русских писателей я больше всего любил Гоголя. Особенно его «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Вий». Перед сном, начитавшись Гоголя, я пытался представить себя кузнецом Вакулой или бурсаком Хомой. И уже от одного этого мне становилось жутко. А я ещё больше нагонял себе страху, вслушиваясь в завывание ветра и противное поскрипывание форточки. Мне казалась, что из-за шторы вот-вот покажется мертвенно-бледная рука Панночки-Ведьмы и, преодолевая ужас, я захлопывал форточку.

А после того как на уроке литературы учительница рассказала нам о завещании Гоголя, в котором он просил не погребать его тела до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения, я неделю ни о

чем другом думать не мог. Говорили, что Гоголь вовсе не умер, а испустил летаргическим сном. А его взяли и похоронили. После вскрытия гроба писателя нашли в несвойственной мертвецу позе, словно он пытался из него выбраться.

Я переписал в тетрадку все, что сообщалось о Гоголе в Большой советской энциклопедии. Родился 1 апреля 1809 года, умер в 1852 году. При несложном подсчете получалось, что писатель прожил всего 43 года! А сколько написал!

Притащив из библиотеки два тома собрания сочинений Гоголя, я вжимался кончиком носа в корешки книг и наслаждался их запахом. Боясь пропустить какую-нибудь иллюстрацию, аккуратно перелистывал страницы, и время от времени тоже подносил их к носу, чтобы уловить запах типографской краски. Больше всего мне нравились тисненый профиль Николая Васильевича на обложке и его замысловатый автограф. Я стал его срисовывать – и минут через двадцать у меня получилась подпись классика.

Самое удивительное, что, начитавшись Гоголя, я тоже стал придумывать страшные истории про покойников и кладбища. Одну из них, про безногого мертвеца, которого положили в гроб без костылей, я рассказал Витке Бойцову. Двор утопал в густой, как пролитая тушь темноте. Высоко над крышами домов висела зловещая луна – самое время для страшных историй. И, пугаясь своего собственного голоса, я полушепотом рассказывал, как безногий мертвец ночью явился домой за костылями. И надо же мне было в расчете на зрительный эффект в конце истории, уставившись на калитку, вернуть: «А вон он, кажется, идет...»! С лавочки нас сдуло, как ветром. Не чувствуя ног, мы понеслись по домам. И каждому казалось, что его преследует жуткий безногий.

7

К октябрьским праздникам мы с нетерпением ждали торжественного вручения почетных грамот. Они хранились у тети Геты в столе. Целая стопка. Самых настоящих, взрослых, с профилем Ленина и лозунгом: «Под знаменем марксизма-ленинизма, под руководством Коммунистической партии – вперед, к победе коммунизма!». Я видел свою. На ней было черной тушью написано: «Награждается библиотекой клуба имени Горького ученик 6 «б» класса средней школы №3 Мальков Алексей за активное участие в кружке «Почемучек». Зав. библиотекой Г. Н. Крючкова».

В первых числах ноября клуб празднично преобразился. Фасад украсил огромный портрет Владимира Ильича Ленина. На углах развевались красные флаги. А на крыше по вечерам светилась праздничная иллюминация: «Наша цель – коммунизм!» И слова эти были обращены не только к жителям нашего маленького городка, а, казалось, ко всему прогрессивному человечеству, космосу и звёздам.

На торжественное вручение грамот должен был прийти секретарь парткома завода Пётр Аркадьевич Баранов.

Но случилось ЧП. Все почемучки, нарядные, с пионерскими галстуками, а Володя Виноградов с комсомольским значком, уже собрались в читальном зале, но вместо Петра Аркадьевича явилась какая-то расфуфыренная тётка. Как мы догадались, его супруга. Вдвоём с Генриеттой Николаевной они уединились за книжными стеллажами. А потом мы услышали возню. И увидели, как тётка хлещет библиотекаршу дамской сумочкой. Но Генриетта Николаевна тоже оказалась не промах и разбила непрошеной гостье нос...

Почётных грамот после этого инцидента мы так и не увидели. Как не увидели больше и нашу библиотекаршу Генриетту Николаевну. Говорили, что она уволилась и переехала жить в другой город.

На её место поставили Веру Георгиевну Соломину, до выхода на пенсию работавшую в клубе хударком. «Почемучки» прекратили своё существование. Вера Георгиевна не готовилась вступать в партию и общественные поручения ей были ни к чему. Да и мы после случившегося как-то сразу повзрослели. И больше не горели желанием выпускать никому не нужные стенгазеты.

2012

ШИЗОФРЕНИЯ

1

– Эта всё макулатура, – брезгливо окинув книги взглядом, бросил кавказец. – Эта никто не купить... Проще выбросить на помойку!

– Маринина – макулатура? – не понимал Соколов. После сорока он туго улавливал смысл в том, с чем не мог категорически согласиться. Сознание стопорило. Ролики заходили за шарики, шарики – за ролики, как говорили в детстве. Но больше всего напрягало, что набитую книгами спортивную сумку, как пудовую гирию, придется тащить домой. И он переспросил: – Маринина макулатура?

При этом его осунувшееся, неделю небритое лицо наполнилось такой вселенской печалью, что «книжный червь» в целях личной безопасности решил пойти на попятную. Никто не знает, что ожидать от этих ушибленных на голову интеллигентов? Не дай Бог кинется с кулаками. Или хуже того – шмякнется на пол и с пеной у рта задергается в эпилептическом припадке.

– Ладно, чиво у тебя ещё? – через губу бросил скупщик. Худощавый, горбоносый, с воровато бегающими глазами владелец торговой точки не вызывал у Соколова симпатии. С такой физиономией его законное место на доске «Их разыскивает полиция!».

Где-то месяц назад этот метр с кепкой принимал в своей избушке на курьих ножках пивную стеклотару. По двадцать копеек за «бутылку». А теперь, язык не поворачивается сказать, переквалифицировался в букиниста. Да из него такой же книголюб, как из орангутанга балерина. Но ведь хватило ума повесить на единственном немытом окне объявление: «Покупка-продажа б/у книг». И дело пошло. Наладилось. Потянулся народ. Кто из любопытства, а большинство, как Соколов, в надежде расчистить дома книжные завалы. Тут абрек, наверное, прав. Безденежье отвернуло читающие массы от женских и вообще детективов.

– Да у Марининой одни названия книг не меньше, чем на тридцатку тянут, – вспомнил Соколов слова торговавшего на рынке синяка. И снова пошли шарики за ролики, ролики – за шарики... Стало как-то совсем нехорошо. Тревожно. Он даже забыл, о чём речь? Ах да, о Марининой. Александре Марининой, чьи романы он когда-то

проглатывал в одну ночь и, как ребёнок долгожданной игрушке, радовался каждой её новой книге.

– Ты посмотри, что за книги: «Смерть и немного любви», «Светлый лик смерти», «Смерть ради смерти»! – Соколову нравилось хлестаться словом «смерть». Ему думалось, что оно действовало магически. Но у торговца была своя реакция.

– Каму нужна эта хирня? – кипятился он, рассматривая броские обложки книг. – Т тебе не нужна, значит, и другим людям не нужна. Вон сматри, сколько у миня этова добра – толка места занимают.

На дощатом некрашеном полу у стены красовалась полуметровая горка из книжек в мягких обложках. Александра Маринина, Дарья Донцова, Наташа Нестерова и ещё с десятков каких-то уж совсем ничего не говорящих авторов.

– Па чирвонцу ни бирут, – продолжал кавказец.

– Так у меня же твёрдый переплёт, суперобложка! – как последние козыри бросал Соколов.

И тут, скользнув взглядом по полке с надписью «Всё по тридцать», он увидел «Мастера и Маргариту»! Бессмертный роман Булгакова тоже шёл за тридцатку! Видно, страна и впрямь разучилась читать!

– Латна, – поймав его взгляд, усмехнулся горец. – Угавариль... Биру твою макулятуру по пят рублей!

– Я пока не сумасшедший! – заметил Соколов, неуклюже скидывая ремень спортивной сумки на плечо. А сам ещё подумал: с таким отношением к книгам скоро действительно крыша поедет.

2

К книгам Володя Соколов прикипел с детства.

Его отец, возглавлявший отдел кадров районного узла связи, благодаря занимаемой должности собрал богатую библиотеку. В книжных шкафах, как на ярмарке тщеславия, корешок к корешку теснились собрания сочинений Пушкина, Достоевского, Джека Лондона, Герберта Уэллса.

Каждый сентябрь во время подписной компании на газеты и журналы у отца на работе в качестве поощрения партийного, профсоюзного и комсомольского актива распределяли приложение к журналу «Огонек». Борис Фёдорович отбирал всё самое ценное. В отличие от инструктора по подписке Зиновки Бромовой он судил о книгах не по переплётam, а по содержанию. Зиновка же, только что

справившая новоселье в малосемейном общежитии, подбирала собрания сочинений под цвет обоев.

– Нашей семье с писательской фамилией негоже книг не читать, – не раз подчеркивал отец, демонстрируя гостям своё книжное богатство.

И его менее продвинутые коллеги по работе тут же начинали судорожно припоминать, кого он имеет в виду. При этом кто-то молча кивал головой, как игрушечный болванчик. Кто-то спешно, словно боясь, что его опередят, называл известного поэта Владимира Соколова. Но встречались и такие начитанные товарищи, что вспоминали даже несправедливо забытого Ивана Сергеевича Соколова-Микитова. Правда, никто, кроме отца, не знал, что тот написал. О Саше Соколове с его «Школой для дураков» в ту пору вообще никто ничего не слышал.

– Неужели всё прочитали? – близоруко рассматривая корешки фолиантов, интересовались умные тётеньки и дяденьки.

– Нет, конечно, – самодовольно признавался отец. – Но стараюсь по мере сил и возможностей...

– Боря – очень серьёзный читатель, – встревала в разговор супруга. – Без книги не уснёшь! И если уж возьмётся за какого-то автора, то читает с первого до последнего тома всё собрание сочинений подряд, ничего не пропускает – ни переписки, ни комментарий, ни примечаний...

От плохо скрываемой зависти гости сглатывали, как собака Павлова, слюну. А у кого-то просто не укладывалось в мозгах, зачем людям столько книг, если всё необходимое можно взять в библиотеке? Отец и сам ломал голову над этой загадкой. Но сдаваться не собирався:

– Выйду на заслуженный отдых, отчитаюсь по полной программе, – произносил он с лёгким придыханием. И непременно цитировал Белинского, говорившего, что книга есть жизнь нашего времени. А затем, погладив по кудрявым волосам скромно сидящего в кресле с «Квентином Дорвардом» сына, развивал мысль дальше: – Но самое главное, что весь этот духовный капитал Володьке достанется, чтобы он вырос настоящим человеком. Мы с Катей, в отличие от многих, за коврами и хрусталём не гонялись, у нас и машины нет – все свои скромные сбережения тратили на книги.

По объявлению «Продаю двадцатитомник Вальтера Скотта в хорошем состоянии» не позвонил никто. Ни один человек! А Соколов, откровенно говоря, уже наработал целую схему возможного разговора, чтобы, с одной стороны, не спугнуть покупателя, а с другой – не продешевить.

Готовя словесный аркан, Соколов хотел убедить собеседника, что совсем не ориентируется в ценах. Мол, полный ноль. И только после того, как его примут за лоха, как бы случайно всё же заметит, что ему предлагали по сто рублей за том. И сразу пойдёт на попятную. Мол, что было давно и неправда. А сколько стоит Вальтер Скотт сегодня не имеет никакого представления. Но готов рассмотреть все предложения. И тут же с наивностью ребёнка поинтересуется, какую всё-таки сумму собирается выложить позвонивший. Если тот начнёт крохоборствовать и опускать цену ниже плинтуса, то Соколов скажет, что ему надо подумать и вообще у него не горит расставаться с любимым писателем миллионов. Книги в хорошей сохранности, практически не читанные. Но телефончик звонившего для порядка запишет в свой затёртый ежедневник. И будет ждать более щедрого ценителя одного из величайших писателей мира, которого сам Пушкин называл «шотландским волшебником».

Через неделю Соколов повторил объявление. Денег за публикации с него не брали – в газете работал школьный приятель. А то бы вообще разорение. Но снова тишина! Ну, хоть бы какой-нибудь старшеклассник клюнул или из сельской библиотеки позвонили, в глубинке всегда было плохо с книгами. Тишина.

Уговаривая знакомого тиснуть объявление в третий раз, Соколов твёрдо решил, что пора остановиться. Ему даже как-то стало совестно. И не столько перед приятелем, сколько перед Вальтером Скоттом, как известно, с детства хромавшим на правую ногу. Писатель умер в шестьдесят один год. Но даже незадолго до кончины, пережив апоплексический удар, сопровождавшийся параличом, всё равно продолжал писать. А теперь никто не хочет купить его самое полное, изданное пятьдесят лет назад в Ленинграде собрание сочинений!

«Но, если не берут Вальтера Скотта, может, клюнут на Сервантеса?» – подумал Соколов, и поплёлся к приятелю-газетчику, чтобы тиснуть новое объявление. В тесном, похожем на каморку Папы Карло отделе рекламы девушки-сотрудницы подошли к его тексту творчески. Правда, сначала похихикали. Потом что-то добавили, что-то вычеркнули, поменяли пару слов местами. В итоге получилось: «Продам пятитомник Сервантеса из библиотеки «Огонёк», 1961 год

издания, недорого. Жёлтая обложка, твёрдый переплёт, гравюры Доре. Книги в хорошем состоянии». Не помогло!

В ярости Соколов выбросил кумира своего детства из книжного шкафа. Никого не интересующее жизнеописание хитроумного идаляго Дон Кихота Ламанчского и его верного оруженосца Санчо Панса разлетелось по всей комнате. В порыве негодования Соколов принялся топтать книги, но, наткнувшись на портрет автора, вдруг совсем не к месту вспомнил его полную жизненных напастей биографию. Судьба как будто с юных лет ополчилась против гениального испанца. Выросший в беспросветной нищете Мигель де Сервантес Сааведра был вынужден встать под ружьё в ряды испанской армии в Италии. В одном из морских боёв он получил несколько огнестрельных ранений и в результате тяжёлого увечья перестал владеть левой рукой.

Но это были ещё цветочки. Ягодки пошли, когда по дороге домой галера «Солнце» была захвачена пиратами. Морские разбойники запросили за богатого и знатного, по их мнению, пленника немыслимый выкуп в пятьсот золотых эскудо. Чтобы родственники были сговорчивее, узника заковали в цепи, на шею надели железное кольцо. Сервантес предпринял три попытки к бегству, но все они закончились неудачно.

Путём невероятных жертв и полного разорения родственники Сервантеса собрали деньги, но сначала из ужасной алжирской неволи был выкуплен младший брат Родриго и только спустя три года Мигель. Вернувшись на родину, калека – ветеран войны – устроился сборщиком налоговых недоимок, но и здесь его ждала неудача: он угодил в Севильскую королевскую тюрьму, где провёл около трёх месяцев.

Сервантес прожил 68 лет, писательская известность к нему пришла в шестьдесят. Но перед тем, как вышла вторая часть его бессмертного романа «Дон Кихот» в продажу поступил подложный второй том некоего Авельянеды, что, безусловно, ускорило смерть писателя...

Кому это интересно? Никому! Как в частушках Бандурина и Вашукова, «Кому это надо? Никому не надо. Кому это нужно? Никому не нужно». Хотя, помнится, был один звонок. В десятом часу вечера: «Аллё! Мне бы Доре!» – попросил не слишком трезвый собеседник. «Кого?» – не понял прикурнувший над книгой Соколов. «Доре! повторили в трубку. – В объявлении так и написано – Доре, гравёр... Надо на надгробном камне надпись добавить...» – «Какую ещё надпись?» – припоминая, что в объявлении, кажется, было указано: «Гравюры Доре», – усмехнулся книголюб. «Мамину...» – ответил звонивший. Но Владимир Борисович уже положил трубку.

По мере взросления книги из домашней библиотеки интересовали Владимира всё меньше. Это в шестом классе, придя из школы, он хватался за Герберта Уэллса. Любуясь великолепными иллюстрациями Пинкисевича, запоем читал «Войну миров», «Человека-невидимку», «Машину времени». Теперь он мечтал о других книгах, которые можно было купить только по абонеентам Союзглаввторресурса за сданную макулатуру.

Была такая фишка в годы застоя: «Сдай 20 кг макулатуры – спаси дерево!» Начало приобщения советского читателя к книжному дефициту положили «Королева Марго» Дюма и «Женщина в белом» Коллинза. И сразу же возле разбросанных по городу пунктов приёма вторсырья стали выстраиваться чудовищные очереди из желающих сдать макулатуру. Народ тащил перевязанные бечёвкой стопки газет, обёрточной бумаги, картона. Но талоны удивительно быстро заканчивались. И люди записывались на следующий день. И снова разочарование. За время ожидания списки ветшали, терялись – и вдруг совсем неожиданно появлялись новые.

Но, чтобы получить заветный томик, мало было принести 20 килограммов старых газет и журналов. Нужно было ещё умудриться поменять несколько талонов на один с названием заветной книги. А потом подловить момент, когда долгожданная книга появится на прилавке книжного магазина. У каждого талона, с пугающим на обороте предупреждением, что «подделка абонеента карается законом», имелся определенный срок действия. Вот здесь и вылезали из щелей разные «книжные жучки», быстро прибравшие к рукам всю цепочку, связывающую выдачу и реализацию абонеентов на макулатуру. Так что заветные талоны было проще купить, чем получить в обмен за кипы бумаги.

А ещё надёжнее было купить книгу непосредственно у книжных спекулянтов, среди которых было немало короедов с высшим образованием. Интеллигентного вида мужчины с кожаными портфелями и «дипломатами» частенько толкались возле книжных магазинов, задавая прохожим один и тот же вопрос: «Что-нибудь ищите? Могу предложить...» И звучало предложение, от которого было трудно отказаться. В «волшебном» чемоданчике прятался Морис Дрюон с серией о проклятых королях или Александр Дюма с тремя мушкетёрами.

Правда, время от времени появлялись вездесущие сотрудники из отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности.

Одетые в гражданскую одежду, они выскакивали из-за угла, как черти из табакерки, и устраивали возле книжных магазинов настоящий переполох. Заглядывали прохожим в портфели, требовали чеки на имевшиеся книги. Но с поличным брали разве что новичков, потому что всех настоящих спекулянтов знали в лицо. И здоровались с ними за руку.

Как-то Соколов из-за своей доверчивости, совсем как у Высоцкого, тоже влип в историю глупую и взят был опергруппою. Правда, не на бану у ресторана, а во дворе обычной блочной пятиэтажки. За неделю до этого задержания он познакомился на рынке с неким Вадимом, патлатым молодым человеком, предложившим список книг из приключенческой серии «Стрела». Причём весьма недорого – за два номинала от цены. Договорились о встрече. И в обговорённый час Соколов с кожаным портфелем и деньгами был в условленном месте. Но Вадик вышел из подъезда не один, а в сопровождении оперативников.

Как выяснилось, приехавший к родственникам паренёк сразу положил глаз на дядюшкину библиотеку и в отсутствии хозяина стал потихоньку вытаскивать книги из задних рядов книжных шкафов. Натаскал на полтора года условно. А Соколов, так и не успевший купить ни одной книги, пошёл по делу свидетелем. Для численности. Процесс был показательным и проходил в том самом Дворце культуры, где по субботам собирался клуб книголюбов. После суда его, естественно, прикрыли.

Но книголюбы остались. Самым известным «книголюбом» считался Паша Блинов по прозвищу Хитрый. Высокий, гладко выбритый мужчина с копной смолых волос, в длинном чёрном плаще и отполированных до блеска лакированных туфлях, он производил впечатление научного сотрудника их какого-нибудь НИИ. Глядя на него, нельзя было даже подумать, что его квартира напоминает склад магазина «Книга – почтой». Но при себе книг у Паши никогда не было, что при первой встрече вызывало у покупателей удивление. Ещё большее впечатление производило то, что книги, которые предлагал Хитрый, он порой выносил прямо из дверей книжного магазина.

И такие хитрые паши паслись возле всех крупных магазинов страны. От Москвы до самых до окраин. В столице они вообще только этим и жили. Как-то, оказавшись возле главного книжного магазина на проспекте Калинина, Соколов купил из-под полы заветный томик Булгакова. За два романа в одной обложке – «Белая

гвардия» и «Мастер и Маргарита» – рябоватый толстогубый пенсионер с инвалидной палочкой запросил пятнадцать рублей. Владимир, сославшись на студенческую бедность, предложил червонец. Сошлись на двенадцати, хотя официальная цена книги была 3 рубля 80 копеек. Но самое скверное, что уже в поезде Владимир обнаружил, что ему подсунули типографский брак – в культовом романе не хватало двадцати с лишним страниц. С той минуты Соколов как-то охладел к творчеству Михаила Афанасьевича. Мистика? Может быть.

5

Юрий Олеша называл писателей инженерами человеческих душ. И такой семидесятилетний инженер, с клоками благородной седины и опухшим лицом, в привычно помятом коричневом костюме и ярко-жёлтых кроссовках, подаренных внуком, бодро семенил по центру города. Иван Сергеевич Желваков, член Союза писателей России, автор исторической трилогии «Крестьянская доля», «По заветам отцов», «Земля родная» и романа «Член парткома» шёл навстречу Соколову собственной персоной.

– Иван Сергеевич, добрый день!

– Здравствуй, Володя! – обрадовался знакомому Желваков. – Сколько лет, сколько зим!

Иван Желваков выступал в их школе, когда Володя Соколов ещё учился в восьмом классе. Литературного классика областного масштаба пригласили на читательскую конференцию. В библиотеке устроили выставку его книг, журнальных и газетных публикаций. А для желающих получить автограф прозаика организовали торговлю его новой книгой «Край далёкий», хотя, как позже понял Соколов, именно ради этого и была задумана встреча с писателем.

Сначала Желваков нудно и долго рассказывал о своём детстве, выпавшем на годы войны, потом также нудно отвечал на вопросы, заданные в основном учителями. А в самом конце встречи, когда все книги были распроданы, раздавал автографы. Открывал титульный лист, ставил подпись и дату. И так на всех сорока экземплярах. Это уже много позднее на книге «Первая любовь» Соколову удалось получить адресованный лично ему автограф: «Володе Соколову с пожеланием удачи, успехов и любви! Иван Желваков», – размашисто начертил прозаик. Сегодня в книжных шкафах Соколова хранятся все его романы. С автографами.

– Иван Сергеевич, написали что-нибудь новенькое? – вежливо осведомился Владимир.

– Давно ничего не пишу, – холодно ответил живой классик. И тут же, словно почувствовав заинтересованного слушателя, продолжил: – А зачем? Это раньше за книги платили приличные гонорары, особенно в столичных издательствах. Помню, за «Крестьянскую долю» мне отвалили четыре с лишним тысячи рублей – на эти деньги можно было автомашину купить. А теперь что? В большинстве литературных журналов ни копейки не платят, а где платят, туда не пробиться. Везде свои да наши. А издаваться за свой счёт нет никакого резона.

– Зря вы так, Иван Сергеевич. С вашим-то талантом написали бы что-нибудь о сегодняшней жизни, пусть не для публикации, в стол, для потомков. Как в своё время Андрей Платонов. Ведь книга, как говорится, наш первый и главный учитель, а настоящая литература – это не то, что можно только деньгами измерять. По большому счёту, может, и хорошо, что у нас перестали печатать всё подряд. Интересные книги народ всё равно раскупит, сколько бы они ни стоили.

– Вашими бы устами, да мёд пить, – усмехнулся Желваков. – Это раньше мои исторические романы шли нарасхват, в библиотеках за ними выстраивалась очередь, а сегодня за них в базарный день копейки не выпросишь! Книги никому не нужны! Это какая-то шизофрения! Помяните моё слово, но при нынешнем отношении государства к литературному труду писатели в нашей стране скоро переведутся, как мамонты! Извините, спешу в аптеку за лекарствами.

– Всего доброго вам, Иван Сергеевич!

– И вам не хворать!

6

В середине 80-х каждый более-менее уважающий себя книжный магазин имел специально отведённый стеллаж книгообмена. При взгляде на него у завязых книголюбов глаза загорались, как электрические лампочки. Чего там только не было: «Нечистая сила» Пикюля, «Лолита» Набокова, «Я – следователь» Шейнина. Дефицит на дефиците и дефицитом погонял.

Но купить приглянувшуюся книгу можно было, только сдав не менее пользующееся спросом издание. Например, чтобы стать обладателем «Князя Серебряного» Алексея Толстого нужно было принести «Ледяной дом» Лажечникова и доплатить разницу. «Угрюм-река» Шишкова менялась на «Тени исчезают в полдень» Иванова. Ян

на Чапыгина. Аркадий Адамов из приключенческой серии «Стрела» на Леонида Словина из той же серии. А за «Волшебника Изумрудного города» Волкова продавцы требовали в качестве эквивалента – подарочный вариант сказок Чуковского.

Казалось, что в погоне за книжным дефицитом страна скоро сойдёт с ума. По городам и весям, как грибы после дождя, открывались отделения Всесоюзного общества книголюбов, члены которого имели льготы в приобретении пользующихся спросом книг. В клубах устраивались благотворительные книжные аукционы, но понять, куда уходят эти благотворительные рубли, было невозможно.

Из поездок в Болгарию и другие соцстраны счастливые партийные и комсомольские активисты пёрли перевязанные верёвками килограммы Толстого и Достоевского, Стендаля и Бальзака. В Софии купить первую книгу Высоцкого «Нерв» было легче, чем в Москве на новом Арбате. Профкомы молокозаводов и мясокомбинатов тоже не только думали о хлебе насущном, но и получали по бартеру за масло и колбасу бунинские «Окаянные дни» и кунинскую «Интердевочку». Обучали своих работников, как завоёвывать друзей и оказывать влияние на людей по побившей все рекорды книге Дейла Карнеги.

Самостийные книжные развалы и толкучки, где народ менял и покупал книги, хаотично возникали в скверах и парках, во дворах клубов и домов культуры. Милицейские наряды не успевали их разгонять. А народ, как ненасытный крокодил, глотал всё подряд, не успевая переваривать проглоченное. Даже в райцентрах у книжных магазинов в день поступления товара с утра выстраивались очереди. В магазин запускали строго по десять человек. И любые книги, будь то Габриэль Гарсиа Маркес или Евгений Евтушенко, расходились как горячие пирожки. Иной раз в нагрузку к ним торговцы вкладывали тоненькие брошюры классиков марксизма-ленинизма или «Малую Землю» Брежнева – уносило всё, как селевым потоком.

Половину своей зарплаты инженера-электрика Соколов тратил на книги. Словно городской сумасшедший он бегал по книжным магазинам и барахолкам в поисках желанных книг. И хотя мать не раз намекала ему, что пора бы как-то обустроить личную жизнь, отец был полностью на стороне сына. «Жена – не сапог, с ноги не скинешь», – говорил Борис Фёдорович. И сам, втайне от супруги доставал из заначки четвертной, чтобы сынок достал ему двухтомник Пикуля «Слово и дело».

– Альберта Семёновича можно? – спросил в трубку Соколов, набрав номер из газетного объявления. – Я тут прочитал, что вы старыми книгами интересуетесь?

– А что у вас есть? – вопросом на вопрос ответил телефонный собеседник.

– Да как вам сказать, много чего, – растерялся Соколов. – Полные собрания сочинений русских и зарубежных классиков...

– Давайте прямо по фамилиям!

– Вальтер Скотт, Дюма, Гюго, Пушкин, Лермонтов, Толстой...

– Мог бы, конечно, взять что-то на реализацию, но нет свободного места. Так что извините...

– По философии кое-что есть, – боясь, что Альберт Семёнович положит трубку, торопился Соколов. – Павел Флоренский, Николай Бердяев, Розанов, Шопенгауэр...

– Это уже интереснее. Из серии «Мыслители XX века»? Приходите со списочком, чтобы не таскать эти кирпичи – посмотрим.

На Альберта Семёновича Соколов возлагал большие надежды. Но они испарились, как утренний туман, едва лохматый, словно домово́й, с жёлтым в пигментных пятнах лицом старикашка взял список в руки. Одного взгляда его хитроватых с прищуром еврейских глаз хватило, чтобы поморщить нос, по-детски сложить губки бантиком и, наконец, выдать:

– Я полагал, у вас что-нибудь серьёзное.

– Например? – не сдавался Соколов.

С одной стороны, он чувствовал природную неловкость от того, что побеспокоил занятого человека, а с другой, как книголюбу с двадцатилетним стажем, ему было интересно, что же всё-таки этот поживший на свете человек вкладывает в понятие «серьёзное». Старьёвщик пожевал губами, словно припоминал что-то очень важное, и ведь вот незадача – не мог вспомнить, снова поморщил нос и сказал:

– Ну, например, «Исторические корни волшебной сказки» Владимира Проппа или «Русский эротический фольклор» Андрея Топоркова – у меня тут ими очень интересовались. Спрашивали дореволюционные издания Андрея Александровича Титова. Кстати, вы хоть имеете представление, кто это?

– «Ростовский уезд Ярославской губернии», «Кремль Ростова Великого»...

– Титова я бы у вас с руками оторвал. А что касается мыслителей XX века, то, извините меня, старика, особого интереса они сегодня не представляют.

И тогда Соколов отправился на барахолку.

Он много слышал о ней. Знал, что где-то по четвертому маршруту автобуса, в частном секторе есть мини-рынок, куда народ тащит всякую дребедень. Всех размеров сапоги, ложки, вилки, утюги. Заезженные пластинки и затертые видеокассеты, советские открытки и монеты. И, конечно, книги. Не зря туда каждый выходной, как на работу, съезжаются чуть ли не все местные старьевщики и антиквары.

Весь субботний вечер Владимир Борисович, словно припёртый ревизией товаровед, угробил на отбор книг для первой распродажи. Складывал в дорожный баул только самые дешёвые издания. Знающие люди предупреждали, что таскать на барахолку книги дороже полтинника – сизифов труд. Но всё равно каждую из книг, будь то «Зловещие мертвецы» или «Империя вампиров», купленные на волне книжного ажиотажа двадцать лет назад, было жалко. И с повестью Владимира Кунина «Интердевочка», отпечатанной Красноярским книжным издательством на газетной бумаге, было жалко расставаться. Она и стояла-то тогда всего два рубля. Нынче за такие деньги в автобус не посадят. Или вот ещё один «сногшибательный» роман «Каникулы в Калифорнии» – 60 страниц примитивного эротического чтива. И хотя умом Соколов понимал, что эта макулатура вряд ли кого всерьёз заинтересует, каждую брошюрку как от сердца отрывал.

А утром встал – и всё переиграл. Вместо неприглядных, пожелтевших от времени жалких брошюрок набил сумку серийными детективами с красочными обложками. Сергей Лавров «Бомбистка Оленька», Алексей и Ольга Ракитины «Царская экспертиза»... Названия книг говорили сами за себя. Когда-то он сам читал их запоем. А теперь надеялся продать. Хотя бы по полтиннику. Двадцать книг – тысяча рублей! Очень даже неплохо.

И действительно, стоило Соколову разложить книги, как к ним потянулся народ. Больше других, покупались на глянцево-обложки женщины балзаковского возраста. Они смотрели аннотации, пытались вникнуть в содержание, задавали приводящие в ярость вопросы: «А про что тут?» или «А вы сами это читали?»

– Отличная вещь, не пожалеете, – не претендуя на оригинальность, отвечал Соколов.

– Сколько просите?

И тут польщённый вниманием продавец, что называется, раскатал губу. С полтинника загнул цену до столыника. Откровенно говоря, для хорошей книги разница невеликая. Поначалу ему думалось, что покупательницы походят-побродят по развалам и непременно вернуться. Но он ошибался. Барахолка – не книжный магазин. У приходящих сюда людей совсем другая психология, сломать которую невозможно. Если они и захотят что-то купить, то купить только очень дешёво!

Владимир Борисович понял это, когда людской поток обмелел, да и сами торговцы стали собирать свой незатейливый скarb. За три с половиной часа он так ничего и не продал. От долгого стояния прострелило поясницу. Её ломило так, как будто в спину заколотили с десятков деревянных клиньев. А ещё неудержимо хотелось сбегать в кусты. Мочевой пузырь грозился пустить течь. Но Соколов боялся оставить товар без присмотра. Приглядеть же за его книгами было некому – приличные люди уже смотались. А разная пьянь, сбившись в компании, уже заливала горло дешёвым алкоголем.

Соколов закинул ремень сумки на плечо и медленно поплёлся в сторону автобусной остановки. Поговорка о том, что своя ноша не тянет, была не права. Полуденная сумка была тяжелее утренней. Факт.

Ночью у него случились галлюцинации. Сначала он долго не мог уснуть, а когда засыпал, ему, словно в кошмарном бреду, виделись какие-то монстры, торгующие книгами. Книги никто не покупал, и от этого монстры злились. А под утро всю свою злость чудовища решили выместить на Соколове.

8

Число знакомых, промышляющих книгами, росло в геометрической прогрессии. Всё свободное от работы время, а то и в обеденный перерыв Соколов мотался по книжным магазинам, развалам, толкучкам. Покупал, продавал, выменивал.

Но самое интересное, что однажды обжегшийся на Вадиме «Стрелочнике», он больше ни с кем по-настоящему не подружился. Общался по принципу: здравствуй – до свидания. И даже если кто-то давал ему телефон, то дальше имени дело не шло. Чтобы хоть как-то идентифицировать своих знакомых, Владимир помечал в ежедневнике: Коля (детективы). Игорь Сергеевич (с/с, ЖЗЛ). Сергей (Москва).

С Сергеем, который частенько привозил из Москвы недорогие книги, Соколов общался больше других. Перед очередной поездкой в первопрестольную Сергей частенько звонил. Сыпал названиями книг, брал заказы, а как-то даже предложил:

– А поехали завтра на книжный базар. К кинотеатру «Севастополь».

И Соколов поехал. Из интереса. Как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. А ещё, прекрасно зная чисто коммерческую направленность Сергея, он думал, что в Москве выбор книг побогаче того, что ему предлагают у себя.

Билетов на ночной поезд не было. И редко куда выезжавший Соколов даже не представлял, что в первом часу ночи на железнодорожном вокзале может быть такой Вавилон. Все лавочки заняты, народ сидел на батареях отопления, сумках, чемоданах, ручных тележках. От входящих в моду безразмерных клетчатых сумок рябило в глазах. Народ ехал за товаром на знаменитый Черкизон – Черкизовский вещевой рынок. И только они вдвоём с Сергеем из всей этой пёстрой публики ехали в столицу за книгами.

По громкоговорителю объявили о прибытии поезда – и вокзал ожил, как встревоженный муравейник.

– Не отставай! – скомандовал Сергей и галопом устремился в конец платформы. Словно наперегонки, рядом бежали мужчины и женщины, молодёжь и старики. И все без билетов. Проводницы купейных вагонов по причине отсутствия мест даже не опускали тамбурных площадок. Народ нёсся в конец состава, к заветному вагону под номером восемнадцать. Его хозяин, разбитного вида парень в серой железнодорожной форме, глядя на приближающуюся толпу, предусмотрительно, чтобы не оказаться покалеченным, поднялся в тамбур. Предупредил:

– Вагон – не резиновый! Беру только двенадцать человек! Понятно?

Им повезло. Они оказалась в первой пятерке. Через минуту проводник загредел дверью. Состав дернулся и, набирая скорость, потащился вдоль перрона.

Несмотря на ранний час, у кинотеатра «Севастополь» толпился народ. В основном мужчины с портфелями и кейсами. Продавцы потихоньку раскладывали книги прямо на асфальте, предусмотрительно подложив под них оберточную бумагу. И первое, на что обратил внимание Соколов, был роман Анн и Сержа Голон «Анжелика». Рука сама потянулась к красочной целлофанированной обложке:

– Сколько?

– Четвертной, – бросил не очень разговорчивый мужчина в очках. С виду обычный советский инженер, а по сути перекупщик и спекулянт. На книжке, отпечатанной в Риге двухсоттысячным тиражом, стояла цена – 6 рублей!

– С каждой пачки – червонец скидка, – добавил продавец в надежде на оптового покупателя.

– Я подумаю, – соврал Соколов.

У него была макулатурная «Анжелика» и покупать ещё одну, пусть и в серийном оформлении с цветными вкладками, он не собирался. А то подсел бы на все двенадцать томов, которые по причине инфляции с каждым годом становились всё дороже. Вторая книга «Путь в Версаль» стоила 28 рублей, а девятая – «Анжелика в Квебеке» уже 420 рублей! Десятая книга «Дорога надежды», вышедшая в 1994 году тиражом 10 тысяч экземпляров, стоила 7 тысяч рублей. А последняя «Анжелика и её дети» – 7300.

Тогда было модно издавать книги в сериях сумасшедшими тиражами. Скандальный роман «Эммануэль» вышел в серии «Бестселлеры мира» в полмиллиона экземпляров. Официально. А сколько после этого ещё было дополнительных, неучтенных изданий – никто не считал.

От мировых «бестселлеров» Соколов отмахнулся. Ну, не волновали его все эти «Истории О» и «Мадам». А вот на печатающемся в Тбилиси Чейза купился, как начинающий наркоман на кокаин. Чейз и в России был Чейзом. От его «Ожерелья Эомальди» и «Чародейки» было нельзя оторваться. А ведь ещё совсем недавно американца можно было прочитать только в «самиздате», в третьей, а то и четвертой отпечатанной на пишущей машинке копии.

«Чёрного» Чейза тогда печатали грузинские издательства с какими-то непонятными, ничего не говорящими названиями: «Ганатлеба», «Хеловнеба», «Мицниереба», «Нугешинвест». Но, чтобы собрать три с лишним десятка книг, Владимиру потребовалось шесть лет! Причём каждый последующий том был дороже предыдущего. А изначальный тираж с двухсот тысяч к последней книге слетел до десяти. «Вот выйду на пенсию – и почитаю», – как когда-то отец, оправдывал себя Соколов, забывая Чейзом ряды книжных полок.

Соколов быстро смекнул, что благодаря перестройке и ускорению на книгах можно делать бизнес. Небольшой, конечно. Разве что на покрытие транспортных расходов и покупку в Москве продуктов питания. Создавалось впечатление, что вся колбаса, сливочное масло и майонез в одночасье перебрались в столицу. За ними и в застойные годы ездили в Москву. А теперь даже там палку «Останкинской» или кружок «Краковской» можно было купить во дворе магазина у грузчиков. Естественно, с переплатой.

Хочешь жить, умей вертеться. Соколов вертелся, как белка в колесе. На местном полиграфическом комбинате с заднего хода затаривался «Книгами о вкусной и здоровой пище» и десятками килограммов вёз их в Москву. Из Москвы тащил баулы с Чейзом, Спиллейном, Картером Брауном. И не только. Благодаря телесериалам сумасшедшим спросом пользовались «Возвращение в Эдем», «Богатые тоже плачут», «Унесённые ветром».

Дома быстренько раскидывал товар по знакомым и книжным магазинам – и снова в путь. Со временем их сбилась целая группа попутчиков-перекупщиков. Он, Серёга Велосипед, прозванный так за привычку развозить книги на велосипеде, Лев Павлович, музыкальный руководитель, и мастер цеха электросвязи Николай Иванович Рябинин. Он же Рябина, он же Коля Ваучер и просто Колян. Под хорошее настроение вечно поддатый Колян брал с собой в дорогу младшего брата Толяна, сидящего на инвалидности по причине умственной отсталости. Книг тот, естественно, не читал. Но добросовестно перевозил их на двухколёсной тележке. Из-за этой самой тележки у Рябины на Ярославском вокзале как-то случился конфликт с московскими отморозками. Увидев впряженного в тачку недоумка, парни перекрыли ему дорогу:

– Плати, брат, за Москву!

– Чего? – выпучил глаза младший Рябина.

– Косарь, гони за транзит!

– А вы кто? – решив взять мужиков на понт, подскочил Рябина-старший.

– Конь в пальто! – презрительно бросил бандит и ударил Николая лбом в лицо. Кость хрустнула, из ноздрей побежала кровь. Тележка с книгами полетела под платформу. Стоящая рядом женщина закричала: «Милиция!». А бандитов уже и след простыл.

Места книжной торговли менялись, как шпионские явки. Только Соколов с компанией вроде бы настроились на ДК

железнодорожников, что рядом с Ярославским вокзалом, как торговля переметнулась к чёрту на рога – в Дом культуры на станции Выхино. А затем в спортклуб «Динамо». Так и мотались они по всей столице, до тех пор книжный базар не осел в спорткомплексе «Олимпийский». Станция «Проспект Мира». На метро по кольцевой линии от площади Трёх вокзалов одна остановка. Близко и удобно.

Говорили, что крупнейшая в России книжная ярмарка лежит под люблинской бандитской группировкой некоего Капоты. Но обычных покупателей и оптовиков со всей страны это мало касалось. Ярмарка быстро снискала популярность: здесь можно было найти все книжные новинки, поддержать их в руках, полистать. А если поторговаться, то и купить, минуя посредников, по минимальным ценам.

В «Олимпийском» дело тоже не обходилось без кидал и мошенников, накладывающих на провинциалов штрафы за загромождение лестниц или выбрасывание упаковочной бумаги. Но Соколова эти напасти миновали. Лишь однажды его, зазевавшегося на лестнице, чуть было не штрафанули, но он сразу закосил под сердечника. Отстали. Кому хочется связываться с болящим, а вдруг у него и в самом деле инфаркт?

За пятилетку Соколов перевозил из Москвы тонны книг. Но так и не разбогател. А все потому, что каждую третью книгу оставлял себе. Его интересы и пристрастия менялись с каждой поездкой. Книгам уже не было места в стенках, на полках и антресолях. Они лежали на подоконниках, на холодильнике, стояли двухметровыми стопками возле стен...

А он всё покупал и покупал. И как он мог отказаться от Андрея Платонова, Сергея Довлатова, Захара Прилепина?

10

Ему повезло. В газетке бесплатных объявлений он нашёл телефон фирмы, целиком скупающей домашние библиотеки для комплектации книжного фонда средних и высших учебных заведений. В надежде поправить финансовое положение и разобраться с долгами, Соколов позвонил.

Другой возможности одним разом погасить полугодовую задолженность по квартплате он не представлял. Управляющая компания уже давно грозила судом. А номер его квартиры постоянно красовался в чёрном списке злостных неплательщиков, что подлая староста дома вывешивала на дверях подъезда.

На звонок ответила девушка. Внимательно, со знанием дела она расспросила Соколова о его библиотеке. В ряде случаев даже уточнила год издания того или иного собрания сочинений. Впервые за последние годы он встретил столь заинтересованную и начитанную собеседницу. С недавних пор в общении с прекрасным полом стоило ему заикнуться о своей библиотеке, как дамы теряли к нему интерес. Одно слово – книголюб! А эта говорила и говорила, будто ручеек журчал. И Соколов, как ни странно, почувствовал в ней родственную душу. Но под конец разговора собеседница, с которой он надеялся скоро увидеться, прямо разочаровала его:

– Ну, что ж, Владимир Борисович, – сказала девушка. – Я записала основные собрания сочинений вашей библиотеки – нам это интересно. В субботу к вам выедет наш менеджер Саша и заберёт книги. После обеда можете приходить за расчётом. Но ещё раз напоминаю, что литературу мы покупаем не по художественной ценности, а на вес. По двадцать пять рублей за килограмм. Списочек книг я Саше передам.

– А как же остальные? – заикнулся было Соколов.

– Не переживайте, Владимир Борисович, вывезем всё, что есть.

И точно: вывезли всё. Таджики-грузчики пытались забрать даже лежавший в книжном шкафу потрепанный временем ежедневник. Тот самый, куда сначала отец, а затем и Соколов-младший в алфавитном порядке записывали наиболее ценные книжные раритеты. Менеджер Саша, худой скуластый парень, чем-то напоминающий бандита, не внушал доверия. Особенно нелепо для специалиста, занимающегося комплектацией книжного фонда вузов, выглядел выколотый у него на шее паук. Соколов даже хотел спросить, что означает такая татуировка. Но постеснялся.

Эх, сколько негодования в конце восьмидесятых вызвала у него газетная публикация «Меняю домашнюю библиотеку на «Жигули». И четверти века не прошло, а уже он сам с олимпийским спокойствием распродает библиотеку, хранящую память об отце и деде.

И всё же совсем не так Соколов представлял себе это скорбное зрелище. Думал, что в квартиру доставят какие-нибудь складские весы, с помощью которых взвесят каждую стопку книг, а потом суммируют общий вес. Но Саша объяснил, что это напрасная трата времени. Машина с книгами, по его словам, проедет прямо в весовую, а затем, ещё раз, но уже после разгрузки. «Все будет, как в аптеке», – утешил он на прощание.

...Больше Соколов его не видел. Как не увидел и обещанных денег. Указанный в газете телефон подозрительно молчал. А о фирме, скупающей книги для комплектации книжного фонда учебных заведений, вообще никто никогда не слышал!

Соколов понял, что его кинули. Наивный, он даже не записал номер приезжавшей машины, настолько сильно в нём было желание одним разом расстаться с библиотекой. Так, наверное, замученный невыносимой болью человек соглашается на операцию, чтобы навсегда удалить то, что его беспокоит.

Проснувшись утром в осиротевшей без книг квартире, Соколов забрался на подоконник и под стать современным подросткам выбросился из окна...

«А ему повезло. Несмотря на четвертый этаж, ни одного перелома», – осмотрев пациента, подумал доктор Глейхман.

Он сразу узнал этого ненормального книголюба конца восьмидесятых. Несколько раз они с ним даже как-то пересекались.

Но серьёзные опасения вызывало психическое состояние больного. Его мыслительный процесс был лишён последовательности и логики. Пациент ни с того ни с сего начинал перечислять фамилии каких-то писателей, при этом путался в именах и названиях написанных ими книг. Говорил короткими фразами, подолгу подбирая слова. Мимика была скудная, во время беседы избегал прямых взглядов. Критика к своему состоянию снижена.

Ещё раз взглянув на лишенное мимики лицо пациента, доктор Глейхман записал в медицинской карте, что у больного наблюдается выраженное изменение личности, связанное со зрительным восприятием. Нуждается в госпитализации. Предварительный диагноз: шизофрения параноидная, непрерывное течение, параноидный синдром. Лечение: rispoleпт 4 мг 3 раза в день, вальдоксан по 1 таблетке раз в день, азалептин 50 мг на ночь.

2012

МАСТЕР НЕКРОЛОГА

Александра Фёдоровича Сурина коллеги звали Мастером некролога. И не то чтобы как-то там за глаза, с насмешкой или поддевкой, на которых газетчики зубы съели, а в присутствии самого заведующего отделом писем – человека немолодого, ещё советской закалки, но и не старого, добывающего до пенсии последние деньки. Дело в том, что по паспорту Сурина настучало только сорок девять лет, а выглядел он на все шестьдесят: вызывающая лагерная худоба, скуластое, с глубоко ввалившимися глазами лицо, сальные, забывшие шампунь волосы. Но с лица, как известно, не воду пить, главное, чтобы человек был хороший. А он таким и был, с какой стороны ни глянь.

В светло-коричневом пиджачке, купленном ещё во времена Леонида Ильича Брежнева, из-под которого выглядывал не знающий сносу свитер, а из кармана торчала шариковая авторучка, Александр Фёдорович походил на скромного труженика пера застойных лет, когда все до одной газеты в стране выходили под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Для полного соответствия образу ему не хватало разве что очков со сломанными дужками и вузовского ромбика на лацкане пиджака. Повстречавшись с таким заведующим отделом писем, нечастые посетители редакции до конца дней уясняли, что газета – не только коллективный агитатор, но и коллективный пропагандист. Факт бесспорный.

И всё бы хорошо, да беда в том, что в обеденный перерыв, отводимый приличным людям на принятие пищи, вышеописанный господин-товарищ отлучался в ближайшую забегаловку и там по традиции принимал сто пятьдесят граммов водки. Заметьте, не сто и не двести, а именно сто пятьдесят. И что характерно, без всяких там изысканных горячих блюд и не менее занятых холодных закусок, довольствуясь только запечённой в тесте сосиской и пластиковым стаканчиком сока. Дело в том, что семейная жизнь у нашего героя как-то не задалась, а для бобыля и холодная сосиска – божья благодать. И пока в его и без того ослабленном скудным питанием организме шла бурная реакция на выпитое, а вставные зубы усердно пережевывали хлеб, Александр Фёдорович весь как будто перерождался. Да так, что начинал болезненно осознавать свою особую исключительность и историческую необходимость для процветания родного Отечества.

В редакцию заведующий отделом писем возвращался уже совсем другим человеком – неистовым борцом за счастье, равенство и

ораторство всех народов! В считанные минуты он преображался в поморощенного философа и оратора в одном флаконе!

Он любил поговорить, а выпив, говорил до пены во рту – были бы слушатели. Вот только единственной его слушательницей и поклонницей в такие минуты была единственная сотрудница отдела – девятнадцатилетняя Лиза Мещерякова, устроившаяся в «Районные будни» сразу же после средней школы. И здесь надо отдать должное, что именно для неё, своей первой ученицы, Александр Фёдорович больше всего и выкладывался, опираясь на примеры из отечественной и мировой классики.

Подняв, скажем, тему уличной преступности, Сурин вдруг вспоминал гоголевскую «Шинель», которую злодеи сняли с бедного Акакия Акакиевича. Он так детально обо всём рассказывал, что девушке слышалось, как с этой шинели, словно орехи сыплются на пол пуговицы. Правда, это были пуговицы с пиджака самого Александра Фёдоровича.

Если же слушателей не находилось, заведующий отделом, чтобы не впадать в творческую депрессию, тут же повторял свой поход в забегаловку. И там, в сизых облаках сигаретного дыма, расставив локти на столе, норовил объяснить внимающей его словам тридцатилетней уборщице Любе, почему мы, великий народ, так недостойно живём. И вечно поддатая с утра Люба, с крашеными в малиновый цвет волосами и выколотым на плече орнаментом, слушала газетчика, боясь шмыгнуть носом.

Выговорившись, Сурин неуверенно поднимался и, не оборачиваясь, гордой походкой шёл на остановку общественного транспорта. Высокий, сутулый, неделями небритый, растрёпанный, он входил в троллейбус, где его принимали за пенсионера и уступали место.

И только руководство редакции не давало ему никаких послаблений, а наоборот, напрягало, как молодого солдата-первогодка. И ничего тут не поделаешь, потому что кто везёт – на том и едут.

– Александр Фёдорович, – по-барски потягивая чай с лимоном, обратился к Сурину на утренней планерке главный редактор. – А вы слышали, что Лапшин умер?

– Это который? – напрягая память, переспросил заведующий отделом писем сухими, потрескавшимися губами – вчера бедная печень получила настолько сокрушительный удар алкоголя, что её хозяин неизвестно как добрался до дома. С утра всё встало с ног на голову: в больном теле – больной дух. Плюс слабость. И дикая жажда. Но, боясь опоздать на планерку, дисциплинированный газетчик не

успел сделать спасительного глотка воды из ржавого крана. И теперь сознание отключалось. – Бывший председатель райисполкома или начальник налоговой – они ведь оба Лапшины?

– Тот, который председатель райисполкома, – улыбнулся тугодуму шеф. – Владимир Петрович Лапшин... Пока власти раскачаются с некрологом, напишите в завтрашний номер что-нибудь душевное. Хороший человек был.

– Сделаем, Николай Григорьевич, – как выброшенная на берег рыба, тяжело дышал Сурин.

Он знал, что выполнит задание в срок. Вот только глотнёт воды. Глаза бояться – руки делают. Обойдется без всяких там советчиков, полагаясь только на свои, лежащие в нижнем ящике стола кондуиты. Именно там, подальше от посторонних глаз и редакционных крыс Александр Фёдорович хранит газетные вырезки своих статей о первых лицах района, руководителях предприятий, передовиках производства, прославленных земляках.

Биографические данные и пожелтевшая фотография председателя райисполкома должны быть где-нибудь на дне ящика, и чтобы докопаться до них, придется глотнуть пыли.

После планерки, задержавшись в кабинете, Сурин заговорщицки поинтересовался у главного редактора:

– Николай Григорьевич, это... бесплатно писать или, может, того самого... раскрутить администрацию на бабки?

Редактор махнул рукой:

– Так напишите...

– Сколько?

– Строк сто пятьдесят – двести. Больше не надо.

– Понял.

Из приёмной Сурин загнанной ланью помчался в туалет, припал, присосался губами к крану, и глотал воду до тех пор, пока ни помутилось в глазах – только после этого разогнулся. Выпрямил спину. Постоял. И стал пить снова, про запас, как верблюд.

В кабинете устало бухнулся за компьютер, отдышался и придвинул клавиатуру, чтобы набрать первое и самое трудное предложение, которое должно идти из сердца. Дальше будет легче: привычные слова, без которых, в общем-то, никак не обойтись, построятся в строки и траурными шеренгами абзацев двинутся вперёд.

Но голова гудит, как самовар, ей, бедной, не до изящной словесности, не до некрологов... Тупо глядя в окно на сыплющийся с

неба снежок, Сурин мучился проблемой Николая Гавриловича Чернышевского: что делать?

И в это самое, как бы остановившееся мгновение бытия в дверях показалась знакомая вязаная шапочка Саши Горлова – известного городского сумасшедшего. Только душевнобольных и не хватало!

Сашины странности в редакции заметили ещё в начале девяностых, когда он впервые принёс в отдел писем свои стихи, и тут же нараспев стал их декламировать. Потом неспешно, словно послуженный артист раскланялся и как бы между прочим вынул из кармана цветную фотографию Аллы Пугачёвой:

– Моя девушка! Ничего?

– Ничего, но это же Алла Борисовна Пугачёва! – рассмеялись в отделе.

– А вы откуда знаете? – насторожился Горлов и шустро спрятал карточку в карман пальто.

В больницу его приложили через месяц, после того как он взял моду прицепляться сзади троллейбусов. Взрослый мужчина, а повиснет на лесенке, как пацан, и рад до безобразия, что бесплатно сидит. Но лечение на пользу не пошло, скорее наоборот: Саша стал более ранимым и истеричным. Если что не по нему – падал на землю и сучил ногами, как в припадке эпилепсии.

– Александр Фёдорович, к вам моно? – букву «ж» Саша Горлов не выговаривал. – Мне нуно узнать адрес приёмной президента.

– Саша, давай в другой раз, – попытался отделаться малой кровью Сурин. – Дело у меня срочное, понимаешь, задание главного редактора?

– Ну, Александр Фёдорович! Я и конверт купил. Сейчас напишу адрес и сразу на почту, – не уходил завсегдатая отдела писем.

– О чём президенту-то написал?

– Да о нашем российском бардаке, Александр Фёдорович! Пенсия у меня очень маленькая – пусть добавит!

– Понятно, – не делая попыток вникнуть в Сашины проблемы, Сурин продиктовал адрес. Если начнет рассказывать – сомлеешь слушать.

Горлов уселся за свободный стол и, колдуя над конвертом, запыхтел, как паровоз. Обратный адрес он написал чёрной пастой. Слова «Москва, администрация Президента» вывел – синей. А «Владимиру Владимировичу Путину» – красной!

– Спасибо.

– Да не на чем, Саша.

«А мне до пенсии палкой не докинуть», – выпроваживая посетителя, прикинул Сурин. И стал листать прошлогоднюю подшивку «Районных будней», может, придёт что-нибудь толковое в голову.

Ага. Вот это он и искал: «Умер начальник РОВД». Уже легче, есть хоть какой-то образец: «После тяжёлой продолжительной болезни на 56-м году жизни не стало Бориса Константиновича Брянцева, с 1997 по 2002 год возглавлявшего районный отдел милиции...»

А ведь крепкий был мужик этот Брянцев. Не пил. Не курил. В футбол играл. Каждое утро, как молодой, пробежку по стадиону делал, в шортах, кроссовках, без майки. Но от инфаркта не убежишь. За год спёкся: в квартиру на втором этаже по полчаса поднимался. Вот тебе и спортсмен! Говорят, что областное начальство его недолюбливало, по мелочам придиралось, чуть что – сразу на ковер. Преступность растёт по всем статьям, раскрываемость хуже некуда – везде так. А он слишком совестливый был, всё близко к сердцу принимал, переживал. Вот сам себя и загнал.

«Начинал карьеру рядовым милиционером в инспекции по делам несовершеннолетних, после окончания института работал оперуполномоченным уголовного розыска, заместителем, а последние годы до выхода на пенсию по выслуге лет – начальником РОВД. По жизни Борис Константинович был очень душевным, отзывчивым и доступным в общении с людьми человеком, что в наше время стало редким качеством среди руководителей, облеченных властью». Последнее предложение тогда Сурин вставил в назидание новому милицейскому начальству, чтобы от народа не отрывалось.

А это уже совсем другая история: во всю первую полосу газеты и черной рамке фотография улыбающегося мужчины и кричащий заголовок «Убит возле дома!» Ох, и набегался тогда Сурин ради нескольких строчек в газете. Но зато каких!

«В это невозможно поверить: от руки неизвестных грабителей погиб директор средней школы №2 Валерий Борисович Соколов, отец двоих малолетних детей. Как стало известно редакции, в субботу поздно вечером Соколов возвращался из гостей, и возле самого дома на него напали какие-то подонки, позарившиеся на норковую шапку и сотовый телефон. В результате тяжких телесных повреждений, несовместимых с жизнью: открытой черепно-мозговой травмы и перелома основания черепа – директор школы скончался на месте происшествия».

Убийц нашли через три дня – ими оказались два девятиклассника из соседней школы! Оба из неблагополучных семей. Как выяснило следствие, в тот вечер они нанюхались клея «Момент» и отправились на поиски приключений. И нашли! В силу несовершеннолетнего возраста каждый получил по четыре года лишения свободы.

Сурин умел писать о чужих смертях – это было как бы его тайным призванием. Что скрывать, но многих покойных он знал лично, с кем-то учился, про кого-то писал по работе, с кем-то даже выпивал – но всякий раз удивлялся, что из тысяч и тысяч живущих рядом смерть выбрала именно этого человека. И с каждым годом, да что там с каждым годом – с каждым месяцем чувствовал, что число давних знакомых, перебравшихся с этого света на тот, растёт, как в геометрической прогрессии. Свидетельство тому – всё новые и новые ряды памятников на городском кладбище.

Оглянувшись в сорок девять лет на прожитую жизнь, он увидел позади столько вычеркнутых из будничной гонки ровесников, что завыл. По пьянке, конечно, но и на трезвую голову он отчетливо осознавал, что, если смерть косит его знакомых с таким усердием, то очень даже скоро – не сегодня, так завтра – доберётся и до него. Именно поэтому с обреченностью прикованного к галерам раба он глушил горькую и писал этот непрекращающийся список утрат. Экзистенциалист районного масштаба, каждую новую смерть он пропускал через себя. Ещё никто-никто, кроме близких родственников, и знать не знал о кончине известного в городе человека, а Сурин уже поминал его традиционными 150-граммами водки и подыскивал необходимые в таких случаях слова, чтобы завтра все прочитали их в газете.

О покойных принято говорить хорошо или ничего. На самом же деле это было далеко не так. Под рубрикой «Вместо некролога» газетчики могли напомнить об умершем такое, чего никогда не сказали бы ему при жизни. Чаще всего этим занимался главный редактор. Он вставлял в текст одну – две строчки, которые разбивали целые флотилии хвalebных газетных полос, ибо содержали в себе такую правду, что пугала и живых, и мёртвых.

Сурин по сравнению с ним был ангелом, потому что не хотел в столь скорбный час сводить с кем-то счеты. Но ради торжества справедливости, в отличие от всем известной Нины Андреевой мог запросто поступиться принципами.

Смерть председателя суда Баринова случилась как раз, когда шеф жарился под щедрым солнцем Египта, и свою заметку Александр

Фёдорович назвал «Сдало сердце»: «Никто никогда не знает, где и при каких обстоятельствах закончит свой жизненный путь. Не знал этого и председатель районного суда Василий Петрович Баринов. Он приехал в наш район двадцать лет назад после окончания юридического института, первое время работал следователем прокуратуры... – дальше, как водится, шло перечисление всех ступеней трудовой биографии покойного. А завершалась заметка в свойственной криминальной информации стиле: – Вчера вечером Василий Петрович заглянул в кафе «Арфа», а в половине первого ночи почувствовал себя плохо. Сдало сердце. Вызванная карета «скорой помощи» уже ничем помочь не могла. Судья скончался от обширного инфаркта».

На другой день, конечно, начался разбор полетов. Владельцу «Арфы», где после работы оттягивался Баринов, за слив информации в прокуратуре устроили вздрючку. Наезжали и на Сурина, интересовались, откуда он взял и зачем написал такие подробности? Но ведь то, что написано пером – не вырубишь и топором!

Неделю спустя в заметке о безвременной кончине директора завода (тот повесился на даче) Сурин помянул, что покойного в конце 80-х называли прорабом перестройки, а осенью 1991 года он первым сжёг на митинге свой партбилет. Это уже был вызов. И Александра Фёдоровича таскали к следователю, где под роспись «с моих слов записано верно, и мною прочитано» брали показания, что ему известно по факту самоубийства гражданина Петрова. А что ему было известно? То же самое, что и всему городу. Как у перекусившего на волне демократии бывшего члена райкома Петрова хватило ума приватизировать родное предприятие и прибрать к рукам семьдесят процентов акций, а что делать с ними – его никто не научил.

Тогда, не зная, что ответить, чтобы от него отвязались, Сурин посмотрел следователю в глаза и устало спросил: «Скажите, пожалуйста, в чём вы меня подозреваете? Неужели я написал неправду?» И следователь отстал, и прокуратура отстала. Куда им против правды?

«Горечь утраты» наконец-то настучал Сурин двумя пальцами. А что? Вполне приемлемый заголовок: по крайней мере в этом месяце такого не было. Дальше пошло, как по маслу: «Нас постигла тяжёлая утрата. 1 ноября на 81-м году жизни скончался бывший председатель райисполкома Владимир Павлович Лапшин... С именем Владимир Павловича связана целая эпоха в развитии нашего района... Он стал легендой своего времени...»

Зазвонил телефон.

– Редакция газеты, – поднял трубку Сурин.

Звонила Настя Крохина из отдела рекламы, приглашала перед обедом на фуршет по случаю дня рождения, что было очень даже кстати!

«Хорошая девчушка, старательная, надо ей что-нибудь подарить. Может, книжку какую-нибудь?» – завертел головой Александр Фёдорович. Осмотрев просевшие под тяжестью газетных подшивок и книг полки, он увидел томик Боккаччо «Декамерон», который ему в прошлом году всучили на день рождения. Главное, чтобы в книге дарственной надписи не было! А её и не было – умные люди дарили. И хотя по большому счету дареное не дарят, это всё равно лучше, чем прийти с пустыми руками.

А Настя, надо отдать должное её хозяйственной жилке, постаралась. Уставила стол всякими разносолами: солёными огурчиками, капустой, и грибами – всё с рынка. Бутербродов настрогола с варёной колбасой – а чего ещё русскому человеку надо? Выпить да закусить. Водка на самом видном месте – две бутылки. Это пошли дурака за бутылкой водки, так он одну и принесёт. Настя же всё предусмотрела, всё продумала. И водки купила, и вина, и «Фанты» на записку. Даже об одноразовой посуде и бумажных салфетках позаботилась – прямо девочка из высшего общества. И гости уже стоят в полной боевой готовности, принимают к аппетитным запахам. Одного главного редактора не хватает.

– Ну что? Семеро одного не ждут? – сгорая от нетерпения, подал голос Сурин, заранее зная, что без шефа праздник всё равно не начнется.

– Начисляйте, Александр Фёдорович! – согласилась с ним поворожденная. Видно, прилично заждались – виноградные грозди грудящимися уже изрядно общипаны.

– Но прежде чем приступить к почетной обязанности разливающего, позвольте от всей души поздравить виновницу горжества и вручить ей эту замечательную книгу! Как раньше говорили, книга – лучший подарок!

И тут Сурин с ужасом понял, что именно этот томик Боккаччо Настя подарила ему в прошлом году вместе с литровой бутылкой водки. Стыдоба! Не зря говорится, что от хронического алкоголизма один шаг до атеросклероза.

– А поцеловать? – в дверях стоял главный редактор.

– С удовольствием!

А дальше пошло-поехало, как во всех журналистских коллективах – только успевай наливать и закусывать. Естественно, между первой и второй – промежуток небольшой, чтобы пуля не пролетела. А третий тост, как водится, не просто за новорожденную, а за её любовь и вообще за любовь, большую и красивую! А потом за всех присутствующих дам! Мужчины пьют стоя, а женщины – до дна!

И, конечно, всем страшно захотелось поговорить. Не могут журналисты без разговоров, особенно после выпивки. На этот раз всех понесло в воспоминания о газетных ляпах – тема-то уж больно благодатная. Да и вспомнить есть что и кого. Того же Валерку Смирнова, который ещё в годы горбачёвской перестройки умудрился озаглавить свой материал о сельских передовиках «Сто граммов для комсомольцев не предел»!

– Понятно, что не предел, – в красках пересказывая ту бородатую историю, смеялся главный редактор. – Для нас с Александром Фёдоровичем тоже не предел, но ведь в публикации шла речь не о выпивке, а о ежедневном привесе молодняка! Просто в райкоме его не так поняли.

– Не ошибается только тот, кто ничего не делает, – вставил Сурин.

– Это и козе понятно. Но Валерке вообще больше всех везло на ляпы, – не унимался шеф. – И самое обидное, что происходили они не всегда по его вине. Помнишь, как, откликнувшись на призыв обкома комсомола написать о жизни сельских очагов культуры, Смирнов послал свой материал в «Ленинец»? – обратился он к Сурину. А для молодых уточнил: – «Ленинцем» – у нас тогда называлась областная молодёжная газета.

Не знавшие этой истории напрягли слух.

– Село Смирнов знал лучше всех, как свои пять пальцев. И накатал он об одном сельском доме культуры чуть ли не целую полосу. Душевно так, трогательно, все кружки и клубы по интересам перечислил, и человеческий фактор подчеркнул, и руководящую и направляющую роль совхозного партбюро в деле воспитания молодёжи отметил. Но! Областные журналисты посчитали, что тоже не зря свой хлеб едят. И сократили Валеркин материал вдвое – это у них там болезнь такая была всё сокращать. Заголовок, естественно, поменяли. А для более красивой концовки в абзац о том, как самая активная участница художественной самодеятельности покидает клуб последней, вставили, что её звонкий голосок слышится в сельском клубе до позднего вечера. Решили, что раз в самодеятельности

занимается, значит, в хоре поёт! А девчонка оказалась немой! Она от балльных танцев была без ума.

– Корреспондент «Северной правды» ещё больше отчудил, – давал волю воспоминаниям Сурин. – Николай Григорьевич, помните, там одно время такой фельетонист был, по фамилии Гаганов, толстый, в очках – его ещё в обкоме все Поганов звали? Так вот этот Гаганов любил свои фельетоны разными афоризмами и пословицами украшать. Ради красного словца не пожалеет и отца. И, критикуя как-то работу директора одного из отдаленных хозяйств, для пущей образности написал, что его левая рука, не знает, что подписывает правая. А у директора была одна рука – и та левая, правую-то он на фронте потерял.

– Ну и что за это было Поганову? – поинтересовалась корректорша Маша.

– Да, в общем-то, ничего. Времена, когда за одну неверную букву людей в телячьих вагонах в Магадан отправляли, уже прошли.

– Так сразу и в Магадан? – не поверила Маша.

– А что? При Сталине, если вместо «Красной Армии» в газете выйдет «Крысная» – корректора в Магадан, а редактора в Волголаг! Ну а за «говнокомандующего» вместо главнокомандующего – расстрел всей редакции!

– Но ведь даже у классиков мировой литературы случались ляпы, – подала голос именинница. – Я читала, что в «Ошибке аббата Муре» Эмил Золя написал: «...Насупившись, она ела свой суп, не раскрывая рта»!

– А у Дюма в «Трех мушкетерах» есть фраза: «Он провел час, не дыша», – разливая водку, блеснул эрудицией шеф. – За работу без ляпов!

Не успели чокнуться и выпить, как бухгалтерия, растягивая слова, завела: «А кто родился в январе вставай, вставай, вставай! И чашу полную вина выпивай, выпивай, выпивай!» И все на удивление дружно подхватили эту долгоиграющую пластинку.словно пионеры, стали вставать и наливать, наливать и выпивать.

В самом разгаре фуршета, когда с водкой было покончено, а вино и закуска ещё оставались, шеф напомнил Сурину:

– Александр Фёдорович, не забывайте, с вас некролог!

«Какой некролог?» – чуть не сорвалось у заведующего отделом писем, но он вовремя спохватился и бочком-бочком двинулся к двери. Конечно, если бы не главный редактор, то он вообще не вспомнил бы о некрологе! Пока держат ноги, он уже собирался лиять домой. Единственным желанием было взять по дороге бутылку пива на утро,

чтобы похмелиться. Некролог убил его. И убил тем, что его ни на кого не спихнешь: Лиза Мещерякова укатила в командировку.

Стараясь ничего не уронить, Сурин обречено сел к компьютеру и понял, что последняя стопка была лишней. У нас ведь как? Две стопки – мало. Пять – много. А семь в самый раз.

По экрану монитора успокаивающе плавали золотые в полоску рыбки. Зав. отделом придвинул клавиатуру – и рыбки исчезли, оставив после себя недописанный с утра текст.

«Свой трудовой путь Владимир Павлович Лапшин начал в колхозе имени Крупской бригадиром бригады овощеводов, – кавалерийским наскоком выдал Сурин. Косо глянул в пожелтевшую газету с биографией и продолжил: – В 1941 году ушёл на фронт».

Дальше шёл сухой поминальник должностей, на которых успел поработать покойный, а газетному волку Сурину хотелось лирического отступления. Хотя бы небольшого, в одно – два предложения, чтобы как-то очеловечить весь этот сухострой.

Он закрыл глаза, напрягся, вспоминая какие-нибудь простые, трогающие читательское сердце слова. Ничего путного в голову не шло: уставший организм одолевала вялотекущая дремота. Если бы не этот хренов некролог, он уже давно бы пил пиво. Холодное. Прямо из горлышка, под статью нынешним «горнистам». И тут его вдруг прорвало: «Талантливые люди заметны сразу. Во многом благодаря смелости и мудрости принимаемых решений, Лапшин был назначен сначала заместителем, а через несколько лет и председателем районного исполкома Совета депутатов трудящихся».

Наконец-то, наконец, говоря спортивным языком, к нему пришло второе дыхание: «На протяжении двадцати лет его руководством районом на центральных усадьбах колхозов и совхозов выросли жилые дома, детские сады, школы, больницы, магазины, современные Дома культуры...»

Здесь вполне можно было бы поставить точку, но Сурин уже закусил удила и, несмотря на обговоренные сто пятьдесят – двести строк, продолжал кропать дальше: «Даже выйдя на заслуженный отдых, Владимир Павлович не мог оставаться безучастным к проблемам района, возглавлял Совет ветеранов. За свой боевой и трудовой подвиг он был отмечен высокими правительственными наградами: орденами Славы и Трудового Красного Знамени многочисленными медалями. Невозможно поверить в то, что такого удивительного человека с нами больше нет. Утрата эта невозполнимая».

для района, области, страны. Имя Владимира Павловича Лапшина навеки останется в наших сердцах».

– Отлично! – пробежав глазами распечатку, похвалил шеф.

Это означало, что заведующий отделом писем с чувством выполненного долга мог спокойно идти пить пиво. Так он и сделал. Душа требовала продолжения банкета. И Александр Фёдорович, ощущая себя полным тёзкой оставшегося в русской истории Александра Фёдоровича Керенского, снизошёл в знакомое пивное заведение, где на видном месте, как бесценный раритет, до сих пор красовалось объявление из советского прошлого: «После отстоя пены пробуйте долива пива».

Его здесь знали. И он тоже многих знал. Среди завсегдатаев подвала было много художников, правда, не тех великих, стригущих лавры в столицах и заграницах, а тех, кому в наши дни стало совсем худо. Худющие, лохматые бородачи, днём они толкали возле монастыря туристам свои незатейливые акварели и офорты, а ближе к вечеру оттягивались пивком. И, кажется, не было для них, да и для Сурина тоже, в этот час минуты сладостней, чем та, когда после первого глотка, колупая бок вяленой вобле, они заводили свои долгие разговоры за жизнь.

– Фёдорович, рули к нам! – приветствовал его Федя Соколов, беззубый пятидесятилетний мужичок в китайском пуховике. С виду сморчок сморчком, а по части пейзажей не уступает Шишкину. Беда, что самоучка. Да и в выпивке меры не знает. Из-за пристрастия к Бахусу его и к Союзу художников на пушечный выстрел не подпускают. – Ты последнюю «пулю» слышал? Говорят, Серега Хватов ласты склеил!

– Как склеил?

– А то ты не знаешь, как склеивают?! Махнул какой-то гадости, да, видно, лишка – почки и накрылись. На новом кладбище, говорят, его похоронили. Надо будет навестить маэстро.

Александр Фёдорович знал Хватова, пожалуй, не хуже, чем самого себя. Не раз писал про его вернисажи – художник в городе известный. По молодости лет, правда, раза два в психушке лежал. С диагнозом вялотекущая шизофрения, но как потом сам Серега объяснял, это он так от армии косил. А нынче на клиентов психбольницы большой спрос: он уже и в Москве выставлялся, и в Париже – на Западе русские модернисты в цене. В этом смысле соколовские пейзажи были Сурина куда ближе хватовских путан с кошачьими головами. Хотя, как известно, на вкус и цвет товарищей

нет. Но, видно, не судьба Серёге стать вторым Сальвадором Дали. Говорят, что оставшуюся после матери однокомнатную квартиру он обменял на дачный домик в деревне, полученную разницу положил в банк и, как бывшие рантье, собирался жить на проценты. Но ничто не вечно под луной: банк лопнул, денежки плакали, а Серега впал в глубокий запой.

– Талантливый был мужик! – словно готовясь пустить слезу, хмыкнул носом Соколов. – Ты бы это, Фёдорович, со своим бойким пером тиснул про Хвата что-нибудь в газетке.

– Непременно! Я сегодня Лапшину такой некролог сварганил, что самому завидно стало.

– А что Лапшин тоже приказал долго жить?

– Скончался на 81-ом году жизни, царство ему небесное.

– Так помянуть бы надо?

Поминали до половины двенадцатого, пока их не стали выпроваживать. Феде Соколову, как натуре утончённой, грубость охранника пришлась не по нутру. Он попытался протестовать:

– Извините, но с людьми интеллигентными в наше время так нельзя!

– Ну ты, институт конченый! – беря его за ворот, рыкнул, по всей видимости, недавно разжалованный мент. – Закрой свой рот, ты не в Овальном кабинете!

Поджав хвосты, приятели быстренько ретировались. Волю эмоциям они дали на улице:

– Вот так, брат, – бурчал Соколов. – Везде новые хозяева жизни, новые порядки! Кто был никем, те стали всем!

– Это ещё как сказать! – хорохорился Сурин. – Мы ведь тоже не пальцем деланные. Не зря говорят, что пресса – четвертая власть. С нами только свяжись, мало не покажется! Зассым и заморозим! Подумаешь, какой-то охранник возомнил из себя два себя... Вот возьму завтра и позвоню хозяину этого кафе!

– И правильно сделаешь.

– Так, мол, и так. Это вас из редакции беспокоят, из отдела писем Читатели газеты жалуются на вашего охранника, что вчера работал. Ведет себя с посетителями по-хамски, оскорбляет. Примите меры! И помяни моё слово, что он вылетит с работы, как пробка из шампанского!

– Давно пора.

...Как Сурин добрался домой, стреляй – не вспомнит.

А утром его вызвал главный редактор:

- Пишите!
- Что писать? – с трудом выходя из состояния невесомости, переспросил заведующий отделом писем.
- Некролог.
- По ком?
- По себе!
- Как по себе?
- Обыкновенно, как о других писали, так и о себе, любимом, можете написать. Опыт у вас большой – не зря Мастером некролога являетесь. Кстати, любопытно: сколько же вы их за свою жизнь настрочили?
- Не считал.
- А вы посчитайте!
- Попробую, – согласился Сурин. – Можно идти?
- Идите, Александр Фёдорович! И чтобы через полчаса некролог был готов.

«Платный?» – по привычке хотел переспросить зав отделом, но, подумав, что кто же за него, ничего, заплатит, согласился писать даром. И тут же поймал себя на мысли, что слишком уж легко он на это подписался. Мог бы и покорёжиться. Не человек, а глина – лепи, что хочешь. Уважающие себя люди наверняка бы отказались! Да им бы и не предложили. Как такое можно? А ему сказали – и он пошёл. И первую строку уже сочинил: «Вчера в шесть часов утра после тяжёлого и продолжительного запоя ушёл из жизни член Союза журналистов России, дипломант всесоюзных и всероссийских конкурсов, заведующий отделом писем газеты «Районные будни» Александр Фёдорович Сурин...»

На глаза навернулись слёзы. Буквы стали расплываться. Прощай, четвёртая власть! Прощай, Лиза Мещерякова – верная ученица и помощница! Прощайте, друзья, коллеги, читатели!

В узкий редакционный коридор уже заносили гроб, длинный, несуразный, словно обитый красным бархатом пенал. Небритые мужики, с какими-то жуткими лицами, играючи управлялись с домовиной, словно она была не из сырых досок, а из пенопласта. Увидев стоящего в дверях Сурина, старший из них, по всей видимости, менеджер, кивнул ему головой:

- Принимайте, уважаемый, всё, как заказывали. Можно примерить.
- Что примерить? – не понял Сурин. – Гроб примерить?

– А что такого? Люди обувь покупают – меряют, а тут вещь более серьезная, да и не на один сезон – на века! Примерьте, не стесняйтесь – мы в коридоре постоим. Не зря говорят, что живые закрывают глаза мертвым, а мертвые открывают глаза живым. Это о нас, работниках ритуальной службы. Фирма у нас серьезная, не какая-нибудь однодневка, даже сертификат соответствия требованиям международного стандарта ИСО 9001 есть. Можем предъявить. В ритуальном бизнесе сейчас очень большая конкуренция. Чтобы привлечь клиента, мы и прижизненные заказы берём, и в кредит оформляем, и, как свадебные платья, даём гробы на прокат.

– Спасибо, спасибо.

– Достойные проводы на тот свет – это всё, что мы можем предложить вам на этом, – не унимался менеджер. – Вы писателя Вересаева, случайно, не читали? Очень, говорят, большой специалист по похоронной обрядности был. Писал, что провожать покойника непременно должны девушки с зелёными ветками, в белых одеждах... Если есть желание, можем и девушек по вызову с зелёными ветками устроить – фирма «Анастасия» в одном здании с нами находится. У них в первой половине дня всё равно простой. А барышни, надо отдать им должное, хорошенькие, чистенькие, у каждой за плечами десятилетка или вуз. Красиво обслужат, эротично – не пожалеете!

– Ни к чему мне на том свете вся эта эротика.

– Можем предложить другие варианты. Для проведения гражданской панихиды у нас есть свой духовой оркестр: четыре трубы и барабан. Конечно, это вам не ансамбль песни и пляски имени Александрова, но все пользующееся спросом мелодии – от Шуберта до Шопена у ребят в репертуаре. Естественно, у нас свой катафалк и автобус. А так как своего крематория в городе пока нет, имеем выходы на загородную котельную, работающую на твердом топливе – эффект тот же. Урны под прах всегда в ассортименте и только импортные. И не какой-нибудь там дешевый Китай, а самая настоящая Германия. По желанию клиента мы можем пристроить её где угодно, вплоть до столичного колумбария на Новодевичьем кладбище. Последнее желание клиента – для нас закон.

– Что-то не по душе мне эти ваши колумбарии.

– Нет проблем! Если вы человек крещеный, православный заказывайте церковное отпевание. Заочно – полторы тысячи. В церкви со священником – пять. С выездом на кладбище – семь. Настоятель храма, отец Григорий, у нас на полставки грузчиком оформлен. Бис.

что у Шаляпина. Как грянет «Вечную память», не только у живых, у мёртвых – мурашки по коже! Так как, выбрали?

– Погодите, ребята! Никуда я от вас не денусь... Что-то мне совсем чужо.

– А кому сегодня легко?

– Если время терпит, перезвоните попозже...

...Звонок раздался буквально через минуту, резкий, настойчивый. Не в силах подняться, Сурин перевалился с дивана на пол и на четвереньках пополз к телефонному аппарату:

– Алло...

– Александр Фёдорович! Это Лиза Мещерякова из редакции...

– А-а, здравствуй, Лизонька...

– Шеф интересуется, как вы себя чувствуете?

– Плохо я себя чувствую, Лизонька. Совсем плохо... Да что я тебе рассказываю – сама видела, как гроб в редакцию приносили...

На другом конце провода настороженно замолчали. Но, напрягая слух, Сурин всё же расслышал, как Мещерякова, закрыв трубку ладошкой, кому-то объясняет: «До чертиков допилился – гробы мерещатся!»

– Александр Фёдорович, какой гроб? У вас там всё в порядке?

– Всё нормально, Лизонька, всё нормально, – стряхивая с себя остатки сна, обрадовался Сурин. – Это у меня шутка юмора такая.

– Значит, сегодня на работу уже не придёте?

– Вряд ли.

– А завтра?

– До завтра надо ещё дожить... Захворал я, Лиза...

– Выздоровливайте, Александр Фёдорович!

– Постараюсь, – Сурин на манер морской черепахи заполз в постель и, чувствуя озноб, с головой укутался ватным одеялом. Все суставы, особенно ног, ломило так, словно по ним проехался гусеничный трактор. Нечто подобное, пожалуй, испытывают только наркоманы во время ломки да хронические ревматики, с ужасом глядяваясь в ползущие с неба струи дождя.

Отравленный этиловым спиртом и истощенный сухомыткой организм газетчика уже давно потерял всякую способность к сопротивлению и, образно говоря, напоминал немазаную телегу, готовую в любой момент развалиться, но вопреки всякой логике всё ещё скрипящую по жизненной дороге. На беду Сурина с каждым годом он переносил похмелье всё тяжелее: у него, казалось, уже не

было такого органа, который бы не напоминал о своём существовании отдаленной болью. Словно поддетая на штык, каждое утро ныла поджелудочная железа – и, вертясь ужом, Александр Фёдорович не находил себе места, скрипел зубами, выл, взывал к богу.

Но около двух часов дня всё же был вынужден подняться, привести себя в порядок и пойти в поликлинику. Разумеется, не ради лечения – тут участковый терапевт вряд ли чем поможет, а чтобы заручится больничным листом. Голубенькой бумажкой с треугольной печатью. И хотя Сурин прекрасно понимал, что день – два, а если попросит, так и целую неделю, он может взять на работе в счёт отпуска – для этого и ходить никуда не надо, только сними трубку и позвони главному редактору, он всё равно потащился в поликлинику. Вот что значит привычка для человека, которому с детства втемяшили, что без бумажки – он букашка, а с бумажкой – человек!

Он сидел возле кабинета врача и, пряча ноги под кушетку, любовался проходившими мимо медсёстрами. Их лёгкие танкетки и туфельки на шпильках в отличие от его суконных ботинок не оставляли на паркетном полу никаких следов. А под его резиновыми подошвами красовалась целая лужа – и Александру Фёдоровичу постоянно казалось, что все вокруг смотрят на него с осуждением. Пенсионного возраста мужчина читал свежий номер «Районных будней».

– Вон в газете пишут, что Владимир Павлович Лапшин умер, произнес он вслух. – Пишут, что на 81-ом году жизни умер...

– А на каком же? – похолодело в груди у Александра Фёдоровича: неужели вчера наврал что-то по пьянке?!

– Мы с Владимиром Павловичем вместе в исполкоме работали... продолжал ветеран.

– А сейчас?

– Что сейчас?

– Чем занимаетесь? Работаете ещё, наверное?

– Я свое, голубчик, уже отработал... Вот, думаешь, сколько мне лет?

– Лет, наверное, шестьдесят пять – семьдесят...

– А восемьдесят четыре не хочешь?

– Шутите?

– Какие, милый, могут быть шутки на девятом десятке лет? Вот смотри, – он протянул свою медицинскую карту, где рядом с фамилией стоял и год рождения – 1920. – Володька-то Лапшин был моложе меня на четыре года...

– Бобылев! – выглянула из кабинета медсестра, и долгожитель исчез за дверью.

«Наше поколение столько не протянет, – ухмыльнулся Сурин. – Дай бог до пенсии доскристи».

Он поднял с кушетки оставленную ветераном газету, и ещё раз отстранено, как бы ставя себя на место подписчиков «Районных будней» перечитал своё вчерашнее творение. Складно получилось, как в песне – ни одного лишнего слова.

Представив на минуту сразу всех читателей, склонившихся над «Горечью утраты», он, пожалуй, впервые за последние годы почувствовал в себе профессиональную гордость. Не зря его зовут Мастером некролога. Кто ещё в «Районных буднях» сможет вот так душевно написать о давно забытом всеми чиновнике? Никто!

Понятно, что незаменимых в газете не бывает, припахали бы к этому делу Лизу Мещерякову. Пошла бы девчонка в местную администрацию, получила сухую казенную болванку из личного дела и, расставив знаки препинания, добросовестно переписала. Хотя что удивляться? Лапшина она никогда не видела и не слышала. А у Сурина получилось чуть ли не художественное произведение. Родственники покойного сейчас над каждой строкой слезами обливаются: как живой Владимир Павлович получился в газете – вся его трудовая биография на виду. И оперативность, как у сверхзвукового самолета: покойник ещё без штанов в морге отдыхает, а народ его уже добрым словом вспоминает. Как говорится, дорого яичко во Христов день!

Может, родственникам позвонить, слова сочувствия высказать, а между делом поделиться, как было трудно нужные сведения для статьи собрать – глядишь, и на поминки позовут.

У Сурина знакомо засосало под ложечкой. Но отправиться на поминки с больничным листом – верх цинизма. Что на работе скажут, когда узнают? К тому же не раз случалось, что родственники известных в городе людей хоронили близких на их малой родине – на каком-нибудь сельском погосте.

Однажды, поддавшись соблазну проводить знакомого начальника автотранспортного предприятия в последний путь, Александр Фёдорович попал в такую глухомань, что выбрался только под утро. В красный уголок АТП, где стоял гроб, он пришёл в надежде, что поминки будут справлять в ресторане, да получилась промашка. Полтора часа траурная процессия наматывала километры до соседнего райцентра, где покоились родители покойного. А мороз стоял,

наверное, градусов двадцать девять! Плевков на лету замерзал. Метель. Ветер. Ноги у Сурина в суконной обуви задубели, а в автобус с кладбища не уйдёшь. Дальше – не легче. Брат покойного под поминки городской Дом культуры арендовал. Здание огромное, а закуски из соседнего кафе привезли холодные, в рот не возьмёшь. Хорошо, что водки было хоть залейся.

Брат же покойного таким совком оказался, что в разгар поминальной трапезы стал допытываться, кто есть кто? И заведующий отделом «Районных будней» показался ему лишним. Хорошо с кулаками не полез – от пьяного человека что угодно ожидать можно. Обратнo поехали – народ в автобусе паять стал, так что домой Сурин добрался в третьем часу ночи.

Вот тогда Александр Фёдорович и дал себе зарок, что на поминки к незнакомым людям он больше не ходок. А то ведь из-за этих поминальных попок на работе над ним стали подтрунивать, что, мол, помани Фёдоровича стаканом – так он с одного конца города на другой прибежит.

В народе говорят, что от работы лошади дохнут. Сурин был противоположного мнения. Просидев на больничном одну неделю, он был готов от безделья раскрашивать на обоях цветочки. Пробовал читать, но уставали глаза. Тогда, завернувшись в одеяло, пытался философствовать на тему, что было бы с человечеством, если бы люди не умирали. Или умирали, но только от насильственной смерти. Или, хуже того, в один прекрасный день стали возвращаться с кладбищ домой... Интересный сюжет для небольшого рассказа! Жаль, что пока никому не пришёл в голову.

На работе Александра Фёдоровича ждали с нетерпением. Особенно шеф. Едва войдя в кабинет главного редактора, Сурин сразу понял, что будет жарко. Шеф или не допил вчера или перепил – одну из двух. Но членам редколлегии от этого не легче. Начнет цепляться, как репейник, – мало не покажется.

– А что интересного в завтрашний номер предложит заведующий отделом писем? – обратился Николай Григорьевич к Сурину.

– Так я только с больничного, – чувствуя провал своих аргументов, ответил Александр Фёдорович.

Хуже горькой редьки ненавидел он утренние планерки. Сиди, как дурак, не зная, что сказать. День-то ещё только начинается – сейчас пойдут звонки, потянутся посетители – вот тогда другое дело. Сколько раз он предлагал перенести летучку на час позже – всё, как мёртвому припарка.

– Значит, вы предлагаете на первую полосу подробности своего пребывания на больничном? – усмехнулся шеф. – В форме репортажа с бинтом на шее или заметок на рецептах? Очень интересно! И это в последние дни подписной компании! Не знаю, кому нужна такая пёзубая газета?

Он осмотрел присутствующих, как бы поверх голов. Но все знали, что это только маленькое затишье перед бурей.

– Неужели за два выходных дня в городе никого не убили, не изнасиловали, не взорвали? – словно собираясь сделать запись, главный редактор придвинул к себе ежедневник. – Да не может такого быть! Проявляйте инициативу, не ждите, когда милиция и пожарные разошлют по всем изданиям свои сводки! Работайте на опережение, обзаводитесь нужными знакомствами, связями, не бойтесь лишний раз оторваться от стула! Мы же работаем в условиях жесткой информационной конкуренции... Вот посмотрю – посмотрю на вас, больных да хворых – и уволю всех к едрёне матери!

Сурин понял, что это касается именно его. Надо что-то говорить, не молчать. Промедление в данном случае, как и у вождя мирового пролетариата, смерти подобно.

– Ходят слухи, что наш известный художник-авангардист Сергей Александрович Хватов приказал долго жить, – вспомнив разговор в пивной, подал голос Сурин.

– Слава Богу! Хоть одна хорошая новость, – вздохнул шеф. – Если есть интересные подробности, пишите, Александр Фёдорович, в завтрашний номер хоть целую полосу. Если больше ничего нет – пошли работать! Талант, как говорится, не пропьёшь! – добавил он негромко, когда народ уже потянулся к двери.

Легко сказать: «Пишите, Александр Фёдорович, хоть целую полосу». Было бы чего писать. Один дурак ляпнул спьяну, а другой озвучил. Но делать нечего: назвался груздем – полезай в кузов.

– Я пойду до монастыря прогуляюсь, – бросил Сурин Лизе Мещеряковой. – Не скучай!

– Постараюсь, – улыбнулась ему девушка.

Свою прогулку, как нетрудно догадаться, Сурин начал с кафе, где взял сто пятьдесят водки и двести газированного напитка с веселым названием «Колокольчик». После этого искать возле монастыря свой источник информации в образе Феди Соколова стало полегче. Жаль, что тот перед его приходом, как выяснилось, свалил домой.

– Привет, мужики, – обратился газетчик к художникам. – Что нового о судьбе Сереги Хватова слышно?

– С того света пока ещё никто не возвращался, – сухо заметил неразговорчивый Боря Кустов, пятидесятилетний мужичок, работающий преимущественно по миниатюрной живописи на эмали.

– Откуда такие сведения? – пытал мастера огненного письма Сурин.

– Все говорят. Квартиру Хват поменял на загородный домик с доплатой. Деньги положил в банк, а банк накрылся медным тазом – запил, говорят, здорово. А водка нынче, сами знаете какая.

– А кто это все говорит-то? – не унимался Александр Фёдорович. – Федя Соколов, что ли?

– Все говорят.

Да, это был ответ, достойный «Районных будней».

Но ничего большего Сурин так и не добился. Ни в милиции, ни в прокуратуре, ни даже в морге, где работал его знакомый судмедэксперт. Заведующий отделом писем нервно обкусывал заусеницу на ногте большого пальца. Уж лучше бы он промолчал сегодня на летучке! Но самое скверное, что если Сурин сегодня ничего не напишет, то не завтра, так послезавтра какие-нибудь «Новые рубежи» преподнесут смерть Хватова как сенсацию районного масштаба!

По молодости лет довелось Сурину побывать по туристической путевке в Болгарской Народной Республике, так там отпечатанные типографским способом сообщения о смерти близких людей с их фотографиями развешивались прямо на стенах домов. Вот бы у нас так – тогда не гадай на кофейной гуще: жив человек или нет!

Как ни пытался Александр Фёдорович в своем материале обойтись без констатации факта смерти авангардиста Хватова, как ни прятался за всевозможными недомолвками, вроде «ходят слухи», «хоть и верится с трудом, но на чужой роток не накинешь платок», «до сих пор не могу поверить», главный редактор всё это вычеркнул. И поставил материал под заголовком «Банковский вклад – цена жизни известного художника».

Первый звонок по статье раздался в отделе писем рано утром, когда Сурин только переступил порог редакции. Звонила сестра «покойного»:

– Вы что там совсем обезумели?! – с трудом подбирая слова, возмущалась она. – Живого человека похоронили! Серёжка вчера

вчера у меня был, а вы в своей жёлтой газетёнке пишете, что его уже неделю с нами нет! Думаете, на вас управы нет?! Ничего найдем!

«Некрасиво получилось», – понял Александр Фёдорович и вместо утренней планерки отправился в кафе снимать стресс. Сто пятьдесят юбки сделали заведующего отделом писем менее уязвимым. Но юбки пошли наверх – главному редактору, и тот вызвал Мастера некролога к себе в кабинет:

– Александр Фёдорович, как же вы так опростоволосились? – только и смог произнести шеф. – Вам теперь легче закопать этого Хватова в могилу, пока он всех нас не закопал.

Лиза Мещерякова пыталась припомнить нечто подобное в других СМИ, но, кроме случая в «Новых рубежах», когда вместо убитой корреспондент написал имя её сестры с такой же фамилией, ничего не вспомнила. Тогда мнимая покойница отсудила у редакции за моральный вред без малого тридцать тысяч рублей. В ситуации с Хватовым было всё гораздо серьезнее. Как-никак человек, широко известный на Западе.

В конце недели в редакции появился сам Хватов:

– Что же вы, Александр Фёдорович, меня раньше времени похоронили? – с упреком обратился он. – Ладно, раньше у нас времена тоталитаризма были, а теперь-то демократия. Некрасиво получается! Нехорошо!

Заведующего отделом писем снова потребовал главный редактор:

– Александр Фёдорович, что делать-то будем?

– Это насчёт чего? – притворился деревом Сурин.

– Да всё насчёт вашего ожившего покойника. Четвёртый день подряд покою нет – я уж и телефон пробовал отключать... Как же, сенсация века! В погоне за тиражом «Районные будни» хоронят живых. Не читали областную прессу? – шеф бросил ему под нос «Северный экспресс» и «Новые рубежи». – Почитайте! Глава района в ярости. Он и раньше нас недолюбливал, цеплялся к каждому слову – да что мне вам рассказывать? А тут напрямую заявляет, что, мол, сотрудники газеты допились до белой горячки – не ровен час, главу администрации похоронят или войну соседнему району объявят. Из Союза художников звонили, возмущались, из прокуратуры – требуют принятия мер! Так что берите бумагу – и пишете заявление об увольнении по собственному желанию.

– Как писать-то?

– Так и пишите: «В связи с ухудшением здоровья прошу уволить меня по собственному желанию». Поставьте сегодняшнее число и подпись.

– А если...

– Никаких «если»! Сейчас спорить с главой района, всё равно, что плевать против ветра!

– Понял.

– Полгодика поработаете вне штата на гонораре. Материалы будете подписывать псевдонимом. Какие у вас псевдонимы?

– Александр Фёдоров, Фёдор Александров...

– Эти больше не прокатят! Возьмете новый. И лучше женский, – главный наморщил лоб. – Яна Касимова, например.

– Почему Яна Касимова?

– Александр Фёдорович, не всё ли вам равно?

– Может, тогда лучше Александра Коллонтай? – Сурин ещё мог шутить. – Мне хотелось бы знать, почему в ближайшие полгода я стану подписываться именно этим псевдонимом?

– Просто пришло в голову, вспомнил, что у нас на журфаке была студентка Яна Касимова.

– Ваша любовь?

– Да-да, представьте себе, моя бывшая любовь! – заводился главный редактор.

– Можно в таком случае я возьму в качестве псевдонима фамилию своей первой девушки? Таня Романова?

– Можно. Ну и... Вот сбили меня, Александр Фёдорович, своим псевдонимом с мысли... Ах да! Потом, когда всё утрясётся, успокоится, где-нибудь к середине следующего года вы снова вернётесь в редакцию на полную ставку. Вы же у нас Мастер некролога — куда без вас?

– А пораньше никак нельзя?

– Можно, конечно. Но только, если вы не будете со мной спорить по мелочам!

– В таком случае я согласен даже подписываться Яной Касимовой.

ВСЯ ЖИЗНЬ ВПЕРЕДИ

Автобус появился в тот самый момент, когда, продрогнув на шальном октябрьском ветру и устав тянуть шеи в сторону Якимовского, девчонки собрались идти пешком. До трассы. Шесть километров.

Поломки с рейсовым автобусом до Астафьева случались последнее время так часто, что надеяться на него не приходилось. Водители капризничали: то, не доезжая Астафьева, развернутся, то вообще последний рейс отменят, и всё из-за дороги, которая здесь хуже стиральной доски. Особенно весной и осенью. Трактора колёсные вязнут, что же про автобус говорить? Доехать до остановки – всё равно что совершить подвиг. Но водитель «Пазика», может, по своей неопытности, а может, из-за упрямства, едва не сядя на задний мост, как раз и пытался это сделать. Но метров за десять, решив, что лучше не рисковать, остановился, помигал фарами, давая понять, что дальше не поедет, и стал разворачиваться.

Боясь не успеть – мало ли дураков на свете: развернётся и укатит обратно, бывало и такое, девчонки полезли в грязь. Первой в вязкую, засасывающую жижу вступила Света Березина. Мелкими шажками, удерживая равновесие, она пробиралась к автобусу в коротких резиновых сапожках. Обернувшись на подруг, она столкнулась взглядом с Ирой Андрейченко, подмигнула ей и чуть не растянулась, зацепившись ногой за какую-то проволоку. В сапог набежала вода. Тяжёлый рюкзак того гляди свалится, но его никак не поправить: в одной руке чемодан, в другой сумка с картошкой, будь она проклята!

Ира тоже нагрузилась, как выючная лошадь: тугая спортивная сумка чуть ли не волочится по грязи, в руке свернутая фуфайка, сетка с морковью и луком – от такой ноши, того гляди, пополам переломишься.

Ольга всех хитрее: связала ручки двух сумок меж собой и взвалила груз на плечо. В телогрейке, застиранных брюках – не успела переодеться после дойки – она похожа на беженку времен гражданской войны. Хотя чего говорить, в рабочей одежде все как на подбор. Скотник Нилыч даже пошутил:

– Не то погорельцы идут, то больные пробираются из тифозного корпуса в туберкулезный!

Отскоблив с подошв шмотки грязи, девчонки поднялись в пустой автобус и блаженно рухнули на первые сиденья. Наконец-то! До слёз в

глазах они ощутили насколько устали за месяц работы в подшефном совхозе. Ирина даже высказалась, что, не вернись она сегодня в город, честно отбарабанив на ферме положенные по графику четыре недели и передав коров приехавшей смене, то завтра по-хорошему или по-плохому всё равно сбежала бы отсюда.

Месяц без выходных, без бани, без горячей воды – ничему на свете не рад! Не зря из Астафьева сбежала вся молодёжь. Ни клуба, ни библиотеки, магазин работает не каждый день, да и какой от него толк, если на витринах шаром покати? Хотя если присмотреться, то можно увидеть сложенную из консервных банок «Завтрак туриста» пирамидку, завезенный ещё прошлой осенью концентрат квасного суслу и торчащий из-за прилавка мешок с макаронами. Ассортимент такой, что глаза разбегаются. А продукты первой необходимости, будь то сахарный песок или подсолнечное масло, завозят вместе с хлебом через два дня на третий. Село неперспективное, жильё не строится, в основном живут одни старики.

– Отмаялись? – спросил добрый, как волшебник, водитель автобуса.

– Сполна! – за всех ответила Света. – Но если бы вы не приехали, то ещё недельки на две остались. Животноводству – наш ударный труд!

У неё ещё хватало силы шутить.

Автобус тяжело тронулся с места, накренился на бок и, надрывно урча, пополз по дороге. Притихшее в надвигающихся сумерках Астафьево оставалось позади. По стеклам стегал мелкий дождь. Разбитая, не знающая асфальта дорога петляла меж лесных зарослей и кустов, и только когда автобус выбрался на взгорье, затерянное на просторах родины село напомнило о себе длинным шпилем дореволюционной колокольни. Астафьево. Как ни крути, а даже в названии села таится скрытый призыв поскорее его покинуть: оставь его!

Вынув из кармана приготовленную за проезд мелочь, Света передала водителю:

– Три. До конечной.

– Без сдачи? – не оборачиваясь, шофер сгреб деньги и, не пересчитывая, бросил в маленький чемоданчик. Билетов не дал. Какие билеты, хорошо, что вообще приехал. В бездорожье два раза рейсовый автобус придёт – уже счастье! Девочку-пятиклассницу и мальчишку по фамилии Хрущёв возят в школу на гусеничном тракторе. Механизаторы подшучивают над ним: «Садись, Никита

Сергеевич!» А тот понять не может, почему Никита, если родители его Алексеем назвали?

До асфальтированной трассы тащиться шесть километров, и всё по грязи. Случись у кого из стариков инфаркт – «скорой помощи» не проехать, вся надежда на фельдшера, на Зою. «На фелшара», как говорят местные женщины.

Работа в подшефном совхозе считалась на фабрике если не каторгой, так ссылкой. И хотя все откомандированные на ферму получали среднемесячный заработок плюс деньги, что выплачивал за работу совхоз, добровольцев не находилось. Семейные женщины сразу наотрез отказались: «Лучше уволимся!» Не нашлось энтузиасток и среди холостых: кому хочется целый месяц на ферме по колено в грязи ходить? И что самое скверное: ни помыться, ни отдохнуть после работы. Радио – и того нет. Общежитие – одно название, хуже тюрьмы: пять железных кроватей, сколоченный из досок стол, самодельные табуретки – вот и вся обстановка.

Затертые обои на стенах расписаны разными словечками и картинками, как в привокзальной уборной; форточку в скособоченной раме не закрыть; половицы прогнили, а унаследованная от Бабы-Яги печь дымит больше в дом, нежели в трубу. Но самое страшное, конечно, крысы, которых выгоняет из подполья вода и, зверея, они чуть ли не кидаются на людей.

Вот тогда на заседании расширенного профкома и решили посылать в подшефный совхоз только незамужних женщин до двадцати восьми лет. Комсомольский возраст. Вроде как для испытания на прочность. По три человека в месяц. Если раскинуть на всю фабрику, за вычетом больных и тех, кому уже стукнуло двадцать восемь, то каждой незамужней комсомолке раз в два года выпадал месяц каторги. Молочко-то со сметаной все любят.

Минули чёрные вековые заросли, автобус заскользил по мокрому шоссе – и пассажиров прибавилось. В Труфалове с помощью девчат в «Пазик» едва забралась бабушка-старушка в чёрной шали и чёрном бархатном жакете, в Подайкине – седобородый, согнутый годами дед и женщина с мальчиком-школьником.

Входившие невольно косились на девчонок, интересовались, откуда они едут, а когда узнавали, что это те самые астафьевские доярки, о которых на днях писала районная газета, допытывались об условиях работы, поголовье стада и непременно об удоях, которые уже давно никого не радовали: по 1900 килограммов молока от коровы.

Хотя стоит ли удивляться, если на ферме никакой механизации, сплошной ручной труд?!

А ведь в уходе за животными умение нужно, которое приходит не сразу. Хорошо Березиной – у неё мать корову держала. Ира Андрейченко тоже быстро сообразила, что к чему. Юркая, проворная, она так ловко доила свою группу, что ей профессиональные доярки завидовали. Тяжелей других бурёнки дались Ольге Свешниковой, с непривычки ладони у неё огрубели и потрескались так, что на ночь их приходилось смазывать детским кремом, который расчетливо привезла с собой Света Березина.

Сквозь забрызганное дождём стекло показались огни областного центра, замельтешила залитая неоновым светом автострада – и автобус, как стрекоза, влетел в вечерний город.

На вахте дежурила круглолицая, смахивающая на кустодиевскую купчиху розовощекая тётя Клава. Увидев девочнок, она радостно запритчала:

– Господи, наконец-то, приехали! Слава богу! Устали, бедняжки! А похудели-то как – одни носы торчат!

– Клавдия Петровна, лучше скажите, есть ли в душевой горячая вода? – перебивая причитания женщины, спросила Ира Андрейченко.

Из-за поломки бойлера подача горячей воды на фабрику зависела от кочегаров. Хотят – подают, хотят – не подают, не заставишь.

– Есть, милые, есть! Идите мойтесь, а я вам пока чайку согрею.

– Спасибо.

Девчонки прошли на территорию фабрики: во всех цехах горел свет, его не было только в окнах бухгалтерии и отдела кадров. До конца смены оставалось минут пятнадцать, и два городских автобуса уже стояли под парами у проходной, чтобы последним рейсом развести работниц по домам.

В холодной с облупившимися зелёными стенами раздевалке стояли тёмно-коричневые шкафы, старинное, потускневшее от времени зеркало и какая-то совсем непривычная звенящая тишина. Это после утренней смены здесь не повернёшься, особенно по пятницам, когда через душевую проходят десятки женщин.

– Что, девочки, помоемся! – закрыв дверь на громоздкую железную задвижку, торопливо стаскивала одежду Света.

– Сначала проверь, есть ли горячая вода, – сомневалась Ольга Свешникова.

– Есть, Олечка, есть! – выюном выскользнув из сорочки, Света уже стояла нагишом, напоминая худощавого, длинноволосого подростка.

Другое дело Ира Андрейченко. Красотка! С её фигурой ей бы не в подшефном совхозе надрываться, а телепрограмму «Ритмическая гимнастика» вести! Смуглая, с зачёсанными назад волосами, она сладко потянулась и взглянула на себя в зеркало: хороша я, хороша.

Толкаясь и смеясь, девчонки прошли в моечное отделение, открыли горячую воду – клубы пара быстро наполнили помещение. Знакомо запахло сыростью, земляничным мылом и шампунем.

Подставляя голову под стегающий поток воды, Ольга шурилась от удовольствия:

– Обалдеть можно!

– Мочалки-то хоть взяли? – спросила Света.

– Взяли.

– Дай одну!

– Пойди ко дну...

Как только началась возня, Ирина перекрыла горячую воду и удерживала подружек под ледяным потоком. Только покрывшись гусиной кожей, девчонки взялись за мочалки, по очереди натёрли друг другу спины, вымыли шампунем волосы и с ощущением весенней легкости вышли в раздевалку.

Восемнадцатиметровая комната фабричного общежития встретила их знакомым уютом и теплом. Со стен смотрели фотографии любимых артистов: Леонида Филатова, Александра Абдулова, Андрея Миронова. Над столом красовалась выстриженная из «Огонька» фотография оскалившегося тигра – 1986 год по восточному календарю был Годом тигра.

Много разного видели стены этой комнаты – всего и не вспомнить.

До глубокой ночи здесь заслушивались магнитофонными записями «Машины времени» и мечтали попасть на её концерт. После зарплаты всякий раз примеряли принесенные спекулянтами шмотки: джинсы, кофточки, блузки, кроссовки. Тут любили читать вслух солдатские письма и подолгу рассматривать фотографии мальчиков в военной форме, таких далёких и чем-то очень похожих. А сколько здесь бушевало страстей, когда какая-нибудь юная вертихвостка, шутя, уводила чужого парня. Разговор был коротким: соперница понимала,

что ей может не поздоровиться, собирала манатки и валила на квартиру. А оставленная парнем девушка жутко напивалась и не в силах пережить обиду – резала вены или травилась уксусной эссенцией.

Самыми же яркими событиями в общежитии, конечно, были и будут свадьбы. Чаще всего они справлялись в начале лета, когда из армии возвращались долгожданные женихи. Разговоров о свадьбе хватало недели на две, а в день, когда украшенный цветными лентами свадебный кортеж подкатывал к входу, все, как по команде, высовывались из окон. Наиболее бойкие девчата шли перекрывать жениху дорогу, требуя за невесту выкуп. Но, увы, случалось и такое, что через месяц – полтора недавно сияющая от счастья молодая супруга возвращалась в общежитие одна – и тогда ей все сочувствовали и, чем могли, помогали. Разное было.

– Все, девочки, я сплю, – укладываясь спать, сказала Ольга Свешникова, повернулась к стене и закрыла глаза.

Но сон не приходил, и сквозь навалившуюся дремоту она слышала разговор подруг:

– У старшей сестры свадьба на октябрьскую наклеивается, – делилась Света.

– Поедешь?

– Естественно. Сестрёнка уже свадебное платье приготовила, фату, туфли. А кольца жених купил в Москве по справке из дворца бракосочетания.

– И где гулять собираются?

– В столовой – у жениха там бабушка работает.

– Сейчас, говорят, мода на безалкогольные свадьбы пошла. У твоих тоже безалкогольная?

– Почему безалкогольная? Обыкновенная, как у всех, – обижалась Света. – Скажешь тоже! Другая и безалкогольная хуже, чем алкогольная: зайдёшь в туалет после такой свадьбы, а там одни винные бутылки – за два дня не убрать! Моё мнение: пусть народ лучше за столами пьёт, чем возле унитаза.

На работу вышли в утреннюю смену. По девчонкам из цеха соскучились, словно год не видели! Мастер поставила всю троицу на заготовку манжет к детским рубашкам. Операция не сложная, и утомительная, попробуй весь день одним и тем же заниматься. Одуреть можно. Да и норма выработки приличная – не успеешь за смену выполнить – оставайся после работы.

По цеховому радио, заглушая стрекотание швейных машинок, зазвучала песня «Стою на полустаночке» – это электрики включили магнитофон. Теперь до обеда будут измываться как на заказ подобранными записями: «Один раз в год сады цветут», «Ромашки спрятались», «На тебе сошёлся клином белый свет», «Говорила мама мне про любовь обманную» – и дальше в том же духе. Сами электрики называют их музыкальной подборкой «Для вас, женщины!»

С неё они начинают, ею и заканчивают каждую смену. И хотя под музыку вроде бы работать веселее, от одних и тех же песен швей-мотористок тошнит, как на втором месяце беременности.

*Говорила мама мне
про любовь обманную,
но напрасно тратила слова,
я её не слушала,
затыкала уши я,
ой, мама, мама,
как же ты была права!*

Задорная песня. Озорная. С огоньком!

Сидят женщины, вглядываясь в выскакивающую из-под иголки строчку, и слушают. И совсем ещё молоденькие, после ГПТУ, и отработавшие на фабрике по десять-пятнадцать лет, и добывающие последние деньки до пенсии. Никуда не денешься! Одна только Варвара Васильевна Спивакова не слушает, потому как глухонемая. Может быть, поэтому и норму перевыполняет, и трудится уже в счёт грядущего 1989 года. Фотография Варвары Васильевны украшает районную Доску почёта. Ударник коммунистического труда, мастер «Золотые руки», Спивакова умеет работать споро и без брака, и если бы не природный недостаток, то давно бы стала бригадиром, а то и мастером. В личной жизни тоже всё благополучно: муж красавец, правда, тоже глухонемой, а вот ребенок – девочка восьми лет – нормальная, даже в школу музыкальную ходит!

За Спиваковой не угнаться. Пупок развяжется, а не догонишь.

Света снимает ногу с педали, иголка машины успевает ещё несколько раз пройтись вверх-вниз и замирает. Не лежит душа к манжетам, на «верложке» интереснее. Во время обеденного перерыва Ирина успела сбежать в общежитие:

– Девочки, новость! – в руке у неё конверт. – Ольге письмо прислали!

– Кто?

– Валдис Ошкалн!

– Это ещё кто такой?

– Ага! Забыли?! – Ира загадочно улыбнулась. – Плохи дела! Зачем тогда письма незнакомым мужчинам писать?

– Ирка! – наконец-то догадавшись, о ком идёт речь, выхватила письмо Ольга. – Давай сюда!

Месяц назад, перед отъездом в Астафьево, кто-то из девчонок привёз из Юрмалы рекламное приложение к газете «Ригас Балсс» с объявлениями службы знакомств. Изучали весь вечер, а на ночь глядя решили испытать счастье и написали письма трём кавалерам по указанным в газете адресам. И вот пришёл ответ от Валдиса Ошкална, которого выбрала Ольга.

– «Дорогая Олечка!» – читала Свешникова и тут же от себя добавляла: – Ишь, ласковый какой! «С большим удовольствием получил твоё письмо...». Почему твоё, а не ваше? Свет, смотри, как мужики нагледят! Сразу на «ты» перешёл, хотя мы с ним ни на брудершафт не пили, ни свиней вместе не пасли! «И если нам удастся встретиться – буду очень рад познакомиться. Ты пишешь, что работаешь на швейной фабрике и живёшь в общежитии. Это хорошо, в нашем городе тоже есть швейная фабрика, и ты сможешь работать по специальности...». Во даёт! С первых строк хомут на шею! Лучше бы написал, где сам-то работает! Ага, вот: «Я работаю монтером по обслуживанию линий связи, получаю 180 – 200 рублей в месяц. Живу вдвоём с мамой, учительницей начальных классов. У нас свой дом с паровым отоплением, приусадебный участок двадцать соток и сад. В свободное время я занимаюсь спортом, выступаю за местную сборную по городкам...»

– Ольга тебе повезло! Не жених, а находка – монтер-гороδοшник!

– Да ещё с паровым отоплением! Такие женихи на дороге не валяются!

– Ладно, не мешайте! – продолжала читать Свешникова. «Дорогая Олечка! В своём письме ты очень мало написала о себе. Симпатичная – это, конечно, хорошо, но лучше пришли фотографию!» Сейчас прямо побегу фотографироваться! «Мне пришлось сто шестьдесят два письма, и тебе трудно представить, сколько времени приходится тратить, чтобы их прочитать, но твоё письмо взволновало

меня больше других. С нетерпением жду твою фотографию. С уважением, Валдис Ошкалн».

– Оригинал! – рассмеялась Ирина.

– Нам и такие не ответили!

– Шустрая ты, Ирка! Валдису сто шестьдесят два письма прислали, а нашим, может, в три раза больше – пока они их прочитают! Так что не теряй надежды!

Придя с работы, девчонки, не сговариваясь, завалились спать. Утренняя смена давала себя знать, и если не прикорнуть, не сбить дремоту, то весь день пойдет насмарку. Проснулись дружно, словно по будильнику, и сразу стали собираться в клуб швейников на французский фильм «Ночные воришки». Но Люда Селезнёва из 216-й комнаты поделилась, что в ракетном училище сегодня вечер танцев!

«Ракетчики – это судьба! – решили девчонки. – Замуж возьмут – командиршами станем!»

Комната заходила ходуном. Платья из одёжного шкафа полетели на кровати. На спинках стульев повисли блузки, юбки, колготки. Утюг был нарасхват, как первый парень на деревне! Из косметичек сыпалась на стол всевозможные тюбики губной помады, пудреницы, тушь для ресниц. Наряжались так старательно, словно собирались замуж. Сначала каждая из девчонок перемеряла свои собственные наряды, потом Ольга попробовала натянуть джинсовый костюм Ирины, а Ирина – кофточку Ольги. Не подошло! Тогда, как две бесприданницы набросились на красное платье с вырезом-декольте, что купила Светка – примеряли все по очереди.

В комнате воцарился бедлам. На полу валялись раскрытые чемоданы, кассетный магнитофон, пустые бутылки из-под кефира, обувные коробки. Дверь на запоре. Светка, длинная, сухопарая, скачет в одной юбке, без лифчика – всё-то ей не так. Уже в который раз, плюхнувшись на кровать, она отчаянно всхлипывает:

– Боже мой! Доработались до того, что одеть нечего! Одно старьё! – И сидит, смотрит грустными глазами на подруг, потом резко вскакивает, как ужаленная, к шифоньеру и вытаскивает давно забытую кофточку.

Задача не из лёгких, но сегодня они должны быть одеты лучше всех! Моднее всех! И они будут самыми нарядными и самыми модными! Иначе будущие офицеры-ракетчики их просто не заметят. Но всё в меру! Никаких излишеств! Скромность всегда украшала

советских девушек! Хотя если слишком скромничать – примут за дуручек. Вот и выбирай.

Но что же одеть? Что обуть? Чем сразить маменькиных сынков? Ведь вечер в ракетном училище – не какая-нибудь «тискотека», здесь серьёзные молодые люди высматривают невест! Всегда есть шанс стать офицерской женой. А это уже не деревенские печки-лавочки, а большие города и красивая жизнь. Главное – к общежитию курсантов не водить, узнают, что «общажные» – и поминай, как звали! Лучше у чужого подъезда попрощаться. Вот, мол, и пришли. Спасибо. До свидания! И никаких поцелуев в первый вечер, если собираешься замуж.

Во время бесконечной примерки вещей среди них вдруг объявлялось что-то забытое, ненужное, и тогда у девчонок начиналось веселье. Вытащив из шифоньера беленькую водолазку, Ольга надела её на голое тело, повесила на шею какие-то бусы и в натянутой до глаз вязаной шапке встала у двери:

– Я готова! – кричала она. – Кто куда, а я к курсантам!

От смеха Ирка со Светкой валились на пол. А Ольга уже изображала чукчу, танцующего брейк. Одно её безумство сменялось другим. Третьим. Четвёртым. И у девчонок уже не оставалось сил смеяться.

В комнату стучали. Входила Люда Селезнёва, уже накрашенная, завитая – когда только успела? Но ей тоже нечего было надеть, и она хваталась за Светкино джинсовое платье – обалдеть! Затем все вместе, как сорвавшиеся с привязи тёлки, они неслись в 216 комнату. Ирка возвращалась в платье, от которого курсанты должны были упасть и не встать! Людка умела одеваться! Время поджимало. Девчонки торопились. Но даже, когда все были одеты и обуты, вдруг выяснялось, что Светке жмёт ноги в чужих туфлях. Комната снова превращалась в примсрочную. И только спустя полчаса, усталые и измученные, словно на них возили воду, девчонки отправлялись в училище.

– Куда? – спрашивал прапорщик, чем-то напоминающий перезрелый стручок гороха.

– На танцы! – за всех отвечала Люда. – Разве нельзя?

– Можно, но только по приглашениям. – Прапорщик принохивался, не пахнет ли от девчонок вином. – У вас есть приглашения?

Казалось, ещё минута – и их выставят на улицу. Но девчонкам уже махали ребята в курсантской форме:

– Товарищ прапорщик, это наши девушки!

– Пропустите их! Мы просто не успели передать приглашения!

Прапорщик что-то бубнит себе под нос, но девчонок пропускает. Курсанты тащат их в клуб, где оркестр уже играет вальс. Девчонки кружатся со своими ещё неизвестными кавалерами. С первого взгляда курсанты похожи друг на друга, как игрушечные солдатики. Все в парадной форме, стройные, подтянутые. Они шутят, договариваются с девчонками о встрече, пытаются раздобыть их домашние телефоны. А у тех от танцев уже гудят ноги. Через час им хочется где-нибудь присесть. Через два – «попудрить носик», но где здесь женский туалет и есть ли он вообще – никто не знает.

Из клуба девчонки выходят довольные. Всё получилось, их провожают два симпатичных курсанта. Они идут через весь город пешком. Парни держатся от девчонок на комсомольском расстоянии. Но после того как Людка, не подумав, брякнула, что если на вахте дежурит Замчалиха, то до неё будет не достучаться, моментально осмелели. Стали хватать Ольгу с Ирой за руки и зачем-то тащить на набережную.

Но не на тех нарвались! Дойдя до общежития, девчонки тут же улизнули от навязчивых кавалеров, а хорошо знающая своё дело Замчалиха мгновенно защелкнула дверь на засов. Уйдя по-английски, подружки, не зажигая свет, кинулись к окну смотреть, как их провожатые потопали в училище. Нашли дурочек!

В первом часу ночи девчонки затеяли грандиозное чаепитие, с вареньем и ватрушками, что купили в столовой. А когда с ватрушками и вареньем было покончено, а спать ещё не хотелось, лежа на кроватях, негромко запели: «Не надо печалиться – вся жизнь впереди, вся жизнь впереди, надейся и жди!»

1986

НА ИЗЛОМЕ

Складная, в чёрном кожаном пальто смуглолицая хохлушка – Женька видела её торговавшей в рядах семечками – с солдатской неутомимостью стучала сапогом в дверь. Стекло дребезжало, но железный засов держал крепко. Пускать её не имело смысла: стрелки часов перевалили за четверть шестого, а кафе работало до пяти.

Женька с завидным спокойствием подводила помадой губы. Она привыкла, что после закрытия кафе торговцы ещё долго прутся на запах еды, как голодающие Поволжья. Отстояв весь день за прилавком, ребята из Средней Азии и Кавказа лишь под вечер понимают, что надо бы перекусить. И табличка «закрито» на дверях их раздражает, как быков красная тряпка. Но не всех. Уважающие себя горцы и близко к кафе не подойдут – им ресторан подавай. «Северный край» или «Прибой». Торговцы попроще, приехавшие на рынок с бочками солёных огурцов или матрасами семечек, могут нагряться в любой момент. Им всё равно, что обедать, что ужинать, лишь бы подешевле да посытнее. Народ ресторанами не избалованный – может в кафе и со своим хлебом завалиться. Простота – хуже воровства. Живут такие торгаши обычно в Доме крестьянина, что в двух шагах от рынка. И если есть покупатели, то пусть лопнет мочевого пузырь, а из-за прилавка не вылезут.

Женька неспешно обула сапоги, с трепетом застегнула вшитую недавно новую молнию, поправила перед зеркалом волосы, надела пальто. Барабанный бой за дверью не прекращался. Наоборот, только нарастал. «Что за люди такие непонятливые?» – подумала Женька и раздраженно, словно ей отдалили в автобусе на ногу, открыла дверь.

– Неужели не видите, что закрыто?! – машинально бросила она. Кафе работает до пяти, а время уже шестой час.

– Милая, мне только булку хлеба и пару яиц, – запричитали хохлушка. Пальто у неё расстегнулось, затасканный мохеровый шарф, повязанный вместо шапки, сполз на шею.

«А она моих лет», – прикинула Женька, ужаснувшись тому, что сделала с женщиной жизнь, состарив на десяток лишних годков.

Сердце подсказывало пустить бедолагу, но разум сопротивлялся почему из-за чужой тётки она должна задерживаться? Ей ещё надо заскочить в магазин за молоком, а потом сломя голову мчаться в детский сад и выдержать очередной поединок с воспитательницей, которая уже наверняка напоминает приготовившуюся к броске кобру. Пока Ленка одевается, нужно будет что-то говорить, оправдываться.

заискивать. А кобра неподвижно встанет в дверях, выжидая удобного момента, чтобы куснуть.

– Вы, мамочка, не первый раз задерживаетесь, постарайтесь в следующий раз взять ребенка пораньше! – сквозь зубы скажет она.

Скажет, словно другим словам, кроме «мамочка», её в педагогическом училище никогда не учили. Нашла мамочку! Для Женьки это как нож к горлу.

А тут ещё эта хохлушка. Простояла весь день у мешка с семечками, а теперь булку хлеба просит, как при карточной системе.

– Ну что вам стоит? – канючит посетительница.

– Ладно, давайте деньги, – сдаётся Женька, успокаивая себя тем, что уступает последний раз в жизни.

– Держи, милая. – Руки у женщины, как у всех торговцев семечками, грязные, невымытые, под ногтями чернота, лицо смуглое, загорелое, густые брови почти срослись на переносице, рот сверкает золотыми коронками – Значит, парочку яичек и булку.

– Пирожки есть с капустой, – добреет Женька.

Она всегда так, когда с ней по-хорошему. Пять минут назад была, словно крутой кипяток, и вот уже спокойная, как скала.

– Давай, милая, всё, что есть. С голоду и хлебная крошка слаще пирога! – заискивающе улыбается хохлушка. И тут же начинает жаловаться на жизнь. – Никаких условий в городе нет: ни гостиницы путной при рынке, ни буфета круглосуточного, одна грязь да сквозняки. Народ жадный, всё норовит как бы чего задарма хапнуть. И так по всей России-матушке: куда ни ткнись – везде бардак.

На мгновение Женька представляет себя на месте хохлушки. Сделать это не трудно. Она знает, что торговки живут в Доме крестьянина, который был сооружен ещё в прошлом веке и сейчас представляет собой что-то среднее между казармой и конюшней: тесные сырые клетушки с устойчивым запахом плесени, а из уборных за версту несёт хлоркой.

Поэтому торговки семечками ночуют в Доме крестьянина лишь тогда, когда нет мест в комнате матери и ребенка на железнодорожном вокзале. Но находятся и такие, кто, прикинувшись отъезжающими, ночуют на скамейках в зале ожидания. Скрючившись в три погибели, продавщицы семечек искоса поглядывают на прогуливающегося по вокзалу милиционера. Суровый с виду старшина никого не прогоняет, не требует показывать билеты, лишь иногда от скуки свернёт конфетный фантик в комок и бросит какой-нибудь тётке в разинутый, как у бегемота рот. Да ещё крикнет: «Хватай мешки, вокзал тронулся!»

И та, жуя бумажную обёртку, интуитивно схватится за свои баулы, словно их и в самом деле могут украсть.

Женька предложила посетительнице тарелку щей. Торговка не отказалась. Ела с аппетитом, звучно хлебая квашеную капусту. Кормили в кафе неважно. Зная про махинации повара с левым мясом, из которого тот лепил котлеты, Женька брезговала питаться на работе. А посетители их ели с удовольствием и ещё писали благодарности за вкусно приготовленные блюда и культурное обслуживание.

Чтобы не стеснять хохлушку, Женька ушла на кухню, а когда вернулась, той уже и след простыл. На обсыпанном хлебными крошками столе стояла пустая тарелка. Посетители кафе не отличались большой аккуратностью, некоторые вообще ели, как свиньи. И если в первый год работы Женьку начинало тошнить, когда она видела, как старики вытаскивают изо рта пластмассовые протезы, протирают носовым платком и вставляют обратно, то со временем привыкла и не к такому.

Тщательно вытирая стол, Женька заметила на подоконнике замызганную тряпичную сумку. Наверное, посетительница забыла, подумала она. Брезгливо взяла находку двумя пальцами и, присматривая место, куда бы бросить, вздрогнула, увидев, как из неё посыпались мятые рубли, трёшки и пятерки. В сумке было 329 рублей 65 копеек. Деньги немалые! Считай, её двухмесячная зарплата. Не теряя времени, Женька отправилась на поиски хохлушки, чтобы вернуть находку.

Кафе уютилось в конце овощного павильона, вплитрку с аптечным киоском, где, по словам девчонки-продавщицы, самым ходовым товаром были изделия №2 Баковской фабрики резиновых изделий, которыми торговцы с Кавказа затаривались утром, днём и вечером.

Что скрывалось под изделиями №1 этой фабрики оставалось секретом Миннефтехимпрома СССР. Детские соски, противогазы или костюмы противохимической защиты — никто не знал. Но, как смеялись покупатели законспирированных таким образом презервативов, изделием №1 и было как раз то, на что надевалось изделие №2.

По соседству, на облицованных кафельной плиткой прилавках местные женщины торговали репчатым луком, капустой и морковью. Цены на лук, несмотря на ноябрь, ещё не подскочили до заоблачных высот, а вот капуста уже подорожала вдвое. Крепенькие, изумительно бьющие в нос запахом чеснока солёные огурцы тоже давно шли по дну

пятьдесят за килограмм. От них аппетитно щипало ноздри, а во рту собиралась слюна.

Женька задержалась возле прилавка, и тётка, торговавшая огурцами, как своей давней знакомой, приветливо улыбнулась ей:

– Не проходите мимо, попробуйте! – нахваливала она свой товар, – Пальчики откусите! И для рассольника в самый раз. Берите, берите – я вас задаром угощаю.

– Да что вы, я заплачу, – для приличия возмутилась Женька, но пакетик с огурцами взяла. Дают – бери, а бьют – беги. У торговки не убудет, а ей – не покупай. Угощают, значит, уважают.

Женька пошла на выход. Прилавки с фруктами её не интересовали, не любила она привлекать к себе внимание посланцев южных республик. Проходя мимо кавказцев, она чувствовала себя настолько неловко, словно у неё лопнула резинка трусов. Парни молодые, красивые, за словом в карман не лезут, а взглядом припечатывают, как футбольным мячом. Из сарафанного радио они знают, что Женька без мужа воспитывает дочь. А для них это клад! Торговцы с рынка всегда предпочитали женщин из общепита.

Навязчивее всех себя ведёт Алиджан Каримов, жгучий брюнет тридцати неполных лет, Алик – как называют его приятели. У них тут все Алики. Как увидит Женьку, глаза заблестят, как у мартовского кота, и сам весь засияет, словно царский червонец. Лепечет всякую чушь, слушать стыдно:

– Иди сюда! Иди! Хочешь скажу, чего Алиджан больше всего в жизни любит? Красивых дэвушек! Зачем мимо проходишь, принцесса?

Нашёл принцессу. Это после восьмичасового-то рабочего дня, когда не только ноги, а всё тело гудит, как провода высоковольтной электролинии! Хотя если подкраситься, ещё есть на что посмотреть. Не принцесса, конечно. Но всё в порядке: лицо, фигура, ножки – не стыдно короткую юбку надеть.

Вот и Алик. Перед ним лотки из отборных яблок и мандаринов – всё по «пят рублей». Сам сидит на ящиках, как восточный купец, на пальце золотая печатка, а воротник курточки затерт до неприличия. Мандариновый король! Взгляд такой прилипчивый, что дома Женьке сразу же хочется принять душ.

– Вай-вай-вай, красавица! Неужели так и пройдёшь мимо? – кричит он Женьке, и стоящие рядом собратья поворачивают головы в её сторону. – Возьми дочке яблок, мандаринов возьми! Всё, что

хочешь, возьми, да! Для тебя, принцесса, ничего не жалко. Люблю маленьких детей, у которых мамы молодые!

Хорош гусь: у самого, говорят, в ауле трое ребятишек, а всё в женихи набивается. Не на ту попал. За пять лет работы в кафе Женька ещё ни с одним кавказцем не связалась, а какие парни набивались высокие, красивые, не чета этому маломерку.

В городе хватает девок, падких на торговцев с рынка. Парни денежные, щедрые, не то что местные. Но Женьке, как образно выражается её давняя подруга Люська Солдатова, чернота не по нутру! И ни яблоч, ни мандаринов, ни арбузов она брать у них не намерена. Змей-искуситель, как известно, Еву тоже яблоком купил, а потом они с Адамом вылетели из рая. Так и тут: сначала яблочком угостят, а потом в гости завалятся – не выгонишь!

Интересно, кто же Алиджану про дочку рассказал? Не иначе как директор рынка Семён Аронович Градин, старый развратник. Он и к Женьке, увидев её в кафе, пытался клеиться, но обломилось! Злопамятный человек, мстительный. Не первый раз уже наговаривает на Женьку всякую чушь. Месяц назад Равилю Абазаряну, прикатившему из Ленинакана с тонной винограда, на просьбу познакомить его с покладистой бабёнкой, тоже на Женьку намекал.

Прокол тогда у товарища Абазаряна вышел – не всё за день можно купить. Хотя он не очень-то и расстроился. Вон сидит, счастливый, в обнимку с двумя «кульками» – девицами из культпросветучилища. Машка Луноход и Ольга Губа, как их тут окрестили, – местная достопримечательность, вроде музея-заповедника. Днюют и ночуют на рынке. Машка, говорят, уже сифилисом успела переболеть. А рыженькой с кукольным личиком Ольге за её усердие кто-то над верхней губой мушку выколол. Одеты девчонки неважно – в простеньких курточках, колготках, но выглядят ещё сносно. Кавказцы клюют на них, как петухи на курочек. Года на полтора разгульной жизни девчонок, может, и хватит, а дальше пойдут бесконечные походы по врачам. Судьба незавидная. Вроде Вальки Грибковой, что в веселой трудится. По молодости лет она тоже любительницей острых ощущений была, ничего не боялась. А как нарвалась на откинувшегося с зоны хронического сифилитика – из больницы не вылезает. На курорт ездила в Эссентуки, грязями лечилась, но, видно, теперь всю оставшуюся жизнь будет на аптеку работать.

Только Женька вышла из павильона, как её окружили цыганки, неряшливые, в пестрых платках и длинных юбках. Прямо целый табор. Вчера приехали, ещё как следует, не осмотрелись, а потому и не

знают, что Женька здесь работает, принимают за обыкновенную покупательницу.

– Падажди, красавица, что скажу, – пристала к ней высокая чернобровая цыганка. – Всё вижу, милая, все печали твои и сомнения! Падажди, послушай правду, палажи самую маленькую манетку на счастье. Хороший совет дам...

Женька никогда с цыганками не связывалась – ни сапог, ни косметики у них не покупала, даже если приносили прямо в кафе, где вероятность обмана была минимальной.

– Да отстань ты! – отмахнулась она от цыганки. – Работать надо.

– Ой, зря ты, красавица так говоришь! – не отставала молодуха. – Зря, милая, обижаешь. Беда у тебя в глазах стоит, сердцем чувствую, большая беда! Адумайся, пазалати ручку!..

Женька не слушала, проскочила мимо кооперативной студии звукозаписи, откуда доносился знакомый голос Вилли Токарева, свернула к будке «Ремонт ключей», за которой обычно стояли торговки семечками. Но хохлушки в кожаном пальто не нашла.

Вечером позвонила Люська Солдатова:

– Евгения, ты? – гудел в трубке её прокуренный голос. – Поговорить бы надо!

– Говори! Случилось что?

– Случилось, подруга, – интриговала Люська. – Но это не телефонный разговор, подъезжай ко мне! До встречи.

– До встречи, – Женька растерянно положила трубку на аппарат. Вот ещё новости. Не могла по телефону сказать. Тащись теперь к ней через весь город.

С Люськой они подруги давние. Вместе поступали в училище, вместе ходили на танцы в Дом офицеров, где и встретили своих женихов – славненьких молоденьких лейтенантиков. Свадебных застолий, увы, не было. Скромненько отметили бракосочетание вчетвером в ресторане и уже приготовились было разделить нелегкую судьбу своих мужей. Но через два дня у Сергея, Люськиного мужа, приехала из Краснодара мама – директор областной филармонии, и никак молодая сноха не могла ей потрафить-угодить. Пришлось разводиться.

Женьке повезло больше. У её Вадика родители оказались попроще: мать – телятница в совхозе, отец – тракторист. Выбор сына они одобрили, сноху полюбили, и вскоре Женька родила дочь. И всё бы хорошо, но Вадика бросили служить в Казахстан, сначала в

Кустанай, а как только они немного обжились, в небольшой военный город под Джезказганом.

Первое время Женька старалась везде и всюду быть рядом с мужем. Тихий с виду Вадик был большим бабником, не пропускал ни одной юбки. И, устав от его художеств, Женька вернулась к матери. Пусть шляется. Чёрного кобеля не отмоешь до бела. Через год они развелись, а вскоре Вадика попёрли из армии. Не получилось из неё командирши, но она не жалеет об этом – ведь у неё есть Ленка.

У Люськи никого. Но в отличие от Женьки, работающей в кафе «Колос», подруга трудится в закрытой столовой агропромышленного объединения. Обслуживание там попримичнее, чем в привокзальном ресторане: столики застелены белыми скатертями, в вазочках – живые цветы, салфетки, меню, музыка играет. Обычного прохожего с улицы близко не подпустят. На входе вахтер, опытным взглядом отсекающий случайных посетителей. Даже на Женьку, навещающую подружку, он смотрит как на врага народа. До пенсии, говорят, охранником в колонии работал. Привык, что шаг влево, шаг вправо считается побегом, прыжок на месте – провокацией, конвой стреляет без предупреждения.

По вечерам подруги ходят в кино. Под настроение, если Люська заведётся – в ресторан. Театры и концертные залы не для них: там, пока слушаешь какой-нибудь концерт для скрипки с оркестром, три раза выспаться можно. Правда, в ресторане Женьке тоже не по душе. Придёшь, словно на смотрины. Мужичьё тебя так и раздевает голодными глазами. А горячее подадут, так какой-нибудь залётный ловелас обязательно танцевать пригласит. И смех и грех. Люська же, пронира, чувствует себя в кабаках, как рыба в воде. Узнает о приехавших в объединение иногородних мужичках – и давай их охмурять: «А какие у вас планы на вечер? А не хотите ли вы наш замечательный город посмотреть? У меня и подруга есть Евгения просто красавица».

Люська – девка видная, крутая, губки бантиком, брови вразлет цену себе знает. Два раза бедрами качнет – и командированный на крючке. Слово за слово – выясняется, что у того приятель есть, живущий в одном номере. А у приятеля день рождения. У них всегда «дни рождения». Так почему бы его не отметить в хорошей компании? Почему бы не ударить весёлым застольем по одиночеству и серой скуке? И вот уже Женька просит мать, чтобы вечером с Ленкой посидела.

Но Люськин звонок выбил Женьку из равновесия: думай теперь, что хочешь. Может, подруга подцепила кого? Так об этом можно было и по телефону открытым текстом сказать. Устроила конспирацию, Мата Хари чертова.

Женька отвезла Ленку к матери и стала собираться на предстоящее randevu. Приняла душ, одела чистое нижнее бельё – мало ли во что вечер выльется. Черный кружевной лифчик, купленный у местных фарцовщиков, пришёлся кстати. Умеют на Западе делать вещи – надевать приятно. Джинсы «Голден стар» ей привёз знакомый врач, ездивший на международный симпозиум в Данию. Расщедрился. А джинсовый костюм «Монтана» она купила сама в коммиссионке, отвалив баснословную сумму. Но в этом костюме она сразу скидывала лет пять, и больше походила на ведущую телепередачи «До 16 и старше», чем на работницу кафе «Колос». А вот чрезмерный макияж её старил, видно, она что-то перебарщивала с тональным кремом и тушью для ресниц. Так и порхала она между девятнадцатью и двадцатью шестью, в зависимости от настроения. За своей внешностью Женька следила, не ленилась делать по утрам по сто приседаний, а потом, лёжа на полу, поднимала ноги до двухсот раз. Но как ни приседай, до телевизионных див, вроде гимнастки Светланы Рожновой, ей было далеко.

Женька поправила на шее золотую цепочку с маленьким кулончиком в виде сердечка, помазала за ушами духами, состроила себе в зеркало рожу и, словно пушинка, вылетела на улицу. Довольная собой, она хотела остановить такси. Это у неё получалось очень эффектно – не было случая, чтобы машина с шашечками не тормознула на её вскинутую руку. Но, прикинув, что её поступка никто не увидит и не оценит, даже Люська Солдатова, живущая в доме, возле которого не развернуться ни одной машине, Женька решила, что бросаться тройками нет оснований.

В троллейбус она не вошла – её внесли, столько было на остановке народу. Острые локти и крепкие плечи чувствовались со всех сторон, да ещё сзади, вжимаясь тазобедренной частью, напирал гражданин предпенсионного возраста. Женька хотела повернуться к нему боком, но её зажали, словно в тисках. Так и стояла она, не шевелясь, до своей остановки.

Люська расхаживала по квартире в домашнем халате. Растрепанная, заспанная, словно с бодуна, она явно никуда не собиралась. Зачем же тогда звала? Женька ждала объяснений.

– Ты куда вырядилась-то? – набросилась на неё подруга.

– Сама же позвонила, – Женька стояла в прихожей, не разуваясь, готовая в любой момент развернуться и уйти. Люська была в плохом настроении. С ней частенько такое случалось, и Женька знала, что лучше её не нервировать, сама всё расскажет.

– «Позвонила...», – передразнила Солдатов. – А как не позвонить? На вот почитай! – Она сунула Женьке под нос бумажку из кожно-венерологического диспансера. – Доподцеплялись молодых да весёлых! Я ещё когда первый раз твоего Сергея увидела, сразу поняла, что этот товарищ прошёл огонь и воду! Скользящая рыбина, слова лишнего не скажет. Чего молчишь?..

– А что говорить?

– А то, что он триппером нас наградил, минтай долбанный... Через него в вендиспансер вызывают, у меня сердце чувствует.

– Я не пойму: ты-то тут причём? – удивилась Женька. – Сергей вроде со мной был, а с тобой Константин Георгиевич? Или ты на дни фронта успевала работать?

– Представь себе!

Но представить это было не просто. Женьке захотелось хлопнуть дверью так, чтобы в коридоре посыпалась штукатурка, и уйти. Люська была ей отвратительна, особенно мерзкой казалась её бородавка на щеке. Но Женька решила довести разговор до конца.

Не любила она эти надуманные «дни рождения» и нетрезвые «объяснения в любви». Но Сергей ей понравился. Он был не такой развязный, как другие «новорожденные», привыкшие в одной руке держать стакан, а другой лапоть под столом за коленки. Пил мало, целоваться в ресторане не лез, по дороге цветы купил. Внимательный, открытый, интеллигентный. Главный инженер отдела капитального строительства соседнего района. Месяц спустя они ходили с ним в театр на «Чио-Чио-Сан». А на октябрьские праздники Сергей ей поздравительную открытку прислал... Может, Люська разыгрывает её?

– Говоришь, заразил, но почему я ничего не чувствую? Должны же быть какие-то симптомы? – спросила Женька.

– Симптомов захотела?! – словно психически больная заорала Люська. – Когда появятся симптомы, тогда уже поздно будет! Сгниешь, и пикнуть не успеешь.

Но гнить в прямом и переносном смысле слова Женька не собиралась. Пусть Люська одна гниёт, а ей надо Ленку поднимать! Трезво оценив ситуацию, Женька решила действовать и, как только покинула квартиру подруги, первым делом позвонила врачу, с которым познакомилась в прошлом году на юге.

Тридцатилетний хирург-уролог после окончания ординатуры успел поработать в Бразилии, часто бывал за границей и имел в городе репутацию высококлассного специалиста. Его супруга, Жанна Иосифовна, тоже была медиком, но после института пошла по административной части и сейчас заведовала поликлиникой. Деловая, вечно занятая, не ко времени располневшая, она стыдливо прикрывала длинной юбкой ноги с варикозным расширением вен и больше беспокоилась о дальнейшей карьере, нежели о муже. Именно в таких ситуациях мужчины и обзаваются любовницами.

Юрий Альбертович был малый не промах. Не раз для того, чтобы снять номер в гостинице Новороссийска, где Женька отдыхала вместе с доктором, она превращалась в Жанну Иосифовну и предъявляла её паспорт. Женька была надежной любовницей, и доктор это ценил.

– Алло! Это квартира Орловых? Юрий Альбертович? – осторожно выпытывала Женька. – Здравствуйте! Это вас Евгения беспокоит. Какая Евгения? Самая обыкновенная: две руки, две ноги и голова. Если требуются подробности, то можно вспомнить Новороссийск, гостиницу в центре города и девушку с рыжими волосами! Вспомнили? Вот и отлично...

Доктор встречал её возле своего дома. Поджарый, в спортивном костюме и кроссовках, он вышел, словно на пробежку, а сам так и стрелял глазами по сторонам. Женьку он сразу не признал, слишком яркой она была в своём джинсовом костюме. И тогда она подошла к нему вплотную:

– Добрый вечер, Юрий Альбертович!

– Господи, Евгения! А ведь я, честно признаться, тебя не узнал – богатой будешь. – Он выразительно посмотрел ей в глаза. – Жанна укатила в столицу, раньше субботы не вернется...

В квартире он достал из бара бутылку коньяка. Как всегда, «Белый аист». Порезал лимон, развернул плитку шоколада.

– Давай по чуть-чуть. За встречу! Только не стесняйся, будь как дома, а то сидишь, словно на Ярославском вокзале. – Доктор включил музыку.

– Я ведь по делу пришла, посоветоваться, – заговорила Женька, покручивая в руке хрустальную рюмку.

– Давай посоветуйся – не зря в стране Советов живём, – улыбнулся доктор и притянул Женьку к себе, но она оттолкнула его.

– Я не за этим.

– А за чем? – почти пропел он, сгребая гостью в свои объятия.

– Триппер подцепила...

– Фу, как грубо! – возмутился хирург-уролог. – Заболевание, вызываемое гонококком Нейссера, будет тебе известно, называется гонореей.

– Вот именно, – злилась Женька на своего просветителя. Требуется помощь.

– А что я с этого буду иметь? – Юрий Альбертович продолжал заваливать Женьку на софу, и тогда она догадалась, чего он хочет.

– Но я же больная...

– Гонорея оральным путем редко передается, – изрек доктор. – Но для надежности мы воспользуемся презервативом.

– Я пришла посоветоваться, а не слушать лекции сексуально озабоченного извращенца, – направляясь к выходу, бросила Женька.

– Это кто же, по-твоему, здесь сексуально озабоченный извращенец? – покраснел доктор. – Да если на то пошло, то твои мандариновые кавалеры с рынка в этой науке поднаторели побольше меня!

Ночью Женьке снились кошмары: за какую-то провинность её выставляли нагой в овощном павильоне. Среди мешков с луком и морковью. Она упиралась, царапалась, плакала, но её все равно вытащили в самый центр, где торговал мерзкий, красноглазый армянин, которого она однажды видела на рынке, и тот под всеобщее ликование вонзил ей в шею шприц и стал выкачивать кровь...

Полистав утром сонник, она прочитала, что рана с кровью снится к потере любовника, а нагота – к болезни. Круг замыкался. Любовники она уже потеряла. Болезнь подцепила. Вдобавок ко всему вспомнилось ещё предсказание цыганки – и стало совсем тоскливо.

С утра, прежде чем зайти в кафе, Женька обошла торговцев семечками. Она хотела поскорее вернуть хохлушке деньги, которые, как видно, излучали какое-то несчастье, но той, как назло, нигде не было.

Возле будки «Ремонт ключей» Женька прислушалась к разговору сидящих на ящиках бомжей, которые как ей показалось, искоса поглядывали на неё.

– Сигаретку дай, – шепеляво тянул один.

– У меня только «Север».

– Давай! Кто не курит «Северок», тот подхватит трипперок.

Женька покраснела, словно бомжи говорили про неё.

Решение пришло неожиданное и простое. Алиджан Каримов наверняка должен разбираться в таких делах. Хоть и неудобно подходить к нему с подобным вопросом, но больше не к кому. И Женька пошла к кавказцу.

– Алик, можно тебя на минутку?

– Хотя на всю ночь, принцесса, – обрадовался тот. – Слюшаю. В чём дело?

– У меня очень интимный вопрос, – смущенно начала Женька, чувствуя, как становится на рынке объектом номер один. – Подружка у меня есть... Так вот она птичью болезнь подхватила... Три пера называется.

– Французский насморк, что ли? – оскалился Алиджан. – Пусть трёт к носу – всё пройдет, да. А, если серьёзно, то были бы деньги, как говорил мой отец, а лекарства всегда купить можно. Пусть приходит с сотенной... Я знаю одного ветеринара – лечит уколами на дому. Две недели – и никаких последствий... Кстати он и аборт делает.

– Так ведь она не кобыла!

– Ладно. Не хочешь к ветеринару – у меня знакомый студент-гинеколог есть, но он раз в пять дороже берет, у него кооператив.

– Откуда у нас такие деньги? – проговорила Женька. А слово – не воробей, вылетит – не поймаешь! Алиджан довольно заулыбался:

– Я дам, если надо.

– Да я не о себе пекусь, – смутилась Женька, поняв, что сказала лишнего. – О Люське Солдатовой, может, знаешь?

– Кто не знает эту заразу? Её не то, что лечить, убивать пора. В агропромовской столовой работает, сучка. Наши ребята ей уже не раз морду били. Ну и подруги у тебя!

До перерыва на обед Женька ходила сама не своя. Всё никак не могла повернуть в голове мысль о свалившейся на неё болезни. Но вот, примостив на стеклянной двери вывеску «Закрыто», посудомойка Клава Руль, прозванная так из-за своего несуразно длинного носа, всунула в ручку двери швабру, чтобы снаружи было не открыть. Осторожно ступая своими больными, распухшими ногами, вылезла из-за кассового аппарата Валентина Григорьевна, наложила себе полную тарелку рассольника и медленно, как гусеница, поползла к столу. Шеф-повар есть рассольник, как всегда, побрезговал – достал из котла куриную ножку. И только Клава Руль, тихая пятидесятилетняя алкоголичка, в ожидании особого приглашения за стол не села. У неё и сын такой же спившийся – Вовочка. Сейчас в ЛТП, и Клава постоянно намекает Женьке, что она может составить ему хорошую пару.

– Он ведь у меня золото! – частенько говорила она, пропустив пару флаконов боярышника. – Тихий, скромный, мухи не обидит... А как на баяне в детстве играл! Думала, музыкантом станет.

– У меня свой такой музыкант был, – смеялась Женька. – Едва избавилась...

– Вовка не такой, – уговаривала Клава, – ты ведь ещё даже не видела его, а уже бракуешь.

Такие разговоры происходили почти что ежедневно, нравилась Клаве Женька. Но сегодня чувствовалось какое-то отчуждение даже со стороны добродушной поклонницы боярышника. Все уткнулись в свои тарелки и жуют, слова никто не скажет.

– Умер, что ли, кто? – спросила Женька.

– Тебя надо спросить, – подала голос Валентина Георгиевна. – Подружка твоя закадычная приходила, Люська. Тебя спрашивала...

– Ах вот оно что. Из-за этого вы и в молчанку решили поиграть. И что же вам эта шалава рассказала?

– Много разного...

Выходило, что на работе уже были в курсе случившегося. Не хватало только, чтобы разговоры о болезни добрались до матери или до детсада, куда ходит Ленка.

Вечером к ней домой явился Алиджан:

– Бери три сотни и вперёд, к доктору, – с порога заговорил он. Такси внизу, у подъезда.

Женька не успела даже сообразить, через кого он узнал её адрес, кинулась одеваться, но вспомнила, что у неё нет этих самых трех сотен.

– Займи, – подсказал Алиджан.

– У кого?

– У меня, – подмигнул он, – потом рассчитаемся.

В понятие «рассчитаемся» он вкладывал определенный смысл. И взять у него деньги означало стать зависимой не только от Алиджана, а и от всех его земляков, которые станут передавать её друг другу, словно купленную вещь. Пустить в дело лежащие в сумке деньги хохлушки Женька тоже не решалась.

– Я ведь забыла тебе сказать, что уже была в вендиспансере, соврала она, чтобы выпроводить непрошеного гостя.

– Наше дело предложить – ваше дело отказаться, – бросил Алиджан и ушёл.

Женьку охватила истерика. «Дура! Набитая дура! – твердила она размазывая по лицу слезы. – Доигралась! Не зря говорят, что как верёвочка не вьётся, а кончик всё равно найдётся!»

Она всхлипывала, до боли сжимала виски, кусала губы. Ей не спалось. Она не знала, куда кинуться. Ещё неделю назад она сочинила объявление в службу знакомств: «Молодая женщина спортивного телосложения и приятной внешности, хорошая хозяйка и любящая мама пятилетней дочери, хочет познакомиться с мужчиной не старше

тридцати лет, без вредных привычек, с целью создания семьи...» Отнести объявление она не успела и теперь, когда оно попало на глаза, с ненавистью изорвала его в мелкие клочья. Хорошая хозяйка и любящая мать...

На следующий день вместо работы Женька отправилась в кожно-венерологический диспансер, что скрывался в мезонине дореволюционного особняка, занимаемого районной поликлиникой. Взяв в регистратуре талончик на приём, она поднялась по витой деревянной лестнице на третий этаж. В узком, как пенал, коридорчике на расставленных вдоль стены стульях сидели два разбитных парня и женщина с подростком. Увидев Женьку, парни перемигнулись и, хихикая, предложили место рядом с собой:

– Присаживайтесь. Говорят, что в ногах правды нет, а с нашим диагнозом и между ног тоже.

Садиться Женька не стала. Дверь кабинета открылась, и из неё вышел мужчина в белом халате.

– Ну что, Вовик? – обратился он к подростку. – Диагноз подтвердился. Придется пройти курс лечения.

Женщина тут же закатила сыну звонкий подзатыльник. Парни засмеялись, а когда доктор с одним из них скрылся в кабинете, тот, что остался в коридоре, заметил:

– Не дрейфь, пацан! Ничего страшного! Гонорея – это не СПИД!

Но мать тут же увела тихо захихикавшего сына прочь. Женька осталась вдвоем с парнем. В джинсах, модной на молнии куртке, он сидел, забросив ногу на ногу, и искал повода, чтобы приклеиться к Женьке. Наконец не выдержал:

– Извините, девушка, у вас тоже что-нибудь венерическое?

– А что?

– Интересно все же. Встретил бы вас где-нибудь в кино или на танцах – ни за что не подумал.

– Я бы тоже не подумала.

Два дня после посещения вендиспансера, пока делали анализы, Женька ходила сама не своя. Ни с кем не разговаривала, всех сторонилась. Словно прокаженная, старалась обходить знакомых. И поэтому, когда ей встретилась хохлушка в кожаном пальто, Женька сразу и не сообразила, зачем она ей нужна. И только пройдя несколько шагов, вспомнила про сумку с деньгами.

Пропажа возвратилась к хозяйке, за что торговка сунула Женьке четвертной. Зажав деньги в руке, она так и шла с ними, пока возле

выхода с рынка её не окружила толпа цыганок. Самая молодая из них, кажется та, что наворожила болезнь, спросила:

– Аб чём печалишься, красавица? Что сердце твоё тревожит? Вижу, большая беда рядом ходит... Палажи рубль на ладонь – все беды отведу!

– На вот, – Женька протянула цыганке двадцать пять рублей. – Возьми!

– Вижу сердце тваё доброе, – обрадовано запричитала гадалка. – И за дабрату твою все невзгоды рассеются, как утренний туман. Верь мне, галубушка, правду гаварю.

По совету матери, женщины не набожной, но суеверной, Женька сходила в церковь, поставила свечку перед иконой Владимирской Богородицы. Прихожан в храме было немного, на неё никто не обратил внимания. Пришла себе и пришла. А Женька даже хотела исповедаться, но не знала, как это сделать. Спросить же никого не решилась – постояла минут пятнадцать, украдкой перекрестилась и вышла на паперть. Там она одарила нищих мелочью и, не поднимая головы, словно приговоренная к смертельной болезни, отправилась к дому с мезонином за результатом анализов.

Теперь она была готова принять всё, как есть. Вместе с позором. Насмешками знакомых. Презрением сослуживцев по работе. Только бы скорее всё закончилось.

Доктор, как и во время первой встречи, снова подробно расспрашивал Женьку о партнерах. Высокий плечистый здоровяк с покрытыми легкой щетиной скулами, он почему-то пришёлся Женьке по душе. Говорить с ним было легко, как с давним другом, потому что он обо всём догадывался с полуслова. В завершение беседы, словно подводя итог встречи, он сказал:

– Так вот, Евгения Павловна, никакого заболевания по нашей части лабораторные исследования, к счастью, не показали, но мой вам совет: остерегайтесь случайных связей. Звучит, конечно, банально, но я желаю вам этого от всей души. Что касается гражданки Солдатовой, то у неё действительно обнаружено хроническое заболевание, и надо сказать, что цепочка зараженных ею весьма солидная.

Выйдя из поликлиники, Женька почувствовала себя счастливой. Как в детстве, когда мама купила ей первую гуттаперчевую куклу. О ощущения праздника даже захотелось зайти в ресторан и заказать бутылку шампанского. Но она не решилась.

В своём кафе она загадочно всем улыбалась и помалкивала. А когда шеф-повар, увидев Женьку нагнувшейся, по привычке решил её

пощупать, тут же наябедничала Алиджану, что тот её домогается. И поздно вечером ценителя женских прелестей по дороге домой жестоко избили неизвестные. С сотрясением головного мозга, двумя сломанными ребрами и разрывом печени «скорая помощь» только под утро доставила беднягу в реанимацию.

Стоило Клаве Руль принять два заветных флакона боярышника, как Женька настучала о её пристрастии руководству общепита – Клаву вызвали в контору и в тот же день уволили по тридцать третьей статье.

Женька сводила счёты со всеми, кто её унижал и презирал. Не пощадила даже бывшую подругу Люську Солдатову: сочинила в объединение анонимку о том, что официантка Солдатова состоит на учёте в вендиспансере и может заразить уважаемых гостей нехорошей болезнью. Через месяц, отреагировав на сигнал «трудящегося Иванова», Люську с треском выгнали с работы.

Следующим был доктор Орлов, которого голыми руками, казалось, не возьмёшь. Тогда, договорившись с Юрием Альбертовичем о встрече на загородной даче, Женька позвонила Жанне Иосифовне. Мол, принимайте меры, сегодня ваш благоверный тайно встречается со своей молоденькой потаскушкой. Заведующая поликлиникой, словно Каменный Гость тут же нагрянула по известному ей адресу. Скандал вышел на славу и потешил Женьку не столько шекспировскими страстями, сколько супружеским мордобоем. Отхлестав блудливого мужа по щекам, Жанна Иосифовна с дури стукнула на него в партком. И, как писала многотиражка «За медицинские кадры», за аморальный образ жизни доктор Орлов был исключен из рядов КПСС...

Женька успокоилась. Полоса невезения осталась в прошлом. Созвездие Тельца, под которым она родилась, обещало ей большую удачу, сильную любовь и далекое путешествие. И точно: за победу в областном конкурсе профессионального мастерства её включили в состав туристической группы для поездки во Францию. Женька не верила своему счастью – Париж всегда был её мечтой!

И вскоре эта мечта осуществилась. Женька побывала в соборе Парижской Богоматери, Лувре, Версале. Вместе с группой она поднималась на Эйфелеву башню и с высоты птичьего полета любовалась столицей мира, а во время круиза по Сене не скрывала восхищения красотой ночного Парижа. А ещё она очень любила погулять в одиночестве по парку Тюильри, Елисейским полям и Латинскому кварталу, где её почему-то принимали за парижанку.